Вестник

Российско-Армянского (Славянского) университета

№ 2

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ISSN 1829-0450

ЕРЕВАН 2014

Հայ-Ռուսական (Սլավոնական)
համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ (ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ)
ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ

ՍԵՐԻԱ՝
ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(17)

ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 2/2014

Российско-Армянский (Славянский) университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(17)

Издательство РАУ

№ 2/2014

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2014г.

ISSN 1829-0450

О Г Л А В Л Е Н И Е

АЛТАЙСКИЙ ФОРУМ: СОРАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

С 28 по 31 мая 2014г на Алтае (турбаза «Турсиб») состоялась международная конференция «Алтайский форум: соразвитие общества, человека и природы в контексте диалога цивилизаций».

Основным организатором конференции стал Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». В работе конференции принимали участие более ста ученых, экспертов, общественных и государственных деятелей из 20-ти стран мира.

В разных секциях конфернеции обсуждались 3 основных блока вопросов: экономика («Зеленая экономика»), культура и духовность, политика и международное сотрудничество.

Российско-Армянский (Славянский) университет на форуме представлял заведующий кафедрой политологии О.Л. Саркисян из Республики Армения. В работе форума принимал участие также директор Института философии, социологии и права НАН РА Г.А. Погосян. Оба участника из Армении выступили с докладами на круглом столе «Политическое пространство в Евразии: новое измерение».

На секциях форума развернулось активное обсуждение, обмен мнениями, дискуссии. В результате работы форума была принята «Алтайская хартия», основным лозунгом которой стал призыв к экологически ответственному, экономическому и общественному развитию. Было принято также решение сделать форум традиционным, сформировать в дальнейшем «Алтайский клуб экспертов», общественных- и бизнес-деятелей, а также создать Институт евразийских исследований.



ОТ СЕДОГО АРАРАТА ДО АЛТАЯ – ДИАЛОГ ДУХОВНЫХ ПОЛЮСОВ МИРА

Г.А. Погосян

После великого мирового потопа, согласно библейскому преданию, ковчег прародителя Ноя пристал к горам Араратским. Согласно легенде, несколько недель кряду Ной выпускал голубя, который, пролетев над водой, неизменно возвращался обратно в ковчег. Но однажды голубь не вернулся, и Ной понял, что голубь наконец нашел сушу – новое пристанище. Через несколько дней вода спала, показалась земля, и Ной вместе с детьми и многочисленными животными спустился из ковчега в Араратскую долину. С тех незапамятных времен началась новая история человечества. Раскопки археологов, проводимые в современной Армении свидетельствуют о том, что поселения людей здесь насчитывают более 5 тысяч лет. Говоря современным интернет-языком, здесь, в Араратской долине, открылся тогда новый цивилизационный портал.

Сегодня на нашей конференции многие говорили об Алтайском портале, об Алтае как месте пересечения культур, разных религий и народов: о том, что, появившись 1,5 тысячи лет назад, алтайцам удалось до наших дней довести и сохранить великие традиции сакральности и уважения к матери-природе, к святым горам, рекам, Катуни, к родной земле и истории. Еще в прошлом веке, в 1926 году, великий русский мыслитель и духовный деятель Николай Рерих путешествовал по Алтайскому краю и Гималаям. Он посетил Верхний Уйман и другие сакральные места. Рерих не случайно называл Алтай «вершиной мира». При этом он имел ввиду не только, а может быть, не столько географическую высоту Алтайских вершин, а именно: духовную вершину. Алтай сегодня многие считают духовным полюсом мира, который может и должен сыграть существенную роль в диалоге цивилизаций. Вчера президент фонда «Алтай–XXI век» Михаил Шишлин привел алтайскую народную пословицу «Человек человеком богат». Мне сразу же вспомнилась древняя армянская пословица «Человек человеком человек», смысл которой сводится к тому, что только в общении с другим, в сотрудничестве с другим, в соотнесенности с другим человеком, если хотите, в диалоге с другим человеком, человек может стать тем, кем ему и предназначено быть, а именно – Человеком. Неслучайно алтайская народная мудрость перекликается с армянской. В этих, на первый взгляд, очень простых, словах сокрыта глубокая философия. Так древний и вечно седой Арарат беседует с горами Алтайскими.

Вчера многоуважаемый Кине Акай, Зайсан Онгудайского района Республики Алтай, обяснил нам значение слова «алтай»: «ал» – это брать, а «тай» – давать. И здесь я снова не могу не отметить поразительное сходство с армяским словом «ар-ев-тур» – дословно означающего «возьми и отдай», что с армянского переводится как «торговля». Известно, что армяне еще в очень глубокой древности занимались торговлей. Они торговали и в Европе, и в Азии. Армянские купцы из итальянской Флоренции первыми проложили торговые пути в Китай и Монголию и торговали по всему шелковому пути. Для многих торговцев из Европы армянские купцы были тогда единственными переводчиками с китайского. Древние китайские источники повествуют о том, что армянские купцы были тогда единственными переводчиками даже среди многих народностей, проживавших внутри Китая, поскольку им приходилось торговать и на севере, и на юге страны. Фигурально говоря, они налаживали диалог не только между китайцами и европейцами, но и между китайцами внутри страны.

Еще в 1892 году, неподалеку от современного Бишкека, русский исследователь Николай Пантусов обнаружил средневековое кладбище – тысячи каменных стел, надгробий и памятников со следами христианского прошлого. Когда-то жители обширных территорий Средней Азии вплоть до современного Синьцзян-Уйгурского автономного округа в Китае исповедовали христианство. Дело в том, что после раскола западной церкви большая часть отвергнутых христиан бежала на восток. Их называли несторианцами – приверженцами учения архиепископа Нестория, отвергнутого в 431 году. В течение нескольких веков они проповедовали и распространяли христианство в Персии, Индии, Средней Азии и Китае. В основном они использовали сирийское письмо, которое впоследствии легло в основу алфавитов многих кочевых народов Азии: уйгуров, монголов, маньчжуров.

Среди прочих находок Пантусова оказался камень, или, как его называют ученые, «кайрак», на котором армянскими буквами начертано имя епископа Ованеса, умершего в 772 году по армянскому летосчислению (т.е. в 1323 году). Кайрак был отправлен тогда в Санкт-Петербург, где его изучил выдающийся ученый и арменовед Николай Марр. Он установил, что армянские буквы написаны старым стилем, то есть задолго до указанной на нем даты (1323 год). Ученый предположил, что, возможно, армянская колония расположилась по соседству с Китаем на территории современной Киргизии и жила изолированно от Армянского нагорья достаточно долго, чтобы старый стиль смог просуществовать без изменений несколько столетий.

«Великий шелковый путь» из Китая в Европу пролегал и через Армению. Слово «Армения» по-китайски звучит «Я-мей-ни-я», иероглифы которого означают «Прекрасная дева Азии».

О Востоке и восточных странах в своих трудах писали армянские историки Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, Павстос Бюзанд, царь Ки-

ликии Хетум, в которых давали подробное описание стран, природы, культуры, населяющих народов и их традициях.

Во время императора Ву Ти династии Хан (140–80 до н.э.) появились армянские купцы, которые торговали шелком, полудрагоценным камнем «нефрит» и другими товарами. О ранних средневековых экономических связях армян свидетельствует археологический материал (фарфор, селадонит), обнаруженный при раскопках армянских городов Гарни, Двина, Ани, крепости Амберд. Китайские товары пользовались большим спросом в Армении: не случайно качественные товары получили в армянском языке название «чинашхарик» (экзотический), что означает «из страны Чин», т.е. «из страны Китай».

Сохранилось письмо XVII века, направленное Далай-Ламой армянской общине в Тибете, которое является доказательством того, что армяне не просто занимались сезонной торговлей с восточными регионами, но создавали постоянные места проживания с культурными и религиозными постройками. Первые армянские колонии начали появляться уже в начале XIIIв. после нашествия монголов в Армению. Тогда часть пленных-армян была поселена в северных районах Китая. Впоследствии армяне проникли вглубь страны, дошли до берегов Тихого океана, обосновались в городе Кантоне (Гуанчжоу). Армяне хорошо знали дороги в Индию и Китай, владели местными языками, знали традиции, специфику местного населения. Поэтому многие европейцы нанимали армян в качестве проводников и переводчиков для благополучного путешествия. Сохранились документы о деятельности армян Кантона, согласно которым богатые купцы-армяне завещали немалые суммы своей родине – Армении. На деньги армянских купцов строились заводы, был основан банк в Кантоне. Занимаясь торговлей, армяне так хорошо овладевали диалектами китайского языка, что зачастую становились переводчиками для самих же китайцев.

Итальянский епископ Андреа Перуджинский, который в 1307 году поехал в Китай, упоминает о большой и красивой церкви в Кантоне, построенной очень богатой армянкой по имени «Тангар». Кроме церкви она построила отдельный дом для церковного священника, дом для гостей, а также позаботилась о зарплате священнослужителей. Сам факт строительства церкви – бесспорное доказательство наличия на юге Китая армянской общины в начале XIV века.

Академик Рачия Ачарян подчеркивал, что в XVII–XVIIIвв. армяне, пользуясь покровительством китайских властей и симпатией населения. «Китай всегда держал свои двери закрытыми перед иностранцами, особенно христианами. Но армянин был исключением и пользовался абсолютной свободой. Армянский торговец был столь привычным явлением в Китае, что в целях свободного въезда и выезда из страны иезуитские проповедники переодевались армянскими купцами. Так, например, в 1603г. иезуит-миссионер Коес Беннет под армянским именем и в армянской одежде вошел в Китай», – писал Р. Ачарян.

Армянские купцы явились «пионерами» торговли между Европой и Востоком. Заключенный в 1688г. торговый договор между английским Восточно-индийским обществом и армянским купцом из Индии Хаджа Паносом Калантаром давал армянам право торговать в Китае наравне с англичанами. В начале XVIIIв. в Кантоне, Шанхае и Макао существовали армянские общины в виде торговых факторий. Одним из выдающихся армян начала XIXв. был Ованес Казарян, которому принадлежит первый перевод Библии на китайский язык. Его труд считается лучшим среди переводов Священного Писания на китайский. В конце XVIIIв. англичане, видя в армянах главных торговых конкурентов, стали преследовать их. Армяне были вынуждены менять места обитания и перебираться в другие страны. В конце XIX в. армянские общины стали ослабевать: в 1870–80-х гг. в Гонконге торговой деятельностью занимались лишь 7 армянских купцов, а газета «Армения» имела всего нескольких подписчиков. Желая сохранить родной язык, армяне отправляли своих детей для обучения в Сингапур к армянскому священнику.

После строительства Дальневосточной железной дороги началась новая волна миграции на Восток. Среди армян-мигрантов большую часть составили выходцы из Зангезура и Нагорного Карабаха – ремесленники, адвокаты, инженеры. Особым авторитетом пользовались врачи, а один из них – Степан Мухдесян – был руководителем здравоохранения Харбина, владельцем сахарного и хлебного заводов – Геворг Абгар. Кстати, именно в Харбине в этот период сложилась самая многочисленная (400 армянских семей) армянская община. Здесь же действовал Армянский патриотический союз «Арцив» («Орел»), Армянский молодежный клуб и Союз армянских женщин, была воздвигнута армянская церковь Св. Григора Лусаворича, хором которой позже руководила певица филармонического оркестра Карине Псакян. В ноябре 1921г. открылась первая армянская школа на Дальнем Востоке.

Армянин из Персии Сет занимал должность судьи и губернатора Гонконга. Обосновавшиеся здесь армяне были в основном из Индии и Новой Джульфы (Иран). Они имели торговые корабли, магазины, склады, основали торговые дома. До нас дошел ряд интересных документов, относящихся к концу XVIII века, о проживающих в Китае армянах. Это – докладные о завещаниях нескольких армян. Один из них, выходец из Гандзака и проживающий в Кантоне, М. Касапян, завещал значительную сумму родной Армении.

В начале XX века выдающимся армянином считался Каджик Аствацатрян – сэр Каджик Пол Чатер. Он был советником генерал-губернатора Гонконга, членом исполнительного и законодательного советов. В 1902г. король Англии Эдвард VII присудил ему титул рыцаря. На средства Пола Чатера был построен порт Гонконга с 11 складами, другие здания. До сих пор индо-армянская община Калькутты существует за счет завещанных им средств. Армянские общины сильно пострадали в годы японской агрессии,

часть китайских армян погибла в японских концлагерях, другая эмигрировала из страны.

Как видим, связи Армении со странами Дальнего Востока, Индии, Китая, Монголии и Российской Сибири уходят далеко вглубь истории. Сегодня очень много армян живут и трудятся на Алтае. Одни приехали сюда давно, еще в начале прошлого века, другие переселились лишь недавно. Мы считаем, что это историческое сотрудничество может стать сегодня более эффективным и обоюдовыгодным, если расширить его в сферу науки и образования. Ни для кого не секрет, что в современном мире серьезных успехов в развитии добиваются те государства, которые вкладывают большие средства в образование и в самые передовые области науки и технологии. Именно в сфере самых современных направлений научного развития нам видится плодотворное развитие сотрудничества между нашими народами. От издревле идущей практики торговых отношений следует совершить переход на более современный уровень научно-технологического сотрудничества. Например, реализации совместных научных исследований в области экологии, зеленой экономики, возобновляющихся энергоресурсов, информационных технологий. Армения для этого обладает достаточно солидным научным и интеллектуальным потенциалом. Кроме того, образовательные системы в Армении быстро адаптируются к новым условиям, легко модернизируются и совершенствуются. Одним словом, нам следует серьезно подумать о том, как сегодня развивать дальше древний диалог между седым Араратом и Алтаем. Диалог цивилизаций, диалог духовных полюсов мира.

О ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ

О.Л. Саркисян

Народы никогда не живут в совместности просто так... Группы сосуществуют не потому, что живут по соседству, а для свершения какого-то совместного деяния.
Х. Ортега-и-Гассет. «Бесхребетная Испания» [1].

В статье анализируются некоторые аспекты ценностных оснований евразийских интеграционных процессов. Подчеркивается, что в данных процессах особое место имеет единство ценностей стратегической культуры национально-государственных элит, интегрирующихся стран. Аргументируется идея, что успех интеграционных процессов в современном мире возможен в условиях синтетичной мультиидентичности, что означает не размывание собственной сущности, а ее обогащение за счет интеграционно-глобализационных факторов.

Ключевые слова: глобализация, евразийская интеграция, естественный консерватизм, стратегическая культура, мультиидентичность.

Процессы, протекающие в современном мире, разнообразны и противоречивы: глобализация и национальная самоизоляция, интеграция и дифференциация, модернизация и традиционализм и др. На этом фоне особую актуальность приобретают, с одной стороны, проблемы сохранения национальной и духовной идентичности (угроза ассимиляции), с другой – опасность замыкания в себе, отставание от магистральных процессов современности (что чревато агрессивным национализмом, фашизмом). Одним из способов избежания указанных крайностей, выживания и развития в сложных условиях современности является *региональная интеграция*. То есть региональная интеграция – своеобразная реакция на однополярную глобализацию, которую некоторые характеризуют как вестернизацию, противовес этой достаточно агрессивной унифицирующей цивилизационной волне. Нам известны и другие, радикальные, варианты реакции на эту глобализацию: агрессивный фундаментализм, шовинизм, терроризм и др. Региональная интеграция является наиболее конструктивным ответом на *однополярную глобализацию*.

Но возникает вопрос: крепок ли союз, основанный только на противодействии? Конечно же, нет! Интеграция, которая является всего лишь защитной реакцией на определенные внешние воздействия, не может быть

эффективной и долгосрочной. Она будет эффективной только в том случае, если опирается на определенные *конструктивные унифицирующие начала*. Под такими началами мы понимаем, с одной стороны, какую-либо наличную общность интегрирующихся субъектов, а с другой, своеобразный «единый манящий замысел», «проект совместной жизни» [1. С. 16], стоящий выше узконациональных, конфессиональных и других различий, способный объединить народы и страны, выработать программу, стратегию общих действий. Заметим, что без единящей идеи, даже в пределах одного народа невозможно достичь серьезного единения.

Единящими основами интеграции могут быть разные факторы. Говоря о евразийской интеграции, многие сегодня на первый план выносят *экономический фактор*. Материализацией значимости этого фактора является процесс формирования Евразийского таможенного союза, Евразийского экономического союза. Действительно, значение экономического фактора в современных интеграционных процессах очень велико. Не умаляя значимости единого экономического пространства, все же отметим, что абсолютизация экономического фактора не оправдано. Очевидно, что экономическая интеграция является следствием *политической интеграции*, а точнее – осмысления единства политических интересов. Например, в случае вхождения Армении в Таможенный союз: экономическая сторона процесса даже сомнительна, но стратегический политический союз очевиден. Интеграционные процессы в данном случае необходимо рассмотреть сквозь призму системы национальной безопасности интегрирующихся единиц (об этом речь пойдет ниже). Наконец, необходимо четко осознать, что и экономическая, и политическая интеграция эффективны только при наличии глубинных интеграционных факторов, каковыми, на наш взгляд, являются факторы культурные, духовные, идеологические.

В свете вышесказанного попытаемся осмыслить некоторые известные нам интегративные образования. *Советский Союз*. Он образовался на развалинах Российской империи. Единое экономическое пространство в определенной степени, конечно же, было налично. Но главным объединяющим фактором было не оно, а Идея, Замысел – идея коммунизма, братства народов, отсутствия всякого угнетения и т.д. Всего за несколько десятилетий в СССР, громадном по территории государстве, удалось создать мощное единое экономическое пространство, многочисленными связями связать все регионы друг с другом. Но единая экономика не спасла страну. Она развалилась не столько из-за экономического кризиса. Это скорее всего было лишь следствием. Государство стало разваливаться из-за постепенного умирания унифицирующей Идеи – люди поняли искусственность лозунгов, которым они уже не верили. Нового «замысла» им не предложили. Стал разгораться сепаратизм, национализм, и страна развалилась.

Европейский Союз. На первый взгляд, основа данного союза – экономическая интеграция. Действительно, единое экономическое пространство тут очевидно: тесные связи, единые стандарты, соответствующая правовая база... Но в основе европейской интеграции все же лежали единые менталь-

ные факторы, ценности. Речь, конечно же, идет о либеральных ценностях, носителями которых были страны-основатели ЕС. Очевидно, что чем больше расширяется ЕС (особенно на Восток), включая в себя страны и народы, которые исторически не являлись носителями крайне индивидуализированных либеральных ценностей, тем больше расшатываются его глубинные основания, тем искусственнее само здание Европейского Союза.

В свете рассматриваемых вопросов необходимо кратко проанализировать понятие *политическое пространство*. В современной политической теории и политической философии данное понятие, конечно же, не тождественно географическому пространству. Это не географическое, а *геополитическое понятие*. Геополитические сдвиги в Евразии за последние десятилетия (сначала развал СССР, Югославии, образование различных непризнанных государств, сегодня новые сдвиги: присоединение Крыма к России, образование новых непризнанных пока геополитических субъектов) говорят о постоянном изменении политического пространства в Евразии.

Политическое пространство, будучи феноменом политической сферы, кроме указанных аспектов, предполагает еще один – ментальный аспект. Речь идет о пласте политического сознания. Следует понять, что не столько единое политическое пространство определяет единство политического сознания, сколько единые базовые ценности и идеалы политического сознания делают возможным единое политическое пространство, в том числе политическое пространство стратегических интегративных союзов. В современном мире географический аспект понятия *политическое пространство* иногда даже отходит на второй план, так как в единое политическое пространство могут включаться страны, которые в географическом смысле могут не граничить друг с другом и даже находиться достаточно далеко друг от друга. Например, страны социалистического лагеря, принадлежа к одному политическому пространству, были разбросаны по всему миру. Определяющим фактором единого политического пространства в таких случаях становится именно политическое сознание. Политическое же сознание будучи составной частью общественного сознания, находится во взаимовлиянии с другими ее формами: моральное сознание, правосознание, формы духовной культуры, менталитет и т.д. С этой точки зрения, такие выражения как, например, *русский мир, западный мир* – предполагают не только мир определенной единой духовной культуры, но и мир единого политического пространства. Точно так же можно сказать, что понятие *евразийский мир* – как возможное единое политическое пространство, предполагает не только геополитическое содержание, но и духовно-идеологическое.

Мы считаем, что вообще что-то становится возможным в реальности только тогда, когда оно сначала предполагается как возможное в сознании людей. Сознание людей сначала должно «легитимизировать» то, что потом станет реальностью. Сказанное относится и к формированию евразийского союза. Первичным в данном случае является понимание того, а готово ли

сознание народов к этому союзу, способно ли оно легитимизировать идею союза. Иначе, если ограничиться сугубо декларациями и манипуляцией сознания, союз будет искусственным и непрочным.

Необходимо понять, что объединяет и что разъединяет народы и государства, которые хотят вступить в союз, понять шкалу их национальных интересов и взаимосовместимость этих интересов. Факт, что эти народы и государства разношерстны: в этническом, конфессиональном и другом смыслах. Но наличны также серьезные единящие начала. Некоторые из них носят *цивилизационный характер*, что очень важно, ибо может стать реальным основанием для всего процесса интеграции. Речь, во-первых, идет о своеобразном *естественном консерватизме* системы ценностей. Естественном в том смысле, что отражает заложенные в сущности человеческого рода признаки. Одним из главных проявлений такого консерватизма является *естественный коллективизм* – признание коллектива как ценности. Речь идет о семье, об общине, этнических группах. Западный мир, в принципе, до сих пор не признает коллектив как естественное начало. Естественным началом признается только индивид. Не случайно, что естественными правами признаются только права индивида, но не коллектива (то, что называют коллективными правами, как известно, никакого отношения к правам коллектива не имеет). Мы ни в коем случае не отрицаем ценность прав индивида, но мы против их противопоставления правам коллектива. Односторонняя абсолютизация прав индивида противоречит коллективной сущности человека. Еще Аристотель говорил «человек – общественное животное». Убираем общественную сущность человека, возможную только через социализацию в коллективе, остается только животное. «Естественное состояние» крайних либералов оказывается не состоянием человека, а зверя. Не-западные общества сохраняют пока дух естественного коллективизма, понимая, что все смысловые оболочки индивидуального сознания определяются коллективом как естественной единицей. Опыт показывает, что насильственное распространение чрезмерно индивидуализированных либеральных ценностей губит не-западные общества, размывает фундаментальные основы их существования, превращает общественную жизнь в хаос. Иногда складывается впечатление, что хаос в этих обществах, становится основой для процветания самого Запада.

Коллективизм естественен также в том смысле, что связывает сам коллектив (например, этническую группу) с определенной территорией, естественной средой, где он сформировался, то есть с *исторической Родиной*. Такое понимание сущности коллектива сегодня очень актуально. Оно, скажем так, *экологично*, так как позволяет рассмотреть коллектив в гармонии с естественной средой его обитания. Этот аспект естественной сущности человеческого коллектива многим регионам западного мира чужд, так как мы имеем дело с народами, которые живут не на своей исторической Родине.

Если западный индивидуализированный менталитет выделяется своим потребительским, утилитарно-прагматическим отношением как к

природной, так и социальной среде, то народам, включенным в ареал евразийской интеграции, присуща своеобразная *духовность*, выражающаяся как по отношению к членам социума, так и к естественной среде. Прямым проявлением этой духовности и ценности идеи коллектива является важное значение в жизни этих обществ религиозных институтов. Хотя сами эти религии и их институты разные, но они больше различны на уровне буквы религии, а не духа, в котором отражаются единые общечеловеческие ценности.

Производным из естественного консерватизма и коллективизма является *ценность традиции и преемственности* в развитии. Достаточно долго западные ученые обосновывали, что традиция – это преграда на пути прогресса, понимая под прогрессом в основном технический прогресс. Но опыт стран Восточной и Юго-Восточной Азии показал, что это не так – духовная традиция совмещается с интенсивным техническим развитием.

Эти общецивилизационные признаки присущи не только народам, которые входили в состав СССР, но и многим другим народам Евразии, некоторые из которых иногда заявляют о желании присоединиться к евразийской интеграции. Этот момент достаточно важен в свете последних событий, которые еще раз подтвердили смещение вектора евразийской интеграции на восток. Речь идет о событиях в Украине, укреплением стратегического сотрудничества России с Китаем, такие же попытки с Индией и т.д.

Что же касается тех участников евразийской интеграции, которые входили в состав Российской империи, а затем – СССР, то унифицирующих факторов тут, конечно же, намного больше. Общецивилизационные ценности тут дополняются другими: определенный общий отрезок исторической памяти (общие деяния: победы и страдания), определенный отрезок принадлежности к общей большой Родине, контакты на уровне обыденных человеческих отношений, определенные знания о складе характера и менталитета друг друга и т.д.

В контексте евразийской интеграции мы рассмотрели аспект наличных общих ценностных точек соприкосновения на уровне общественного сознания и менталитета евразийских народов. Это, так сказать, стимулы к интеграции, идущие «снизу». Но очевидно, что более чем 20 лет, прошедшие с распада СССР, многое изменили. Национализм, религиозная нетерпимость и другие односторонние проявления замкнутых в себе локальных политических пространств не могли не оставить своего негативного следа на интегративном духе массового сознания. Особо нужно учесть, что за это время появилось новое поколение, воспитанное в условиях, не способствующих интеграции. С этой точки зрения, важным становится рассмотрение проблемы с иного аспекта: каковы же стимулы, идущие «сверху» – от национально-государственных элит к общественному сознанию, где первичным становится осмысление тех проблем и решение тех задач, которые сделают возможным доминирование общих признаков над различиями,

доведут до сознания людей идею реализации собственных интересов через реализацию общих интересов.

Сказанное предполагает создание модели, концепта интеграции, а также программных действий, направленных на реализацию этой модели, на уровне сознания национально-государственных элит. Этот слой сознания и поведения элит мы называем *стратегической культурой*. В одной из наших статьей мы попытались определить стратегическую культуру следующим образом: «*Стратегическая культура – это совокупность базовых, имеющих стратегическое значение ментальных, идеологических факторов (установок, принципов, ценностей, идеалов, норм, мифологем и идеологем и т.д.), существующих на уровне сознания национально-государственной элиты, направленных на эффективное использование всего внутреннего потенциала государства (нации) для утверждения своего места в мире, на обеспечение национальной безопасности, а также моделей и технологий поведения и принятия решений элитой на пути реализации этих стратегических целей*» [2].

Стратегическая культура связана с политической культурой, но если политическая культура пронизывает все общественное сознание, получая массовую материализацию, то стратегическая культура существует на уровне национально-государственной элиты. Формирование политической культуры происходит как спонатанно, так и целенаправленно (например, идеологический пласт), что означает наличие как рациональных, так и иррациональных элементов. Стратегическая же культура есть результат сугубо целенаправленной рациональной деятельности элит. Но политическая и стратегическая культура находятся в отношении взаимовлияния, взаимообусловленности. Наличная политическая культура делает возможным формирование стратегической культуры. При наличии государственно-национальной элиты с определенной степенью стратегического мышления определяющей становится воздействие стратегической культуры на политическую культуру общества, что обеспечивает ее поэтапно программное и эффективное развитие. Стратегическая культура при этом направляет развитие политической культуры: фундаментальные принципы стратегической культуры преломляются в сознаниях и моделях поведения масс.

В свете рассматриваемой проблемы вышеизложенное предполагает, что национально-государственные элиты, осмысливая собственные национальные интересы и современные вызовы национальной безопасности, должны создать стратегические модели интеграции и постепенно опустить на уровень общественного, в частности, политического сознания. Эти модели и должны содержать тот «замысел», который способен объединить народы на деяния. То есть идея интеграции сначала должна легитимизироваться на уровне стратегического сознания элит, а потом – масс. Для реализации этого государство имеет все возможные инструменты и технологии. Необходима только системная реализация поставленных целей. Особое значение здесь имеет система образования, как основная единица в

деле социализации и формирования сознания индивида, на что государство должно обращать первостепенное внимание.

Стратегическая культура – концепт, направленный на обеспечение национальной безопасности. Именно на уровне стратегической культуры должно быть осмыслено, что интеграционные союзы – палка о двух концах: на первый взгляд, вступая в такой союз, государство вроде бы сужает свой суверенитет, но, с другой стороны, получает реальные гарантии национальной безопасности, тем самым укрепляет суверенитет.

В широкомасштабных интеграционных процессах особое значение приобретает наличие силы, которая не только предложит «замысел» объединения, но и создаст условия для его легитимизации, учитывая при этом как сходства субъектов интеграции, так и их различия. Речь идет, по существу, о лидере, который поведет за собой. Исторический опыт с очевидностью демонстрирует, что насилие и принуждение не могут обеспечить долгосрочности и эффективности интеграции. На роль данного лидера в евразийской интеграции претендует, конечно же, Россия. Можно ли сказать, что евразийская идея претендует на статус основной стратогемы России. Наверное, да. Но сформировалась ли данная стратегическая культура окончательно. Наверное, нет. То, что Россия активизировалась и пытается реализовать различные стратегические проекты, это очевидно. Но иногда складывается впечатление, что различные стратегические проекты России не слились в единую стратегическую культуру. Очевидно, что мобилизованы определенные научно-идеологические группы, которые развертывают деятельность по легитимизации определенных стратегических идей: группа, занимающаяся евразийской интеграцией, группа занимающаяся проблемами российской идентичности и утверждения концепта «российской гражданской нации» и др. Но пока аморфен высший слой стратегического видения, где эти различные концепты будут гармонично синтезированы, как взаимодополняющие проекты, снимая противоречия между ними. Тем более, что очевидно, что вышеуказанные стратегические идеи пока достаточно чужды для политического сознания как государственной бюрократии, так и рядовых граждан РФ. Необходимо осознать, что деятельность элит в случае крупных геополитических образований эффективна, только при наличии подготовленного слоя государственной бюрократии с развитым гражданским сознанием (академик Ю.С. Пивоваров назвал это *просвещенной бюрократией*), которая своей деятельностью сумеет связать стратегические планы элиты с населением, довести их до массового сознания. Кстати, отсутствие такого связующего звена серьезная проблема не только для России, но и для всех постсоветских государств.

Евразийская идея может стать основной стратегической моделью только через смягчение ее державного варианта. В державном варианте она есть стратегическая культура только России, а может стать стратегической культурой всех интегрирующихся субъектов. Для примера, в ЕС это не удалось сделать: сегодня очевидно, что стратегическая культура некоторых стран-лидеров ЕС (прежде всего, Германии и Франции) представляется как

стратегическая культура всего ЕС, что подрывает основы эффективности данного союза.

Наконец, хотелось бы обратиться к еще одному аспекту рассматриваемой проблемы – к историческому анализу интеграционных и глобализационных процессов прошлого. Обращение к истории – не самоцель и не тоска по прошлому. В прошлом нас должны интересовать эффективные механизмы и технологии образования интеграционных союзов. Обращение к прошлому важно и в другом аспекте: при любом интегративном и глобализационном процессе на первый план выдвигается проблема сохранения идентичности интегрируемой единицы. Исторический анализ помогает увидеть также механизмы сохранения, более того: обогащения и укрепления собственной идентичности в условиях глобализации.

В условиях интеграционных и глобализационных процессов есть серьезная угроза замыкания в своей абсолютизированной идентичности. Выход из тупиковой ситуации, на наш взгляд, должен заключаться в попытке обогащения собственной идентичности за счет самих глобализирующих факторов, результатом чего является своеобразная *мультиидентичность*. Мультиидентичность предполагает не эклектику и хаос, а синтез новых идентичностей вокруг стержня основной идентичности (которая может быть и национально-этнической, и конфессиональной, и цивилизационной). Мультиидентичность не есть размывание, а усиление собственной идентичности, ее модернизация через сам этот глобализационный элемент. Можно провести паралелль со статусным и ролевым набором личности. Будучи носителем определенных основных статусов, личность дополняет их множеством других статусов. В результате, чем шире этот набор, тем личность более развитая. Тот же самый механизм работает, на наш взгляд, и в случае идентичности. Мультиидентичность есть результат включенности народа в разные образования (цивилизационные, культурные, религиозные и т.д.). С этой точки зрения, мультиидентичность – единственный синтетичный вариант существования в современном мире. Это – ситуация, когда приобретаемые глобальные аспекты идентичности не ущербны для основной идентичности.

В некоторых наших публикациях [3], обращаясь к историческому опыту армянского народа, находящегося на перекрестке культур и цивилизаций, различных глобализационных волн (политическая глобализация Ахеменидов, эллинистическая культурно-цивилизационная глобализация, христианская религиозно-цивилизационная глобализация и т.д.), мы пришли к выводу, что армянский народ, в основном в условиях отсутствия собственной государственности, сумел сохранить свою идентичность за счет того, что не замыкался в себе, не прибегал к политике культурной автаркии, а, наоборот, «поглощал» сам глобализационный элемент, приспосабливая его к себе (например, эллинистическая культура, христианское учение). Получается мультиидентичность стала важнейшим фактором сохранения и усиления основной, *стержневой идентичности*.

В контексте нашей темы из вышесказанного можно сделать следующий вывод: легитимизация идеи синтетичной мультиидентичности для сознания народов евразийской интеграции – необходимое условие эффективности самого союза.

Таким образом, обобщая выступление, снова подчеркнем, что всякая, в том числе евразийская интеграция, эффективна только в том случае, если основывается на системе определенных унифицирующих ценностей, которые существуют на уровне сознания народов и их элит. Позволим себе завершить следующим высказыванием: прежде чем поменять мир, сначала необходимо изменить сознание. Изменить же сознание – означает изменить мир.

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания. М., 2003. С. 17.
2. *Саркисян О.Л., Биджоян Т.С.* О некоторых аспектах соотношения понятий «стратегическая культура» и «политическая культура». Ер., «Вестник РАУ». № 16 (№ 1/ 2014). С.31.
3. См.: *Саркисян О.Л.* Роль культурного фактора в процессе сохранения идентичности армянской нации // Материалы международной научной конференции «Армения в диалоге цивилизаций» (Нижний Новгород, ННГУ, 28 апреля 2011г./ ДЕКОМ, Нижний Новгород, 2011. *Саркисян О.Л.* Проблема сохранения национальной идентичности в условиях глобализационных процессов (на примере Армении: история и современность) // ГЛОБАЛИСТИКА–2013: Материалы III Международного научного конгресса; М., МГУ имени М.В. Ломоносова, 23–25 октября 2013г.: Тезисы докладов. М.: Пресс, МАКС, 2013.

ԵՎՐԱՍԻԱԿԱՆ ԻՆՏԵԳՐԱՑԻՈՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԻ ԱՐԺԵՔԱՅԻՆ ՀԻՄՔԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Ամփոփում

Հոդվածում վերլուծվում են եվրասիական ինտեգրացիոն գործընթացների արժեքային հիմքերի որոշ տեսանկյուններ: Ընդգծվում է, որ տվյալ գործընթացներում հատուկ նշանակություն է ձեռք բերում ինտեգրվող երկրների ազգային-պետական էլիտաների ռազմավարական մշակույթի արժեհամակարգի միասնությունը: Փաստարկվում է այն գաղափարը, որ ինտեգրացիոն գործընթացների հաջողությունը արդի աշխարհում հնարավոր է համադրական բազմանույնականության պայմաններում, ինչը նշանակում է ոչ թե սեփական էության տարալուծում, այլ ընդհակառակը՝ նրա հարստացում ինտեգրացիոն գործոնների հաշվին:

THE VALUE FOUNDATIONS OF INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA

Summary

In the article we analize some aspects of value foundations of Eurasian integration processes. It is necessary to mark that there is a crucial role for the integrity of values of strategic cultures of national-state elites, i.e. the units of integration. It is argued the idea that the success of integration in modern world is possible only in terms of synthetic multi-identity which means not the deterioration of self- essence but its enrichment on the basis of integration-globalization factors.

Keywords: globalization, Eurasian integration, natural conservatism, strategic culture, multi-identity.

ЕВРАЗИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

М.Г. Абрамова, И.М. Вершинина

«Гражданином в общем смысле является тот, кто причастен и к властвованию и к управлению».
Аристотель

В статье обосновывается возможность практического воплощения основных идей евразийства как учения, утверждавшего успешность только такого государственного управления, которое будет зиждиться на собственных, присущих данному народу, традициях и особенностях. Последовательно раскрывая отношение евразийцев (Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого, Н. Трубецкого, Г.В. Вернадского и др.) к категориям «государство», «право», «личность», авторы выделяют центральный концепт евразийства – «служение общему благу». В этой связи формулируется задача выработки нового государственного стратегического управления как сверхзадачи возникающего Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: евразийство, Евразийский экономический союз, идеократия, общее благо, коллективизм.

29 мая 2014г. произошло знаменательное историческое событие, результаты которого только еще предстоит системно осмыслить политологам, юристам, экономистам. В г. Астана (Казахстан) был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе. Документ определяет международно-правовой статус, организационные рамки, цели и механизмы функционирования учреждаемого с 1 января 2015г. Союза. Зафиксированы базовые принципы евразийского интеграционного проекта, ключевым из которых является то, что деятельность этой организации должна в полной мере отвечать национальным интересам всех ее участников: России, Белоруссии и Казахстана. О своем желании участвовать в этом объединении заявили также Армения, Киргизия. Таким образом, создается обширное общее экономическое и политико-правовое пространство под названием «Евразия». Станет ли оно эффективно функционирующим организмом или это яркое название останется лишь на бумаге? Это напрямую зависит от того, какая система ценностей и норм установится на этом пространстве, какими идеями и положениями будут руководствоваться элиты этих государств, принимая решения и определяя стратегию развития своих стран.

В связи с этим представляется, что у Евразийского экономического союза, а если смотреть шире – у народов этих государств, появился истори-

ческий шанс, не часто выпадающий – построить новое политико-правовое общественное сознание, опираясь на которое и руководствуясь которым национально ориентированные элиты смогли бы вывести общества на новый этап развития, преодолеть системный кризис, который переживают все без исключения страны постсоветского пространства [1]. Думается, что наиболее успешно такое развитие могло бы основываться на уже существующем наследии – евразийской идеологии.

Евразийство, в отличие от славянофильства, было течением в большей степени геополитическим, более практическим, чем философским и религиозным. Это, скорее всего, можно объяснить тем, что развитие евразийских идей стало своего рода реакцией на революцию 1917 года и попыткой не только объяснить произошедшее, но и, исходя из изменений, произошедших в России, наметить путь дальнейшего развития страны. Один из основателей евразийства – П.Н. Савицкий, считал, что «проблема русской революции есть тот основной стержень, около которого движется их мысль и их воля, как мысль и воля людей русского мира и носителей русского призвания во вселенной... Евразийцы не боятся противоречий. Они знают, что из них соткана жизнь. Евразийцы живут в противопоставлениях. В своей системе они совмещают традицию и революцию. И они совершенно уверены, что в дальнейшем развитии событий не они, но история совместит эти начала» [2].

П. Савицкий писал о том, что «с точки зрения причастности к основным историософским концепциям «Евразийство»... лежит в общей со славянофилами сфере. Однако проблема взаимоотношений обоих течений не может быть сведена к простому преемству... Славянофильство в каком-то смысле было течением провинциальным и «домашним». Ныне, в связи с раскрывающимися перед Россией реальными возможностями стать сосредоточием новой Европейско-Азиатской (Евразийской) культуры, величайшего исторического значения, – замысел и осуществление целостно творчески-охранительного миросозерцания (каковым и считает себя евразийство) должны найти для себя соответственные и небывалые образы и масштабы» [3].

Евразийцы считали своими предшественниками славянофилов, также как и они, противопоставляли Россию Европе, отмечая ее культурно-историческое своеобразие и самобытность. Вместе с тем, они были не согласны со славянофилами в том, что это культурно-историческое своеобразие определяется славянским началом. Они выходили за пределы той России, о которой писали славянофилы, и писали о России, которая исторически сложилась на пространстве евразийского континента.

Суть отличия евразийцев от славянофилов выразил русский писатель В.Н. Иванов: «Они правильно вносят поправку в дело славянофилов, ища на Востоке того, чего не хватало Аксакову, Хомякову, Конст. Леонтьеву, чтобы обосновать наше отличие от Европы. Только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя» [4].

Еразийцы были первыми, кто поставил вопрос о России, как об особом, с географической, политической, экономической и других точек зрения, мире – серединном материке – Евразии, от которого они собственно и получили свое название. При изучении истории России они сочетали исторический подход с географическим. Их географический подход заключался в том, что они рассматривали историю России как историю взаимодействия народов леса и степи и считали, что «именно взаимодействием исторических формаций степной зоны, с одной стороны, и лесной, с другой, определяется очень многое в политических, культурных, экономических судьбах России» [5].

Географическое обоснование единства народов, населявших территорию евразийского пространства, занимало важное место в концепции евразийцев, которые считали, что расположение природно-климатических зон, обширные равнины способствовали интенсивному взаимодействию, скрещиванию и перемешиванию культурных и этнических элементов пространства, занимаемого Россией, приучали к совместному проживанию, обуславливали необходимость политического, культурного и экономического объединения. Евразийцы ввели в оборот термин – месторазвитие, который обозначал качественное влияние географического фактора (пространства, ландшафта, окружающей среды и т.д.) на исторические события, культуру, социальные и политические системы этносов.

Такой подход евразийцев давал повод оппонентам обвинять их в географическом детерминизме. Однако, на наш взгляд, за этим скрывалось неприятие некоторыми «азиатского» элемента, который евразийцы включали в ткань русской истории, а с другой стороны, несогласие со слишком, якобы, экономическим и государственным подходом в ущерб религиозно-культурному (например, Г. Флоровский). Таким азиатским элементом евразийцы считали татаро-монгольское государство времен Чингисхана, оказавшим огромное влияние на развитие русской государственности в период татаро-монгольского ига. Признавая, подобно многих историкам, тот факт, что ее идеологической основой были православие и византийские традиции, евразийцы в то же время считали, что русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской, и что «чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему Россию в эпоху татарского ига» [6]. Это религиозное горение позволило Древней Руси облагородить татарскую государственность, придав ей новый религиозно-этический характер и сделать ее своей.

В концепции евразийства явно прослеживалась геополитика, но они сами не отрицали этого, признавая, что являются основателями геополитического подхода к русской истории [7]. Евразийцы считали, что «политическое объединение этой огромной территории является результатом усилий не одного лишь русского народа, но и многих народов Евразии» [2. С. 33].

В связи с этим в евразийской концепции они выделяли два важных обстоятельства: 1) подчеркивалось, что уже с XV века Россия была многонациональным государством. При этом особое значение в XVI веке евразийцы придавали татарским служилым элементам, «которые, по их мнению, являлись подлинными созидателями военной мощи Московского государства того времени». Более того, в политическом укладе русского государства, они прослеживали определенные мотивы, в соответствии с которыми «отдельным частям нерусского населения обеспечивались его национальные и вероисповедные права»; 2) утверждалось, «что связи с Азией не менее существенны в русской истории, чем связи с Европой». Высказывая такое мнение, евразийцы считали, что необходим пересмотр истории русских внешних сношений «в духе большего, чем это практиковалось до сих пор, выпячивания роли Востока» [7]. Евразийцы считали, что русскую историю можно трактовать как систему, «основанную на смене различных форм взаимоотношений между теми идеологическими, государственными и хозяйственными образованьями, которые возникли в каждой из этих двух крупнейших евразийских зон» [5]. В обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу – особенность евразийского понимания русской культуры и геополитики. При этом Россию-Евразию они воспринимали как единый, живой и развивающийся организм, как «собор народов» [2. С. 35].

На наш взгляд, геополитический подход евразийцев может и должен быть переосмыслен в современных условиях глобализации и глобального мира. Они говорили о том, что Россия, «воспринимая эту (евразийскую – *прим. автора*) традицию, должна решительно и бесповоротно отказаться от прежних методов объединения, принадлежащих изжитой и преодоленной эпохе, – методов насилия и войны. В современный период дело идет о путях культурного творчества, о вдохновении, озарении, сотрудничестве. Несмотря на все современные средства связи, народы Европы и Азии все еще, в значительной мере, сидят каждый в своей клетушке, живут интересами колокольни. Евразийское «месторазвитие», по основным свойствам своим, приучает к общему делу» [8]. Продолжением историософских и геополитических построений евразийцев, ядром их концепции, сохраняющей свое значение и по сегодняшний день, стала теория государства, главную роль в разработке которой сыграл Н.Н. Алексеев. Несмотря на существование в истории разных направлений русской политической мысли, каждое из которых выдвигало свой идеал государственного устройства, всех их, по мнению Алексеева, объединяла попытка сформулировать общественный идеал, основанный на «правде».

Евразийцы рассматривали общество, организованное в государство, как «живое органическое единство», которое предполагает существование в нем «особого правящего слоя – совокупности людей, определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого» [6. С. 575]. В правящим слое они выделяли его ядро – государственный актив. Принцип и характер

отбора правящего слоя и государственного актива, а не формы правления они считали главным для характеристики государства. Раскрывая принципы государственного устройство европейских стран и не соглашаясь с ним, евразийцы выставляют в качестве нового типа отбора правящего слоя – идеократию, а вместе с ним новый тип устройства государства – идеократический строй, в котором правит «идея-правительница», носителем которой и является правящий слой. «Идея-правительница должна быть такова, чтобы, во-первых, ради нее стоило жертвовать собой и, во-вторых, чтобы жертва ради нее расценивалась всеми гражданами как морально ценный поступок» [6. С. 626].

В принятой на первом съезде Евразийской организации Декларации, автором которой был теоретик евразийства Г.В. Вернадский, говорилось, что евразийцы придают исключительно большое значение понятию и явлению личности. Но личность не воспринимается евразийством в отрыве от соборного целого. Служению общему делу должны быть посвящены все ее силы. Таким образом, центральным понятием евразийского идеократического государства является «общее дело», служение общему благу, коллективизм. Идеологи евразийства, по сути, опередили свое время, предложив новую концепцию коллективных интересов, которая только сейчас начинает формироваться в юридической доктрине социально ориентированных государств (например, в новых конституциях Боливии, Эквадора, Венесуэлы).

Евразийцы (например, Н.Н. Алексеев) утверждали, что «право России должно строиться на принципах и предпосылках, альтернативных западным либеральным юридическим теориям. *Не право важно, но правда, государство правды.* Гарантийное, «обязательное» государство, имеющее дело с личностями, но не с индивидуумами, не с атомарными учредителями произвольного коллективного предприятия» [9].

В развитии государства евразийцы предполагали исходить из советского государственного строя, который они, однако, считали переходной формой к государству нового типа. Рассматривая возможную эволюцию советского государства, Н.Н. Алекссев выделял два ее пути. И нам интересен первый, по которому, как он полагал, может пойти эта эволюция, и насколько точным оказался его предполагаемый прогноз. Он писал, что данная возможность «основана на предположении постепенного угасания того запаса энергии, который создала революция», что если будет реализован первый путь, то, «как этого желают и как это предполагают демократы, однопартийный коммунистический режим заменится многопартийным в западном или полузападном смысле этого слова. Вступление советского государства на означенный путь означало бы, что творчество новых политических форм кончилось, революция угасла, наступает царство задворков Европы...» [10. С. 175, 177].

Евразийская концепция государства исходила из нового понятия о государстве и всей государственной системы, которая отличается как от системы демократической, так и от системы коммунистической. «Евразий-

ское государство является политическим образованием, как мы говорим, демотической природы. Мы хотим этим сказать, что государство наше построено на глубоких народных основах и соответствует «народной воле». Мы строим наше государство на суверенитете народа, но не на том дезорганизованном, анархическом суверенитете, на котором строятся западные демократии (где «народный суверенитет» равен механическому агрегату мнений отдельных достигших политической зрелости граждан), а на суверенитете организованном и органическом. Мы считаем «народом» или «нацией» не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры» [10. С. 179].

Евразийцы выступали за отмену политических партий, считая, что они лишь организуют голосующий корпус и подменяют своей волей мнимую волю голосующего корпуса. «Государство должно пробудиться от немой пассивности; оно должно определить тот объективный и реальный принцип, на основе которого может быть построено истинное национальное «представительство», то есть найдены реальные носители организационных государственных функций, действительные выразители национальной воли. Мы хотим, иными словами, заменить искусственно-анархический порядок представительства отдельных лиц и партий органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей. Поэтому нам не нужна политическая партия, как она нужна демократии западного стиля» [10. С. 180].

В каждом государстве существует, по их мнению, некая политическая константа, которая обеспечивает устойчивость государства и преемственность определенного курса, которая, однако, скрыта «за пышными декорациями демократического режима и фразеологией парламентаризма». Евразийцы полагали, что эта константа должна быть ясно опознана и четко сформулирована. Именно в этом смысле они понимали идеократический характер государства или, другими словами, «государство стабилизированного общественного мнения» (то есть общественного мнения, которое не представляет из себя «нервную скачку политических настроений»).

Не будучи сторонниками советской системы, они сумели увидеть в ней «здоровые» элементы, которые могли бы получить дальнейшее развитие в том государстве, которое они надеялись увидеть (или построить сами) в России. В общих чертах эта система должна была складываться из диктатуры одной партии (они не боялись этого слова) и представительных учреждений, что «дает возможность удачно сочетать наличность стабилизированного общественного мнения с его динамикой. Первая воплощает начало постоянное, вторые – начало подвижное». Новый тип евразийского государства требовал, чтобы тот общественный слой, который является носителем стабилизированного общественного мнения был не политической партией в европейском смысле этого слова, а стал бы органической частью государства. И такие части, по их мнению, уже были в СССР. Это –

территориальные, профессиональные и национальные элементы государства. Правящая партия должна быть поставлена, наряду с ними, как носительница органической государственной идеи. При этом евразийцы не выступали за насильственное искоренение политических партий, они полагали, что правильно выстроенная политика построения государств нового типа сама приведет к естественному отмиранию режима партий.

Таким образом, согласно Н. Алексееву, в 1917 году в России возобладали, как это не покажется странным западному менталитету, одновременно идеи демократии, диктатуры и социальной справедливости, что отвечало началам русского человека. «Они должны остаться и стать основами будущего периода русской истории. Но они должны быть исправлены и преображены. Должны быть освобождены от материализма и преображены в смысле религиозном... Будущее принадлежит православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде» [10. С. 115–116].

Стратегическое экономическое развитие предстало в упомянутой нами выше Декларации первого съезда Евразийской организации как государственно-частная система.

Вопросы общественного устройства евразийцы не сводили лишь к вопросам политического и экономического характера. «Будучи людьми верующими и исповедуя религиозные начала, они утверждали «философию подчиненной этим началам политики и экономики» [11]. Безусловно, в отличие от славянофилов евразийцы большее внимание уделяли вопросам экономическим, проблемам устройства общественного быта, но они не принимали того материализма, который восторжествовал на Западе. Их философия – это не философия материализма, это скорее философия организационной идеи. «От материализма, в его классическом виде, она отграничена также резко, как и от всякого отвлеченного идеализма. Идеализм не имеет приводных ремней к материализму. Евразийцы отмечены совершенно исключительным вниманием к материальному, даже особым чутьем к нему. Недаром их часто обвиняют в «географическом материализме», материализме историческом и т.д. Но то материальное, с которым они имеют дело, – это материя, проникнутая идеей, это материя, в которой дышит Дух [8].

Представители евразийства говорили о том, что их философия имеет религиозное завершение, что они живо ощущают Божественную природу мира и что «русская философская мысль и философская мысль других народов Евразии только тогда поднимутся на достойную их небывалую высоту, когда снова, после пережитых испытаний, загорится в просторах Евразии ярким огнем религиозное вдохновение» [8]. И именно в этой области было главное расхождение с коммунизмом, который не признавал возможность одновременного существования религиозного начала и нового социального строя. Евразийцы, наоборот, считали, что «новый строй

обретет полноту и устойчивость в тот момент, когда просветится внутренним религиозным светом».

В государстве евразийцев особое место принадлежит понятию личности, в которой главное место занимает традиция. И в этом они близки к славянофилам. По словам П. Савицкого, евразийцы понимали «культуру и культурно-исторические миры... как особого рода «симфоническую личность». Традиция есть духовный костяк такой личности. Евразийцы крепят этот костяк в той культуре, к которой принадлежат, но делают это не в спазматической гримасе охранительного рвения, а в творческом усилии, ставящем своей целью приобщить к традиции вновь возникающее, в традиционном осуществить небывалое. Дело идет не о мертвой, механической традиции, но о традиции, преображенной и очищенной. Сократовский завет о познании себя остается в силе и тут. Каждый народ должен быть личностью. А личность единственна и неповторима. И как раз единственностью и неповторимостью своей ценна и для других. Народ не должен желать «быть, как другие. Он должен желать быть самим собой» [12].

Думается, что богатое и разнообразное в идеологическом плане евразийское наследие лучших представителей русской философской, политической и правовой мысли может послужить основой того нового мировоззрения, которое способно вывести страны, объединившиеся в Евразийский союз, на новые рубежи прогрессивного общественного развития. Это развитие должно основываться на традиционных для нашего общего политико-экономического пространства, органических идеях, а не быть заимствованным либеральным опытом, уже приведшим в тупик большинство стран мира.

1. См. подробнее: *Саркисян О.Л., Биджоян Т.С.* О некоторых аспектах соотношения понятий «стратегическая культура» и «политическая культура» // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета, 2014. № 1. СС. 25–32.
2. *Савицкий П.Н.* Евразийство как исторический замысел // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: ЭКСМО, 2007. С. 18.
3. *Савицкий П.Н.* Евразийство // В сб.: Русская идея. М., 2004. С. 356.
4. Цит. по: *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство // http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn10.htm
5. *Савицкий П.Н.* Основы геополитики России // http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm#spn11text1
6. *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: ЭКСМО, 2007. С. 221
7. *Савицкий П.Н.* Евразийская концепция русской истории // http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm
8. *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm
9. *Петров В.* Евразийское государство правды // http://rusgeopolit.com/?p=467#_ftn1
10. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 2003.

11. *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn10.htm#spn10text11
12. *Савицкий П.Н.* Евразийство как исторический замысел // http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn12.htm

THE HERITAGE OF EURASIAAS THE BASIS OF NEW STATE STRATEGIC GOVERNANCE

Summary

The given article lays the groundwork for the possible practical implementation of the key Eurasia-founding ideas as a teaching that holds that this kind of state management may be successful only if it rests on the traditions and values characteristic of its own people. As the authors of the article thoroughly explore and analyze the attitude of Eurasia adherents (N. Alexeyev, P. Savitsky, N. Trubetskoy, G. Vernadsky et al.,) to such categories as “state”, “law” and “individual”, they single out the central concept of the Eurasia heritage – “serving the common good of the people”. Towards this end, the authors define the task of working out a new structure of state strategic management as the major objective facing the Eurasian Economic Union.

Keywords: Eurasia-founding idea, Eurasian Economic Union, ideocracy, Common good, collectivism.

ЕВРАЗИЯ И АЗИОПА КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ РОССИИ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ НЕОЛИБЕРАЛОВ

А.В. Попова

В статье представлен анализ взглядов неолиберальных мыслителей в начале XXв. по поводу роли России в развитии мировой цивилизации, ее взаимоотношений с Востоком и Западом и определением будущности России в виде Евразии или Азиопы.

Ключевые слова: Евразия, Азиопа, цивилизация, национальная идея, социокультурные особенности, идеократическое государство.

На современном этапе развития мирового сообщества и места различных государств в нем особое внимание, как и в начале XXв., стало уделяться роли и месту России в развитии человеческой цивилизации. Последние события в Украине, приведшие к жесткому противостоянию России и Запада, лишний раз показали, что взаимоотношения с государствами ЕС не являются единственно возможными для дальнейшего развития российской государственности. Существование однополярного мира прекращает свое существование, в силу чего конфликт между нашей страной и Западной Европой и США приобретает особую актуальность для будущности всей мировой цивилизации. Подобное происходит не в первый раз, так, в 1922г., будучи в эмиграции видный евразийский мыслитель Н.С. Трубецкой отмечал, что отношения России и западного мира могут быть охарактеризованы следующим образом: «Пока ее (Россию – *А.П.)* не поделят или не отдадут одному из романо-германских зверей, мировую войну нельзя считать законченной. В этом и состоит сущность «русской проблемы» для романо-германцев (стран Западной Европы – *А.П.*). Эти последние смотрят на Россию, как на возможную колонию» [5. С. 55]. Данные слова не потеряли своей актуальности и сегодня.

В настоящее время Россия становится цивилизацией, занимающей центральное место в мире, от развития которой зависит будущность всего мирового сообщества. Основой любой цивилизации является ее самоидентификация, основанная на национальной идеи. Поэтому президент Российской Федерации В.В. Путин поставил перед обществом задачу поиска общенациональной идеи, которая должна «родиться как сплав, как органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем» [4].

Данная проблема, на наш взгляд, не может быть адекватно решена без обращения к истории вопроса определения роли России в истории человечества, к вопросу об отношении нашей страны к уже известным в истории цивилизациям и, прежде всего, западной и восточной. Именно поэтому особое значение приобретает обращение в научной мысли конца XIX – начала XXвв., когда Россия находилась, так же как и сейчас, на особом этапе своего развития – осознания своей цивилизационной принадлежности и национальной идентичности.

В трудах неолиберальных мыслителей конца XIX – начала XX вв. Россия представляла собой особый тип локальной цивилизации, с одной стороны, находившийся в единой цепи западноевропейских цивилизаций, а с другой стороны, имевшей свои социокультурные особенности. Так, П.Н. Милюков, лидер партии Народной свободы, видный неолиберальный деятель, утверждал, что общей для славянофилов и западников являлась идея закономерности общественного и государственного развития, но западники искали «эту закономерность не в сведению национального процесса к абсолютному единству, а в объяснении его в конкретном разнообразии». Неолиберальный мыслитель, полагая, что Россия развивается подругому, чем Западная Европа, считал, что нигде, ни в каком общественном строе форма государства не может считаться неизменной – она всегда меняется, как только меняется состав общества или влияние переходит от одного класса к другому. Поэтому при сохранении самобытности развития России, утверждал П.Н. Милюков, существуют необходимые предпосылки ее «вхождения» в один ряд с европейскими государствами [3]. Таким образом, для собственного саморазвития России и занятия ею подобающего места среди мировых цивилизаций, по мнению неолиберальный мыслителей, необходимо «освободив свое мышление и мироощущение от давящих его западных шор», так как только «в сокровищнице национально-русской духовной стихии» следует «черпать элементы для создания нового мировоззрения». Только тогда «вполне свободные от преклонения перед кумиром западной цивилизации», мы сможем «всемерно работать на создании самобытной национальной культуры, которая, сама вытекая из нового мировоззрения, в то же время обосновала бы собой это мировоззрение» [5. С. 63].

В.С. Соловьев полагал, что каждый народ имеет собственное предназначение в истории развития мировой цивилизации, который проходит в своем развитии две стадии. Первая (до человека) может быть определена как естественная эволюция. Вторая осуществляемая через свободную и сознательную деятельность человека – представляет собственно исторический процесс, идеальной целью которого является восстановление всеединства человека в мире и мира с Богом путем построения Царства Божия на земле. Идеал такого общества В.С. Соловьев видел в свободной теократии, при которой нравственная власть принадлежит Церкви и ее первосвященнику, сила – царю, как персонифицированному выразителю государственности, а право живого совета с Богом – пророкам, «обладателям ключей

будущего». Царство Божие для своего действительного явления в этой жизни требует совершеннейшей общественной организации, которая и вырабатывается всемирной историей. Нормальным обществом В.С. Соловьев считал то, в котором все сферы общественной жизни, сохраняя свою относительную самостоятельность, взаимно дополняют друг друга как составные части одного органического существа, необходимые друг для друга так, что их положительные действия взаимно усиливают, а отрицательные нейтрализуют друг друга. Оптимальным вариантом такого взаимодействия в современном ему российском обществе он считал взаимодействие церкви, государства и земства; церковь при этом обеспечивает нравственное, государство – политическое, а земство – экономическое руководство обществом. Субъектом исторического процесса, согласно В.С. Соловьеву, является все человечество, или Богочеловечество, как действительный, хотя и собирательный организм, отдельные части которого – племена, народы, будучи подчинены целому и им обусловлены, выполняют каждый свою особую, заложенную в них миссию, или идею, которая и реализуется через определенную силу. В истории, писал он, всегда действуют совместно три силы, олицетворяемые в трех типах культуры: мусульманской, западно-европейской и восточно-европейской, или славянской. Первые две борются между собой, приводя мир в «дурную бесконечность, в никуда». Поэтому в истории действует «третья сила» – русский народ, который дает положительное содержание двум первым, освобождает от их односторонности, примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов. По мнению В.С. Соловьева, через органический синтез этих трех сил и реализуется сокровенный смысл истории. Дальнейший прогресс истории зависит от того, писал мыслитель, сможет ли Россия понять и осуществить свое призвание «тихим и умным деланием» [6].

Одной из важнейших характеристик русской народной индивидуальности, по мнению Н.А. Бердяева, является ее глубокая поляризованность и противоречивость. «Противоречивость и сложность русской души, отмечает он, может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории: Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролось два начала, восточное и западное» [1. С. 44]. Н.А. Бердяев считает, что существует соответствие между необъятностью, безграничностью русской земли и русской души. В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Русский народ, утверждает Н.А. Бердяев, не был народом культуры, основанной на упорядоченных рациональных началах. Он был народом откровений и вдохновений. Два противоположных начала легли в основание русской души: языческая дионистическая стихия и аскетически-монашеское православие. Эта двойственность пронизывает все основные характеристики русского народа: деспо-

тизм, гипертрофию государства и анархизм, вольность, жестокость, склонность к насилия и доброта, человечность, мягкость, обрядоверие и искание правды, индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм, национализм, самопохвальство и универсализм, всечеловечность, эсхатологически-миссионерскую религиозность и внешнее благочестие, искание Бога и воинствующее безбожие, смирение и наглость, рабство и бунт. Эти противоречивые качества русского национального характера и предопределили, по мнению Н.А. Бердяева, всю сложность и катаклизмы российской истории.

Неолиберальные мыслители полагали, что для развития цивилизации характерны два взаимоисключающих начала – механическая стабильность, переходящая в апатию (в периоды усиления государственного начала) или обратное состояние – дестабилизация (в случае его слабости). Когда старая государственность распадается, возникает состояние анархии, порожденное «вакуумом власти». В такой ситуации власть может быть захвачена лишь крайними течениями – «экстремистами» правового или левого направления. Затем процесс идет по заведенному кругу. Представители неолиберализма различали понятие «социальной» революции, которую не принимали, и «политической» или «конституционной», которая выражалась в постепенной модернизации государственного строя России.

Однако, отдавая предпочтение эволюционному реформированию государственности, отдельные неолибералы допускал и ее революционное обновление. Так, П.Н. Милюков отмечал необходимость процесса подготовки этой революции, выражающегося в формировании нового национального самосознания. Именно поэтому революция – это любое историческое движение, имеющее прогрессивное политическое и социальное содержание для поступательного развития вперед государства в целом. Реформирование государственного строя в России, его преобразование в конституционную монархию, установление в стране парламентаризма являлись, по существу, революционными мерами. С этой точки зрения реформаторская деятельность вне зависимости то того, кем она проводилась, представлялась революционной.

Неолиберальный тезис об исключительной роли России во всемирной истории получил свое развитие в русской эмиграции в 20-х гг. XX века, когда появилось течение евразийства. Представители этого течения полагали, что Евразия это «месторазвитие» России, во многом определившая ее историю, национальный характер русского народа. Четыре идеи легли в основу нового учения: 1) утверждение особых путей развития России как Евразии; 2) идея культуры как симфонической личности; 3) обоснование идеалов на началах православной веры; 4) учение об идеократическом государстве. Основой евразийства был постулат о том, что России и населяющим ее народам предопределено особое место в человеческой истории, предначертан особый исторический путь и своя миссия. «Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном, важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к Западу от нее (Европа), а также

к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии» [5. СС. 217–218].

Краеугольным камнем евразийства является учение о государстве. Его разработка наряду с Л.П. Карсавиным принадлежит специалисту в области философии и права Н.Н. Алексееву. Евразийская культура выдвигает идею – «государство нового типа», реализующее единство и цельность всех сфер нецерковного евразийского мира. В этом смысле государство стремится стать церковью, т.е. Градом Божим. Для достижения этой цели оно вынуждено превращать мирскую свободу – произвол в сферу принуждения. Сфера государства есть сфера силы и принуждения. Более того, евразийцы уверены, что чем здоровее культура и народ, тем большей властностью характеризуется его государство. Для того чтобы успешно решать возложенные на него задачи, государство должно обладать не просто сильной властью, но властью, сохраняющей в то же время связь с народом и представляющей его идеалы. В учении евразийцев ее субъектом является «демотический правящий слой», формируемый путем «отбора» из народа, связанный с ним одной идеологией (мировоззрением), и потому способный выражать его подлинные интересы. Демотическая власть принципиально отличается от европейской демократии, основанной на формальном большинстве голосов, поданных за того или другого представителя власти, связь которой с народом в большинстве случаев на этом и заканчивается. Государство, основанное на «демотическом правящем слое», вышедшем из народа и связанном с ним одной идеологией, определялось как идеократическое. Выдвинутый из недр народа правящий слой для выполнения властных функций неизбежно должен противопоставить себя народным массам, которые имеют склонность к стихийным и деструктивным действиям. Выполнение этой функции требует от правящего слоя безоговорочной координации усилий. На это и направлен особый тип «отбора», внутренним законом жизни которого является жесткое подчинение дисциплине и сохранение «чистоты рядов» на основе преданности общему мировоззрению, возведенного в ранг абсолюта и потому не допускающего критики и инакомыслия.

Такое государство может возникнуть только при определенных условиях развития мировых цивилизаций. Следует отметить, что в среде русской интеллигенции будущность России в зависимости от ее отношения к Западу и Востоку могла быть представлена в виде либо Евразии либо Азиопы (Данный термин был введен П.Н. Милюковым). Многие неолиберальные мыслители в противовес с сближением со странами Западной Европы, видевшим в России только собственную колонию, писали, что «отныне интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может Китая и других стран Азии,

таким образом «азиатская ориентация» становится единственно возможной для настоящего русского националиста» [5. С. 57].

На современном этапе российской государственности снова встает вопрос об определении России как особой цивилизации в ряде других. Большинство авторов сходится во мнении, что наше Отечество представляет собой локальный тип цивилизации, основой которой являются духовно-нравственные ценности русского народа, при четко выраженных признаках поликонфессиональности и полиэтничности как отличительных черт становления российской государственности. Подобные особенности являются следствием исторических условий становления России как результата «заимствования» западной и восточной типов цивилизации, выявленных в русской неолиберальной доктрине начала XXв. в качестве цивилизационных особенностей России. Следует вспомнить пророческие слова Н.С. Трубецкого «Россия опять оказывается великой державой, которую все боятся и уважают, которой на перерыв предлагают самые заманчивые политические и экономические комбинации, которой остается только свободно избрать себе самую лучшую форму правления и зажить припеваючи на страх врагам и себе на славу» [5. С. 47].

1. *Бердяев Н.А.* Русская идея. (Париж: YMCA-Press, 1971). 258с.
2. *Милюков П.Н.* Исконные начала и требования жизни в Русском государственном строе. (Ростов-н/Д.: «Донская речь», 1905). 20с.
3. *Попова А.В.* Неолиберализм в России. (М. : УОП ГУЗ, 2005). 120с.
4. *Путин В.В.* Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета, 1999. 30 декабря.
5. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. / Под. Ред. Л.И. Новиковой, И.Н. Сиземской. (М.: Наука, 1993). 365с. //http://philosophy.ru/iphras/library/evrasia/bic1.html (дата обращения 12.06.2013).
6. *Соловьев В.С.* Оправдание добра (Нравственная философия) / В.С. Соловьев. Т. 1 // http://lib.rus.ec (дата обращения 17.03.2013).

EURASIA AND DEVELOPMENT PERSPECTIVE AZIOPA AS RUSSIA'S LABOR RUSSIAN NEOLIBERALS

Summary

The article presents the analysis of the views of the neo-liberal thinkers in the early twentieth century about the role of Russia in the development of world civilization, its relationship with the East and the West and the determination of the future of Russia, Eurasia or Aziopa.

Keywords: Eurasia, aziopa, civilization, national idea, the socio-cultural features, ideocracies state.

СТАТЬИ

Экономика

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЧАСТНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

А. Асатрян

В статье рассматрен опыт реформ частных пенсий в современном мире и представлены тенденции реализации этих реформ в Армении. Международний опыт пенсионных реформ имеет большое значение для Армении, которая стоит на пороге принятия этих реформ, поэтому статья иследует пенсионние реформи в развитых стран мира, таких как Франция, Великобритания, Австралия и США.
Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная страхования, пенсионные доходы, пенсионное обеспечение, пенсионный фонд.

Значение частных пенсий значительно возросло за последние 20 лет в вопросе обеспечения пенсионных доходов, что является результатом усилий многих стран, направленных на сокращение нежизнеспособных распределительных пенсионных систем. Огромная роль частных пенсионных доходов видна в тех странах, где состоялись и эффективно действуют частные пенсионные программы [16. С. 1]. Армения одна из тех стран, которая вступила на порог пенсионных реформ. Считаем, что внедрение частного пенсионного страхования в Республике Армения является очень важным шагом для обеспечения доходов людей пенсионного возраста и определенных социальных груп. В связи с этим, считаем очень важным изучить зарубежный опыт частного пенсионного страхования и извлечь уроки для построения эффективной системы частного пенсионного страхования.

До 2010 года пенсионная система Армении носила распределительный характер. В 2010 году правительство Армении начало реформы в области пенсионной системы и приняло закон «О накопительных пенсиях». Предложенная новая пенсионная система состоит из трех частей:

- Базовая социальная пенсия, которую обеспечивает государство;
- Накопительная: государство и гражданин совместно;

- Добровольно накопительное – как возможность накопления дополнительной пенсии.

Об обязательных дополнительных пенсиях первый закон вступил в силу в Швеции в 1959г. После чего аналогичные системы были введены в Финляндии (1961г.) и в Норвегии (1967г.). В этих странах систему дополнительных пенсий поддержали работодатели благодаря тому, что средства на них аккумулировались в частных страховых компаниях.

Во Франции подобные решения появились в 1972 году, в Англии в 1975 году, в Швейцарии – в 1985 году [10. С. 104]. В вышеперечисленных странах, а также в Японии, Дании, Канаде законодательством была создана правовая база параллельно для двух систем. Государственная, как правило, гарантирует скромный уровень всеобщего или почти всеобщего пенсионного обеспечения, в то время как негосударственная обеспечивает дополнительные надбавки к пенсиям, также, в обязательном порядке, для особых групп трудящихся или самозанятых категорий населения.

Наибольшее распространение негосударственные пенсионные фонды получили в США, наименьшее – в тех странах, где хорошо развиты государственные системы (Скандинавские страны и Австрия).

В большинстве стран институциональную основу негосударственного пенсионного страхования представляют негосударственные пенсионные фонды и страховые компании. В таких странах, как Великобритания, США, Канада, Япония, основой негосударственного пенсионного страхования выступают доверительные (трастовые) фонды [13. СС. 61–62].

В Германии существует пять видов дополнительного пенсионного обеспечения, которые финансируются за счет частных средств и три вида, финансируемых с участием государственных средств [11. С. 45].

В настоящее время пенсионная система Германии представляет собой трехуровневую модель. Первый уровень – обязательное государственное пенсионное страхование, второй уровень – производственные пенсии, уплачиваемые предприятиями, и третий – приватное (частное) материальное обеспечение в старости [6. СС. 29–39].

Федеральный закон ФРГ «О пенсии, предоставляемой предприятием» (Betriebsrentengesetz) от 19 декабря 1974г. регулирует как непосредственное исполнение обязательства работодателя по выплате производственной пенсии (Direktzusage), так и выплаты пенсий кассами взаимопомощи, страховыми компаниями, пенсионными кассами и пенсионными фондами. Кроме того, широко распространена практика производственного материального обеспечения в старости путем вложения денежных средств в инвестиционные фонды и в отдельных случаях – даже вложение денежных средств в акции предприятия-работодателя [7. СС.10–13].

Добровольное пенсионное страхование в Германии реализуется через систему страховых компаний или Пенсионных касс, причем, осуществляется на усмотрение самих граждан, которых государство стимулирует налоговыми льготами [12. СС. 56–69].

Во Франции центральными организациями по профессиональным пенсиям являются два полугосударственных-получастных пенсионных плана, охватывающих более половины населения Франции: AGIRC (Association Generale des Institution de Retraite des Cadres) и ARRCO (Association des Regimes de Retraite Complementaires).

Как такового обязательного накопительного пенсионного фонда во Франции не существует. Есть фонд капитализации, где каждый копит специально для себя – отчисляет ежемесячно столько, сколько считает необходимым. Несмотря на это, некоторые предприятия все же имеют принудительный накопительный фонд, отчисления в который происходят автоматически.

Механизм выплаты пенсионных пособий во Франции таков, что около половины размера пенсии формируется за счет страховых и пенсионных фондов – как обязательных, так и добровольных.

Пенсионное накопительное страхование, в рамках которого пенсия выплачивается из средств, откладываемых работниками на протяжении трудовой деятельности, дополняется так называемым солидарным пенсионным обеспечением [17], когда пенсии выплачиваются старикам из отчислений ныне работающих.

Кроме основных, во Франции существуют обязательные дополнительные системы социального страхования, функционирующие на основе межпрофессиональных национальных соглашений. Большая часть обязательных дополнительных систем страхования по старости сосредоточена в рамках двух фондов. Первый (Ассоциация режимов дополнительных пенсий – ARRCO) охватывает всех наемных работников и финансируется за счет обязательных взносов предпринимателей (4% фонда заработной платы) и наемных работников, уплачивающих 2% с заработной платы. Второй фонд (Всеобщая ассоциация пенсионных учреждений – AGIRC) осуществляет обязательное пенсионное страхование руководящих служащих и управленческих работников.

Пенсионная система *Великобритании* – одна из старейших систем социального страхования в мире (с 1908 года) и два раза подвергалась глобальной перестройке.

В Великобритании пенсионеры могут получать пенсионные выплаты из трех источников: базовой социальной пенсии и трудовой пенсии («второй» государственной, зависящей от заработка и стажа) из национальной страховой схемы, профессиональной пенсионной схемы и добровольных накоплений. Таким образом, сложившаяся система пенсионного обеспечения стоит на трех основах: базовой государственной пенсии, дополнительной государственной пенсии и пенсионном сбережении населения.

На уровне дополнительного пенсионного обеспечения накопления граждан не облагаются подоходным налогом. Не подлежит налогообложению также накапливаемый в пенсионных фондах инвестиционный доход. По достижении же пенсионного возраста гражданин имеет возможность выбора: можно оформить пенсию в том же пенсионном фонде, можно

перевести накопленную сумму в другой пенсионный фонд или в страховую компанию для приобретения пенсии. Жесткая конкуренция рыночных структур за деньги пенсионеров обеспечивает гражданам выбор наилучших условий.

Структура пенсионного обеспечения Великобритании может быть описана по уровням. Первый уровень – государственная пенсия по старости (Basic State Pension). Она предоставляется всем гражданам, размер пенсии минимален и дифференцирован в зависимости от семейного статуса пенсионера – одинокого человека или семейной пары. В Армении – это базовый уровень. Второй уровень – государственная пенсия по выслуге лет (State Earnings Related Pension Scheme, SERPS). Предоставляется наемным работникам и зависит от стажа и размера заработной платы. В Армении – это накопительная часть обязательной пенсии. Третий уровень – негосударственная пожизненная пенсия по выслуге лет (Occupation Pension Scheme). Негосударственные пенсии позволяют работнику получать в старости до 70% от своей последней заработной платы. Работник, получающий такую пенсию, теряет право на государственную пенсию второго уровня. В Армении подобными функциями должна быть наделена система негосударственного (добровольного) пенсионного обеспечения [8].

Негосударственный пенсионный фонд в большинстве зарубежных странах – это организация, занимающаяся разноплановой некоммерческой деятельностью, которая заключается в аккумулировании денежных средств населения, их дальнейшего инвестирования в различные сектора экономики и последующего использования для выплат пенсий и пособий участникам фонда.

В Чехии, например, пенсионные фонды, являющиеся «проводниками» по негосударственному пенсионному страхованию, организуются в виде акционерных обществ с минимальным уставным капиталом около 800 тыс. долл. США.

Законом от 6 октября 2005 года «О добровольных пенсионных фондах и пенсионных планах» республики Сербии учреждаются общества по управлению добровольными пенсионными фондами, которые могут функционировать исключительно как закрытые акционерные общества. Учредителями закрытых акционерных обществ по управлению пенсионных фондов могут быть национальные и иностранные юридические и физические лица. Допускается участие в качестве учредителей данных акционерных обществ банков и страховых обществ. В то же время запрещается выступать в качестве учредителей юридическим лицам, в уставном капитале которых государство занимает преобладающую долю [15].

Согласно ст. 4 Закона республики Хорватии от 13 мая 1999г. «Об обязательных и добровольных фондах» образуются пенсионные общества в форме акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью. Предметами деятельности пенсионного общества являются исключительно учреждение и управление пенсионным фондом. По настоящему Закону предусмотрено образование обязательных и добровольных пен-

сионных обществ. К добровольным пенсионным фондам относятся фонды, в которые застрахованные лица в добровольном порядке уплачивают отчисления (взносы) на свой накопительный счет. Добровольное пенсионное общество может учреждать добровольный пенсионный фонд.

Действующее зарубежное законодательство также предусматривает структуру органов частных пенсионных фондов. Так, Закон республики Хорватии от 13 мая 1999г. «Об обязательных и добровольных фондах» предусматривает трехзвенную структуру органов пенсионного общества: правление, наблюдательный совет и общее собрание акционеров [3. С. 57].

Характерной особенностью инвестиционной деятельности негосударственных пенсионных фондов является возможность инвестирования средств страхователей не только внутри страны, но и в других странах с целью повышения темпов прироста и сохранения накоплений от инфляции. В связи с чем, одним из факторов, обеспечивающих устойчивость пенсионных накопительных систем и эффективность их инвестиционной деятельности, является возможность осуществления своих инвестиций за рубежом. В большинстве стран Латинской Америки установлены предельные размеры вложений пенсионных фондов в ценные бумаги других стран – до 10% общего своего инвестиционного портфеля [5. С. 59].

В большинстве западных стран в соответствии с пенсионными планами часть оплаты труда работников удерживается до их выхода на пенсию. На эту сумму обычно предусматривается начисление процентов. Кроме того пенсионные планы предприятий и налоговое регулирование большинства развитых стран предусматривают возможность получения единовременного пособия при выходе на пенсию в пределах 25–33% от суммы пенсионных накоплений работника, позволяющего ему решить свои финансовые проблемы (погашение кредита, покупка жилья и т.д.). В Австралии, например, разрешено при достижении пенсионного возраста вместо оформления негосударственной пенсии изымать пенсионные накопления. Чилийцы могут по желанию получить всю сумму сразу или же частями (ежемесячно) и при достаточном уровне накоплений имеют право уйти на покой раньше 60–65 лет или продолжить трудиться и после достижения пенсионного возраста [14. С. 45].

Несмотря на то, что во многих странах система социального страхования и налогообложения обязывает работодателей делать отчисления в государственные пенсионные фонды, компании разрабатывают собственные планы дополнительных накопительных льгот для своих сотрудников. Грамотно построенные пенсионные схемы не только способствуют привлечению специалистов, но и помогают удерживать их в организации.

Наибольшую распространенность приобрели два принципа организации накопительных программ, перенятые из практики США и адаптированные во многих странах мира – с установленной выплатой и установленным взносом.

Схемы с установленными выплатами предполагают взимание взносов только с предпринимателей (работники не участвуют в формировании

фондов). К таким программам относятся, в частности, федеральные пенсионные программы для государственных служащих и военнослужащих, а также некоторые частные программы (в рамках отдельных предприятий). Программы с установленными выплатами обеспечивают ежемесячные пенсионные выплаты в определенном размере, чаще всего заранее оговаривается некоторый процент от зарплаты [9. С. 63]. Такие программы обычно четко указывают возраст, по достижении которого будут осуществляться пенсионные выплаты.

Схемы с установленной выплатой преобладали в США до конца 70-х годов. К основным преимуществам этих планов можно отнести полную безопасность работников, так как пенсионные гарантии предоставляются самими компаниями. В сегодняшних условиях расходы, сопряженные с реализацией таких программ, становятся непосильными для работодателей. Поэтому они стараются вводить новые схемы, а именно: с установленными взносами, которые характеризуются тем, что у каждого работника существует персональный счет, на который перечисляются и где хранятся отчисления [1].

В настоящее время существует несколько вариантов схем-планов с определенными взносами: 401 (k), 403 (b), владение акциями компании, планы раздела прибыли и многие другие. Так, План 401 (k) позволяет самому работнику решить, какая часть его заработной платы будет оставаться не выданной до момента выхода на пенсию. Ключевым моментом здесь является то, что отсроченные платежи не попадают под налогообложение и перечисляются на пенсионный счет «чистыми». Работники, принимающие участие в плане 401 (k), берут на себя ответственность за обеспечение собственной старости, не только решая, сколько денег удерживать из зарплаты, но и какими инвестиционными инструментами пользоваться для их размещения.

Подобного рода системы пенсионных сберегательных вкладов существуют в США и для работников некоммерческого сектора (план 403(b) для благотворительных организаций и образовательных учреждений), для государственных и муниципальных служащих (план 457), программа пенсионных вкладов для служащих федерального правительства (Thrift Savings Plan).

Проведенный анализ зарубежного опыта негосударственной системы пенсионного страхования позволяет сделать вывод о том, что общим для всех стран является государственная политика по расширению дополнительного пенсионного страхования и индивидуальных пенсионных программ.

Как выше отметили, в Армении введена трехуровневая система, где накопительный уровень представлен двумя элементами-обьязательным и добровольным страхованием.

Обязательная накопительная система будет внедрена с 2014 года и коснется тех, кто родился после 1974 года. Сейчас акцентируется добровольная накопительная система, которая действует с января 2011 года. В

группе тех, кто делает накопления добровольно, лица старше 40 лет, и часть распределительного компонента предусмотрена для их основной пенсии.

Если сегодня пенсии выплачиваются из госбюджета, то в новой системе ее будут выплачивать частные пенсионные фонды, и именно здесь будут накапливаться удерживаемые из зарплаты, а потом выплачиваемые в виде пенсий суммы. Эти новые финансовые институты, однако, не будут просто копить средства, и управляющие фондами будут заниматься их вложением на рынках ценных бумаг. Таким образом, будущий пенсионер будет также участвовать в развитии экономики, с одной стороны, давая ей возможность иметь «длинные деньги», с другой стороны, он получит процентный доход от тех акций или облигаций, в которых имеет долю. Кроме этого, работник может постоянно контролировать, как управляющий использует его деньги, какая сумма накоплена на его счете по состоянию на данный день.

Накапливаемые в фондах суммы могут ощутимо снизить процентные ставки по вкладам и кредитам. А бизнесмены посредством выпуска акций и облигаций смогут привлечь накапливаемые для пенсий денежные средства. Государство будет следить за тем, чтобы управляющие не злоупотребляли своим положением и фонды не лопались, оставляя людей с пустыми карманами [2].

Опыт стран, которые приватизировали национальные пенсионные системы, показывает, что пенсионные реформы продолжают являться предметом переработок и исправлений. Причиной этого являются риски и проблемы, которые возникают в процессе функционирования частных пенсионных систем (проблема обеспечения равных пенсий для двух полов, проблема низкого покрытия, политические и инвестиционные риски, риски ограничения конкуренции на рынке управления пенсионными ресурсами, риски управления и др.).

Поскольку проект пенсионной реформы в Армении был разработан при активном участии Всемирного банка, в процессе его разработки были учтены все позитивные разработки, которые позволили отдельным странам сократить влияние вышеуказанных проблем и рисков. Так, в проекте реформы пенсионной системы Армении успешно решена важнейшая проблема низкого покрытия, характерная для независимых частных пенсионных систем (посредством установления четырех уровней пенсионной системы), созданы относительно равные условия получения пенсий для мужчин и женщин. Однако очень остро стоят риски недостаточной диверсификации подлежащих инвестированию накопительных пенсионных активов, недостатка конкуренции среди управляющих компаний и, как следствие, высоких административных расходов, политические риски [4].

Думаем, что развитие негосударственного пенсионного страхования в Армении окажет благоприятный эффект на экономику в целом, и, в частности, на развитие инвестиционных фондов и рынка ценных бумаг и облигаций.

1. *Александрова А.В.* Реформирование пенсионного законодательства США в условиях глобализации // Социальное и пенсионное право, 2009. № 4.
2. *Аракелян А.* Гарантии обеспеченной старости создаются сегодня. четверг, 8 июля 2010 // http://www.gov.am/ru/in-the-focus/item/5245/
3. *Басов В.В.* Негосударственные пенсионные фонды как институт социальной защиты населения: дисс. канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2000.
4. *Гомцян С.* Пенсионная реформа: чему нас учит зарубежный опыт? 09.09.2010. http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=5024
5. *Горюнов И.Ю.* Негосударственные пенсионные фонды в современной России: Дисс. … докт. экон. наук. М., 2006.
6. *Ермаков Д.Н.* Современные системы пенсионного страхования в европейских странах // Социальная политика и социология, 2010. № 6. СС. 29–39.
7. *Ермаков Д.Н.* Частное (приватное) пенсионное страхование в современной Германии// Вестник МГОУ. Серия «Экономика». № 4 / 2011. СС.10–13.
8. *Лазаревский А.А.* «Велика Британия пенсионной системой» / http://www.prostobank.ua/ finansovyy_gid/pensiya/ stati/velika_britaniya_ pensionnoy_sistemoy
9. *Лебедева Л.* Почему американским пенсионерам живется лучше, чем российским? // Человек и труд, 2005. № 4. С. 63.
10. *Малютина Н.Н.* Развитие системы пенсионного обеспечения в зарубежных странах // Труд за рубежом, 1995. № 3. С. 104.
11. *Непп А.Н.* Возможность применения реформирования системы пенсионного обеспечения Германии к Российским условиям: дисс. … канд. экон. наук. Екатеринбург, 2005. С. 45.
12. *Скурова А.В.* Особенности негосударственного пенсионного страхования в России и за рубежом// Российский внешнеэкономический вестник 4 (Апрель) 2011. СС. 56–69.
13. *Чудовская Г.В.* Негосударственные пенсионные фонды в Российской Федерации: дисс. … канд. экон. наук. М., 2007. СС. 61–62.
14. *Чурсина К.М.* Негосударственные пенсионные фонды в Российской Федерации: сущность, механизм функционирования и перспективы развития: Дисс. … канд. экон. наук. Воронеж, 2007. С. 45.
15. *Шрам В.П.* О реформе пенсионного обеспечения в Сербии и Хорватии // Журнал российского права, 2008. № 6.
16. *Տապիա Վ.*, Մասնավոր կենսաթոշակային համակարգերի նկարագրություն. ՏՀԶԿ-ի ԹԻՎ 22 աշխատանքային փաստաթուղթ ապահովագրության և մասնավոր կենսաթոշակների վերաբերյալ. 2008թ. սեպտեմբեր:
17. The French Economy/ Theory and Policy. London: Westview Press, 1995.

ՄԱՍՆԱՎՈՐ ԿԵՆՍԱԹՈՇԱԿԱՅԻՆ ԱՊԱՀՈՎԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՓՈՐՁԸ ԵՎ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

Ամփոփում

Հոդվածը լուսաբանում է ժամանակակից աշխարհում անհատական կենսաթոշակային բարեփոխումների փորձը և ներկայացնում այդ բարեփոխումների իրականացման միտումները: Կենսաթոշակային բարեփոխումների շեմին կանգնած ՀՀ համար շատ կարևոր է միջազգային փորձը, այդ իսկ պատճառով, հոդվածում մեկնաբանվում են կենսաթոշակային բարեփոխումները աշխարհի առաջաբար պետություններու, ինչպես օրինակ՝ Ֆրանսիայում, Մեծ Բրիտանիայում, Ավստրալիայում, ԱՄՆ-ում:

Հիմնաբառեր՝ կենսաթոշակային համակարգ, կենսաթոշակային ապահովագրություն, կենսաթոշակային եկամուտներ, կենսաթոշակային ապահովություն, կենսաթոշակային ֆոնդ:

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PRIVATE PENSION INSURANCE AND DEVELOPMENT TRENDS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Summary

The article enlightens the experience of private sector pension reforms in the contemporary world and presents the tendency of implementing these reforms in Armenia. The international precedent of pension reforms is very important for Armenia, that is on the edge of accepting them. That is why the article introduces and tries to analyze the pension reforms in the world's leading countries, such as: France, Great Britain, Australia and The USA.

Keywords: pension system, pension insurance, pension income, pension security, pension fund.

ԱՌԱՎԵԼԱԳՈՒՅՆ ԱՊԱՀՈՎԱԳՐԱՎՃԱՐՆԵՐԻ ՀԱՇՎԱՐԿԸ ՄԵՔԵՆԱՆԵՐԻ ԱՊԱՀՈՎԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՐ

Ն.Մ. Մելքոնյան

Կատարվել է օգտակարության ֆունկցիաների դասերի ուսումնասիրություն: Հայտնաբերվել է ավտոմեքենա ունեցող անհատի հարստության ստորին սահմանը: ԿԱՍԿՈ և ԱՊՊԱ ապահովագրական դասերի համար հաշվարկվել են առավելագույն ապահովագրավճարի չափերը:

Հիմնաբառեր՝ օգտակարության ֆունկցիա, սպասվող օգտակարություն, ռիսկից խուսափելու գործակից, մեքենաների ապահովագրություն, առավելագույն ապահովագրավճար:

Ներածություն

ՀՀ ապահովագրական շուկայի զարգացման նոր ուղին սկսվեց 01.01.2011թ.-ից, երբ ներդրվեց ավտոտրանսպորտային միջոցների օգտագործումից բխող պատասխանատվության պարտադիր ապահովագրությունը՝ ԱՊՊԱ-ն: 2012թ.-ի վիճակագրական տվյալների համաձայն ԱՊՊԱ և ԿԱՍԿՈ ապահովագրական դասերը միասին հավաքագրել են ընդհանուր հաշվեգրված ապահովագրավճարների մոտ 50%-ը [1]: Ընդհանրապես ապահովագրավճարի չափը որոշվում է ակտուարական հաշվարկների հիման վրա, որոնց առանցքային գաղափարներից է անհատի օգտակարության ֆունկցիան: Օգտակարության ֆունկցիայի միջոցով որոշվում է առավելագույն ապահովագրավճարի չափը, որը անհատը պատրաստ է վճարել ապահովագրության համար և որի դեպքում անհատը դառնում է անտարբեր ապահովագրություն գնելու և չապահովագրվելու նկատմամբ: Այս P^+ առավելագույն ապահովագրավճարը ստացվում է լուծելով հետևյալ հավասարումը [2]՝

$$E(U(w-x))=U(w-P), \quad (1)$$

որտեղ $E(\cdot)$-ն մաթեմատիկական սպասումն է, $U(\cdot)$-ն օգտակարության ֆունկցիան է, x-ը պատահական կորուստն է, w-ն անհատի հարստության չափն է, իսկ P-ն ապահովագրավճարի չափն է:

P^+ առավելագույն ապահովագրավճարի հաշվարկման համար կիրառվում է նաև հետևյալ բանաձևը [2]՝

$$P^+=E+(r(w-E)*D)/2, \qquad (2)$$

որտեղ D-ն x պատահական կորստի դիսպերսիան է, իսկ r(·)-ը ռիսկից խուսահելու չափն է ըստ Պրատի [3]:

Քանի որ 2012թ. համար հայտնի են ապահովագրված մեքենաների և տեղի ունեցած ավտովթարների վերաբերյալ վիճակագրական տվյալները, ուստի դիտարկելով օգտակարության ֆունկցիաների տեսակները և անհատի հարստության չափերը հնարավոր է (1) և (2) բանաձևերի միջոցով հաշվարկել անհատի P^+ առավելագույն ապահովագրավճարի չափերը ԱՊՊԱ և ԿԱՍԿՈ ապահովագրական դասերի համար:

Օգտակարության ֆունկցիաները

U(·) օգտակարության ֆունկցիան սահմանվում է որպես ֆունկցիա, որը չափում է անհատի (կամ կազմակերպության) օգտակարությունը, որը նա վերագրում է w գումարին կամ հարստությանը: Օգտակարության ֆունկցիան համարվում է աճող և ուռուցիկ ֆունկցիա ըստ հարստության: Հնարավոր է կառուցել օգտակարության ֆունկցիան՝ հարստության տարբեր մակարդակներին տարբեր արժեքներ տալով, սակայն ավելի կիրառական է, օգտագործել մաթեմատիկական ֆունկցիաներ, ստանալ օգտակարության արժեքը: Հիմնական մաթեմատիկական ֆունկցիաները, որոնք օգտագործվում են ապահովագրության մեջ չափելու համար անհատի օգտակարությունը, հետևյալն են [4]՝

1. լոգարիթմական օգտակարություն. $U(w)=\log(a+w)$ $(w>-a)$
2. էքսպոնենցիալ օգտակարություն. $U(w)=-ae^{-aw}$ $(a>0)$
3. հարստության օգտակարություն. $U(w)=w^c$ $(w>0, 0<c\leq 1)$
4. քառակուսային օգտակարություն $U(w)=-(a-w)^2$ $(w\leq a)$:

Մեր հաշվարկներում հիմնականում օգտագործել ենք լոգարիթմական օգտակարության ֆունկցիան, որի ռիսկից խուսափելու գործակիցը հավասար է 1/(a+w) և հանդիսանում է նվազող ֆունկցիա ըստ անհատի հարստության: Ի տարբերություն լոգարիթմական օգտակարության ֆունկցիայի, էքսպոնենցիալ օգտակարություն ֆունկցիայի ռիսկից խուսափելու գործակիցը հաստատուն է և հավասար է a-ի, որը անորոշ է դարձնում առավելագույն ապահովագրավճարի հաշվարկը, այդ իսկ պատճառով, որոշ դեպքերում լոգարիթմական օգտակարության ֆունկցիայի և էքսպոնենցիալ օգտակարություն ֆունկցիայի ռիսկից խուսափելու գործակիցները համարել են հավասար: Հարստության օգտակարության ֆունկցիայի դեպքում հաշվարկները ցույց են տվել, որ

մաքսիմում ապահովագրավճարը ստացվում է ավելի փոքր, քան նախորդ երկու ֆունկցիաների դեպքում [5], և հաշվի առնելով ՀՀ-ում բիզնես գործունեության բարձր ռիսկայնությունը, հարստության օգտակարության ֆունկցիան նպատակահարմար չենք համարել մեր հաշվարկներում օգտագործելու համար: Իսկ ինչ վերաբերում է քառակուսային օգտակարության ֆունկցիային, ապա նրա ռիսկից խուսափելու գործակիցը հավասար է 1/(a-w), որը աճում է անհատի հարստության մեծանալուն զուգահեռ, ինչն իր հերթին քառակուսային օգտակարության ֆունկցիան դարձնում է նվազ հարմա՝ ռիսկից խուսափող անհատի վարքագիծը մոդելավորելու համար:

Անհատի հարստությունը

Որպեսզի առավելագույն ապահովագրավճարը հաշվարկելու համար կարողանանք կիրառել (1) և (2) բանաձևերը, մենք պետք է ունենանք մոտավոր պատկերացում ՀՀ-ում անհատի հարստության վերաբերյալ: ՀՀ ազգային վիճակագրական ծառայության հրապարակումների համաձայն 2012թ.-ին ՀՀ-ում մեկ շնչի հաշվով միջին ամսական դրամական եկամուտները տնային տնտեսությունների դրամական եկամուտների առաջին և տասներորդ դիցիլային խմբերում համապատասխանաբար կազմել են 7437 և 118748 դրամներ [6]: Սակայն Ազգային վիճակագրական ծառայության կողմից նաև նշվում է, որ եկամուտ ցույց չտված տնային տնտեսությունների պատճառով, վերոնշյալ ցուցանիշները ստացվում են փոքր իրական թվերից, ուստի այս ցուցանիշները անհատի հարստությունը գնահատելու համար այնքան էլ կիրառելի չեն: Այս ցուցանիշների չօգտագործելու օգտին խոսում է նաև այն փաստը, որ մենք գնահատում ենք ոչ թե բոլոր անհատների հարստության մակարդակը, այլ այն անհատների, որոնք ունեն ավտոմեքենա, հետևաբար կարող ենք կատարել հետևյալ ենթադրությունը՝ անհատի հարստությունը մեծ է իր ունեցած ավտոմեքենայի գնից: Նշենք, որ այլ երկրներում, մասնավորապես ԱՄՆ-ում, նմանատիպ ուսումնասիրություններում անհատի հարստությունը մի քանի անգամ գերազանցում է իր ունեցած ավտոմեքենայի գինը: Այսինքն, եթե ունենանք մոտավոր պատկեր ՀՀ-ում գտնվող և ապահովագրված ավտոմեքենաների գների վերաբերյալ, ապա կկարողանանք ստեղծել ավտոմեքենա ունեցող անհատների համար հարստության մակարդակների դասեր, ինչն իր հերթին բավարար կլինի (1) և (2) բանաձևերը օգտագործելու համար: Ուսումնասիրությունը կատարել ենք երկու եղանակով: Առաջինը ուսումնասիրել ենք ՀՀ-ում ավտոմեքենաների վաճառքի շուկան, մասնավորապել ուսումնասիրելով ՀՀ-ում գտնվող ավտոմեքենաների վա-

ճառքով զբաղվող կայքի նյութերը [7], որտեղ գտնվում է մոտ 27000 ավտոմեքենաների վերաբերյալ տվյալներ, ստացել ենք աղյուսակ 1-ում ներկայացված պատկերը:

Աղյուսակ 1

ՀՀ-ում վաճառվող ավտոմեքենաները

Ավտոմեքենայի գինը (դրամ)	մինչև 1000000	1000000-ից 2000000	2000000-ից 3000000	3000000-ից 4000000	4000000-ից մեծ
Ավտոմեքենաների քանակը	11%	37%	25%	10%	17%

Քանի որ 2012թ.-ին ՀՀ-ում ԱՊՊԱ պայմանագիր ձեռք է բերվել 356111 ավտոմեքենաների վերաբերյալ [8], ուստի երկրորդ հետազոտությունով փորձել ենք գնահատել ՀՀ-ում գտնվող ավտոմեքենաների գները: ՀՀ ՊԵԿ-ի պաշտոնական կայքում պարունակվում է 2001թ.-ից ի վեր ՀՀ ներմուծված ավտոմեքենաների քանակի և գնի վերաբերյալ տվյալները [9]: Օգտագործելով ՀՀ ՊԵԿ-ի տվյալները, ապահովագրված մեքենաների քանակը, ՀՀ կառավարության 2010 թ. մարտի 11-ի 235-Ն որոշմամբ հաստատված հաշվապահական հաշվառման միջազգային ստանդարտը և հաշվարկներում առաջնորդվելով ավտոմեքենայի իրական գնից փոքր կամ համասար գին ստանալու սկզբունքով, ստացել ենք ՀՀ-ում գտնվող ավտոմեքենաների գների նվազագույն շեմերը և հետևաբար ավտոմեքենա ունեցող անհատների հարստությունների նվազագույն մակարդակները (տես աղյուսակ 2):

Աղյուսակ 2

ՀՀ-ում գտնվող ավտոմեքենաների գների նվազագույն մակարդակները

Ավտոմեքենայի գինը (դրամ)	մինչև 1500000	1500000-ից 2500000	2500000-ից մեծ
Ավտոմեքենաների քանակը	45%	30%	25%

Առավելագույն ապահովագրավճարը

Առաջինը հաշվարկենք առավելագույն ապահովագրավճարի չափը ԱՊՊԱ-ի համար: Վիճակագրական տվյալներից [8] և որոշ հաշվարկներից [5] 2012թ.-ի համար կունենանք որ, տարվա կտրվածքով ապահովագրված են եղել 356111 ավտոմեքենա, վթարների հաճախականությունը եղել է 13%, իսկ փոխհատուցման և ապահովագրավճարի միջին չափերը կազմել են համապատասխանաբար 204000 և 36000

դրամներ: Եթե ենթադրենք, որ անհատի օգտակարության ֆունկցիան լոգարիթմական է, ապա w դրամ հարստություն ունեցող անհատների համար (1) հավասարումը կունենա հետևյալ տեսքը՝

$$0{,}87*\log(w) + 0.13*\log(w-204000) = \log(w-P^{+}),$$

որտեղից առավելագույն ապահովագրավճարի համար կստանանք՝

$$P^{+} = w - \exp(0.87*\log(w) + 0.13*\log(w-204000)): \quad (3)$$

Այս նույն պարամետրերով (2) հավասարման համար կստանանք՝

$$P^{+} = 26520 + 2353384800/(w-26520): \quad (4)$$

Եթե անհատի օգտակարության ֆունկցիան դիտարկենք էքսպոնենցիալ և ռիսկից խուսափելու գործակիցը՝ a-ն, ընտրենք այնպես, որ (2) հավասարման լուծումը լոգարիթմական և էքսպոնենցիալ ֆունկցիաների համար ստացվի նույնը՝ $a=1/(w-E)=1/(w-26520)$, ապա (1) հավասարումից դուրս բերվող առավելագույն ապահովագրավճարի համար կստանանք [4]՝

$$P^{+} = (w-26520)*\log(0.87 + 0.13*\exp(204000/(w-26520))): \quad (5)$$

w-ին վերագրելով հարստության տարբեր մակարդակներ և լուծելով (3), (4) ու (5) հավասարումները, կստանանք հնարավոր առավելագույն ապահովագրավճարների չափերը հարստության տարբեր մակարդակների համար (տես աղյուսակ 3):

Աղյուսակ 3

ԱՊՊԱ-ի համար առավելագույն ապահովագրավճարները տարբեր հարստության մակարդակների և տարբեր օգտակարության ֆունկցիաների համար

Անհատի հարստությունը (միլիոն դրամ)	1	1,5	2,5	4	10
Առավելագույն ապահովագրավճարը (3) հավասարումից (դրամ)	29225	28236	27512	27127	26758
Առավելագույն ապահովագրավճարը (4) հավասարումից (դրամ)	28937	28117	27471	27112	26756
Առավելագույն ապահովագրավճարը (5) հավասարումից (դրամ)	29065	28172	27490	27119	26757

Նկատենք, որ հնարավոր մաքսիմում ապահովագրավճարի և իրական ապահովագրավճարների (36000 դրամ) միջև գոյություն ունի էական տարբերություն, այսինքն, եթե ԱՊՊԱ-ն լինի ոչ պարտադիր, ապա ԱՊՊԱ պայմանագիր ձեռք կբերեն քչերը: Սակայն արդարացիության համար նշենք, որ (3), (4) և (5) հավասարումների լուծումները կարող են որոշ չափով փոփոխվել, եթե հաշվարկներում հաշվի առնենք պատահական կորուստի՝ որն իրենից ներկայացնում է դիսկրետ պատահական մեծություն, բոլոր տարբերակները՝ իրենց համապատասխան հավանականություններով: Այս դեպքում կորուստների տարբերակների թիվը կստանանք հավասար 4038-ի [10]: Սակայն այս դեպքում (3) հավասարման միջոցով հնարավոր չէ լուծում ստանալ մեր խնդրի համար, քանի որ լոգարիթմվող թվերը ստացվում են բացասական, ուստի կներկայացնենք միայն (4) և (5) հավասարումների լուծումները (տես աղյուսակ 4):

Աղյուսակ 4

ԱՊՊԱ-ի համար առավելագույն ապահովագրավճարները տարբեր հարստության մակարդակների համար

Անհատի հարստությունը (միլիոն դրամ)	1	1,5	2,5	4	10
Առավելագույն ապահովագրավճարը (4) հավասարումից (դրամ)	31966	29592	27722	26681	25648
Առավելագույն ապահովագրավճարը (5) հավասարումից (դրամ)	37239	31633	28553	27235	26433

Կատարելով բացարձակապես նույն դատողությունները և նույն հաշվարկները ԿԱՍԿՈ ապահովագրական դասի նկատմամբ, առավելագույն ապահովագրավճարների համար կստանանք աղյուսակ 5-ում ներկայացված պատկերը, որտեղ (3^*), (4^*) և (5^*) համապատասխանաբար (3), (4) և (5) հավասարումներն են ԿԱՍԿՈ ապահովագրական դասին վերաբերող պարամետրերով:

Աղյուսակ 5

ԿԱՍԿՈ-ի համար առավելագույն ապահովագրավճարները տարբեր հարստության մակարդակների և տարբեր օգտակարության ֆունկցիաների համար

Անհատի հարստությունը (միլիոն դրամ)	1	1,5	2,5	4	10
Առավելագույն ապահովագրավճարը (3*) հավասարումից (դրամ)	117884	108150	101950	98911	96132
Առավելագույն ապահովագրավճարը (4*) հավասարումից (դրամ)	112947	106352	101387	98706	96102
Առավելագույն ապահովագրավճարը (5*) հավասարումից (դրամ)	114708	107089	101950	98801	96117

Աղյուսակ 5-ում ներկայացված առավելագույն ապահովագրավճարները, ինչպես ԱՊՊԱ-ի դեպքում, այնպես էլ ԿԱՍԿՈ-ի՝ տարբերվում են իրական ապահովագրավճարներից (ԿԱՍԿՈ-ի միջին ապահովագրավճարը 2012թ.-ին կազմել է 138000 դրամ [11]), ինչի հետևանքով մեքենաների ապահովագրությունը ՀՀ-ում հանդիսանում է ոչ օգտակար հասարակության մեծ մասի համար:

1. ՀՀ ԿԲ, Հայաստանի ֆինանսական համակարգը 2012, Եր., 2013, 116 էջ:
2. *David C.M. Dickson*. Insurance Risk and Ruin, Cambridge University Press, January 10, 2005.
3. *Pratt J.W.* Risk aversion in the small and in the large, *Econometrica* 32 (1/2), 1964. PP. 122–136.
4. *Kaas Rob, Goovaerts Marc, Dhaene Jan, Denuit Michel.* Modern actuarial risk theory: using R. Springer, 2th edition, 2009.
5. *Մելքոնյան Ն.,* Ապահովադիրի օգտակարությունը ՀՀ-ում, Հայաստանի ճարտարագիտական ակադեմիայի լրաբեր, Եր., 2013, էջ 632–640:
6. ՀՀ ԱՎԾ, Հայաստանի սոցիալական պատկերը և աղքատությունը., Եր., 2013, էջ 114–119:
7. http://www.list.am/category/23
8. www.paap.am («Հայաստանի ավտոապահովագրողների բյուրո» ԻԱՄ պաշտոնական կայքէջ): http://www.customs.am/Content.aspx?itn=csCIImportStatistics
9. ՀՀ ԿԲ, ԱՊՊԱ տեղեկատվական համակարգ, 2013:
10. Arminfo, Рэнкинг страховых компаний Армении. Ер., 2013. С. 39.

ВЫЧИСЛЕНИЕ МАКСИМАЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ СТРАХОВЫХ ВЫПЛАТ ДЛЯ АВТОСТРАХОВАНИЯ

Аннотация

Проведено исследование классов функций полезности. В ходе исследования был выявлен нижний предел богатства автовладельца, были рассчитаны максимальные размеры страховых выплат для классов страхования КАСКО и ОСАГО.

Ключевые слова: функция полезности, ожидаемая полезность, коэффициент неприятия риска, автострахование, максимальная премия.

MAXIMUM PREMIUM CALCULATION FOR MOTOR INSURANCE

Summary

Types of utility functions have been researched. Lower limit of wealth of the auto owner individual have been founded. Maximum premiums for KOSKO and Compulsory MTPL insurance have been calculated.

Keywords: utility function, expected utility, risk aversion coefficient, motor insurance, maximum premium.

К ПОСТРОЕНИЮ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: НА ПРИМЕРЕ ЕС

А.Г. Айрапетян

Статья посвящена описанию модели управления сложившейся в процессе формирования общеевропейского пространства высшего образования. В частности, представлено содержание открытого метода координации, применяемого вкупе с принципом субсидиарности, как механизма управления общеевропейским образовательным пространством, и причины имплементации именно такого режима управления при интеграции сфер, включая сферу образования, которые государства-участники стремятся оставить в рамках национальных компетенций.

Исследование проводится при финансовой поддержке ГКН МОН РА в рамках научного проекта № SCS 13-6C456.

Ключевые слова: образование, интеграция, открытый метод координации, субсидиарность.

Актуальность

Как известно, Республика Армения является одновременным участником как Болонского процесса по формированию общеевропейского образовательного пространства, так и участвует в интеграционных процессах в рамках СНГ, охватывающих в том числе сферу образования. В 2013 году Армения изъявила о своем желании участвовать и в евразийском интеграционном проекте.

В свете вышесказанного актуализируется изучение европейских интеграционных процессов в сфере образования с управленческой точки зрения и потенциально возможное использование механизмов управления общеевропейским пространством высшего образования в ходе интеграции образовательных пространств на постсоветском пространстве, в рамках Евразийского Союза и СНГ.

- На данном этапе исследования целью является представление модели управления сферой образования на примере интеграционных процессов Европейского Союза и содержание общеевропейского образовательного пространства на основе изучения исследований, аналитических материалов, совокупности договоров и иных официальных документов, касающихся европейской интеграции в целом, и сотрудничества в сфере образования, в частности.

- На следующих этапах последуют изучение процесса имплементации метода открытой координации в контексте участия Армении в Болонском процессе, анализ достигнутых в настоящее время результатов интеграции образовательных пространств в Содружестве независимых государств, выдвижение рекомендаций по построению и управлению общим пространством в сфере высшего образования в рамках СНГ и Евразийского Союза. Вышеуказанное представляется актуальным также с точки зрения выработки как внутренней, так и внешней образовательной политики Республики Армения.

Общеевропейское пространство высшего образования

Формирование европейского образовательного пространства высшего образования является частью общеинтеграционных процессов в Европе, которые изначально были инициированы в качестве способа предотвращения войны между государствами Европы, а затем в соответствии с функционалистским пониманием «растекания» (spillover) интеграционных процессов охватили также другие сферы, включая сферу образования [1]. В частности, построение пространства без внутренних границ, в котором происходит свободное движение товаров, граждан, услуг и капитала, ставило вопрос о признании степеней и профессиональных квалификаций, свободном перемещении из одного национального образовательного пространства в другое, подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов высшей квалификации, которые были бы адаптированы к потребностям обновляющейся технологии и условиям общего экономического пространства в ЕС [2].

Перетекание интеграционных процессов в сферу образования происходило не только в силу эффекта «растекания», но и под воздействием мировой конъюнктуры: возрастающей конкуренцией, парадигмой на инновационное развитие и построение экономики знаний, интернационализацией образования и т.д. Это привело к переосмыслению роли образования в определении позиций ЕС на международной арене, нашедшей воплощение в Лиссабонской стратегии и заключающейся в постановке задачи построения, опирающейся на знания, конкурентоспособной и динамичной экономики Европейского Союза [3].

На решение данной задачи был направлен Болонский процесс, участником которого с 2005 года является Республика Армения, предусматривающий, в частности [4]:

- Введение и признание сопоставимых степеней и квалификаций;
- Обеспечение признания документов в области высшего образования;
- Переход на трехступенчатую систему высшего образования (бакалавриат–магистратура–аспирантура);

- Введение кредитной системы для оценки трудоемкости (программ, курсов нагрузки) и приложения к диплому, образец которого разработан ЮНЕСКО;
- Стимулирование мобильности учащихся, профессорско-преподавательского и административного персонала;
- Повышение и контроль качества высшего образования;
- Развитие привлекательного и конкурентоспособного европейского измерения в высшем образовании;
- Развитие так называемого «обучения в течение всей жизни» и т.д.

Открытый метод координации

При инициировании интеграции в любой сфере, включая образовательную, одним из первоочередных задач является решение вопросов, связанных с разделением компетенций между интеграционным объединением, т.е. с институциональной точки зрения, между наднациональными структурами интеграционного объединения и странами-участницами.

С момента своего инициирования этот вопрос был на повестке дня также в ходе европейской интеграции, в рамках которой, если говорить конкретно об образовательной сфере, исторически сложился механизм управления, на Лиссабонском саммите Европейского Совета (2000г.) получивший название открытого метода координации (open method of coordination) и подразумевающий следующий режим управления [4]:

- разработку общего направления (генеральной линии), направляющих принципов для стран-участников ЕС и утверждение конкретных графиков достижения кратко-, средне- и долгосрочных целей;
- идентификация индикаторов и осуществление бенчмаркинга с целью выявления лучших практик среди стран-участниц ЕС и сравнения последних с передовыми странами мира;
- инкорпорацию разработанных на европейском уровне руководств и документов-путеводителей в национальную политику;
- периодическую оценку, мониторинг и взаимооценку, организованные как процесс взаимного обучения.

Таким образом, суть ОМК заключается в формулировании общих целей, выработки государствами-участниками плана действий для реализации поставленных целей и определения индикаторов, по которым будет измеряться прогресс. Важнейшей чертой открытого метода координации, по сравнению с коммунитарным методом (или методом сообщества), является отсутствие жесткого правового давления: отстающие по показателям страны или страны, не желающие реализовывать ранее принятые цели и договоренности, не привлекаются к ответственности, подавая на них в Суд ЕС или наложив санкции. Основным механизмом давления в рамках открытого метода координации выступает так называемая практика «называй, стыди и прославляй» (naming, shaming and faming) путем периодического и открытого представления и публикации отчетов: выделение примеров лучшей практики в качестве образцов успеха или указание на отставание по индикаторам. Если примеры лучших образцов служат источником

полезной информации для государств с плохими показателями, стимулируя процесс взаимного обучения, то отставание государства может быть потенциально использовано для критики, как со стороны стран-участниц, так и собственного населения, т.е. электората, став источником «взаимного давления» [5].

Что особенно важно в применении открытого метода координации для управления интеграционными процессами в образовательной сфере, это обладание государством-участником европейской интеграции свободой в выборе путей инкорпорации руководств Союза в национальный контекст, ибо вопросы содержания обучения, организации системы образования и проведения национальной образовательной политики находятся в компетенции государств-членов Европейского Союза. В соответствии с принципом субсидиарности, в сферах, не попадающих под исключительную компетенцию Союза, последний предпринимает какие-либо меры, если они являются более действенными, чем национальные [6].

Вышесказанное делает открытый метод координации подходящим для применения в тех сферах, которые государства в процессе интеграции стремятся сохранить в рамках национальных компетенций. Будучи тесно связанной с вопросами национальной идентичности и культуры, образование относится именно к числу таких сфер. При этом речь идет не только о национальной идентичности, уважении и сохранении культурного разнообразия стран-участников европейской интеграции, но и конструирования европейского гражданства и развития европейской идентичности и тем самым легитимизации самих интеграционных процессов в силу функций политической социализации [7].

Это позволило говорить о таком пути интеграции, при которой ставится задача не перевода компетенций на наднациональный уровень, а инициация и стимулирование процесса поступательного сближения национальных политик и координации действий группы государств в определенной области на основе согласованных на уровне интеграционного объединения целей. Последние служат компасом для проведения и направления политики на национальном уровне [8].

Подчеркнем, что открытый метод координации подкрепляется созданием транснациональных сетей сотрудничества, связующих членов национальных правительств, госслужащих, представителей местных администраций, а также университетов, студентов, преподавателей и т.д. через стимулирование и финансирование Союзом программ (“programme approach” [9]) поддержки мобильности и академического сотрудничества (Comenius, Erasmus, Grundtvig и т.д.) [10].

Выводы

Таким образом, ссылаясь на европейский опыт формирования и управления общим образовательным пространством, учитывая значение национальных систем образования в развитии общества и государства, в процессе интеграции образовательной сферы приемлемо практиковать модель управления, которая, стимулируя сотрудничество государств в данной области и сближение их национальных курсов, сохраняла бы ответст-

венность государства за национальную систему образования и национальную образовательную политику, оставляя пространство для конкретизации и воплощения поставленных в рамках интеграционного проекта целей на национальном уровне. Вышесказанное важно не только с внешнеполитической точки зрения, а именно: разделения компетенций между институтами интеграционного объединения и странами-участницами последнего, но и с точки зрения внутренней политики, а именно: необходимости учета потенциальной реакции населения этих стран к интеграционным проектам.

Необходимо отметить, однако, что в случае с ОМК вышеуказанные преимущества носят диалектический характер, будучи в ряде аналитических работ (Bart Vanhercke, Amélia Veiga & Alberto Amaral, Arthur Benz, Lina Rutkauskienė, Weiqing Song) причисляемы к его недостаткам.

1. *Кавешников Н.Ю.* Основные характеристики институциональной структуры Европейского союза https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCkQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.ieras.ru%2Fpub%2Fnosov%2Fkaveshn.doc&ei=WzR3U8qgB7Ou7Aadg4HYCA&usg=AFQjCNE1Qmjk7dvmtS23AVzel8DzFhw8lQ&bvm=bv.66917471,d.bGE&cad=rjt (дата обращения: 18.05.2014).
2. *Алтынбасов Б.О.* Европейское образовательное пространство и национальные образовательные законодательства стран СНГ // http://eu-law.ru/2011/11/evropejskoe-obrazovatelnoe-prostranstvo/ (дата обращения: 18.05.2014).
3. *Ларионова М.В.* Сотрудничество в сфере образования в Европе: нормативная основа, методы и инструменты кооперации // https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fintpr.ntf.ru%2FDswMedia%2Fsotrudnichestvovsfereobrazovaniyaves_kratkoeizlojeniesoderjaniyamonografii.doc&ei=BdZgU-2QIsmI4gSKl4GIAg&usg=AFQjCNEqDVsIKot2P7woAuQ3Fi4rLZYMqg&bvm=bv.65636070,d.bGE (дата обращения 22.05.2014).
4. *Компаниец В.С.* Модернизация системы образования в Швейцарии в контексте общеевропейских интеграционных процессов // http://www.pibg.tsure.ru/download/Izvestia-2009.pdf#page=10 (дата обращения: 02.05.2014).
5. *Ломакина И.С.* Механизмы реализации открытого метода координации в сфере образования // Интеграция Образования, 2010. № 1 // http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-realizatsii-otkrytogo-metoda-koordinatsii-v-sfere-obrazovaniya-es (дата обращения: 02.05.2014).
6. *Ломакина И.С.* Механизмы реализации открытого метода координации в сфере образования // Интеграция Образования, 2010. № 1 // http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-realizatsii-otkrytogo-metoda-koordinatsii-v-sfere-obrazovaniya-es, (дата обращения: 02.05.2014).
7. *Ломакина И.С.* Принцип субсидиарности и сфера образования в ЕС // http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1874 (дата обращения: 02.05.2014).
8. *Ларионова М.В.* Сотрудничество в сфере образования в Европе: нормативная основа, методы и инструменты кооперации // https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0CCYQFjAA&url=http%3A%2F%2Fintpr.ntf.ru%2FDswMed

ia%2Fsotrudnichestvovsfereobrazovaniyaves_kratkoeizlojeniesoderjaniyamonografii.doc&ei=BdZgU-2QIsmI4gSKl4GIAg&usg=AFQjCNEqDVsIKot2P7woAuQ3Fi4rLZYMqg&bvm=bv.65636070,d.bGE
(дата обращения: 30.04.2014).
Открытый метод координации. Журнал «Новая Эўропа» // http://n-europe.eu/glossary/term/677 (дата обращения 01.05.2014).

9. *Ломакина И.С.* Открытый метод координации как новая форма управления: особенности, характеристики, перспективы применения // Вестник БФУ им. И. Канта, № 6, 2010 // http://cyberleninka.ru/article/n/otkrytyy-metod-koordinatsii-kak-novaya-forma-upravleniya-osobennosti-harakteristiki-perspektivy-primeneniya (дата обращения: 30.04.2014).
10. *Hubert Ertl.* European Union Policies in Education and Training: The Lisbon Agenda as a Turning Point? Comparative Education. Vol. 42, № 1, Special Issue (31): European Union Education and Training Policy (Feb., 2006). PP. 5–27.
11. *Громогласова Е., Стрежнева М.* Признаки нового этапа в институциональной эволюции ЕС (открытый метод координации). МЭМО, 2005. № 9. СС. 55–66.
European Commission. Education and Training. Lifelong Learning Programme // http://ec.europa.eu/education/tools/llp_en.htm
(дата обращения: 02.05.2014).

ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԲՆԱԳԱՎԱՌԻ ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ՄՈԴԵԼԻ ԿԱՌՈՒՑՈՒՄԸ ԻՆՏԵԳՐՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ՝ ԵՄ-Ի ՕՐԻՆԱԿՈՎ

Ամփոփում

Հոդվածը նվիրված է համաեվրոպական բարձրագույն կրթական տարածքի ստեղծման գործընթացում ձևավորված կառավարման մոդելի նկարագրմանը: Մասնավորապես, ներկայացվում է համակարգման բաց մեթոդի էությունը՝ որպես համաեվրոպական կրթական տարածքի կառավարման մեխանիզմ սուբսիդիարության սկզբունքի հետ միասին, վերջինիս նպատակահարմարությունը այնպիսի ոլորտների կառավարման համար, որոնք ինտեգրելիս մասնակից պետությունները ձգտում են պահպանել ազգային իրավասությունները:

CONSTRUCTION OF A MODEL IN MANAGING OF FIELD OF HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF INTEGRATION: THE CASE OF THE EU

Summary

The article analyzes the governance mode elaborated in the course of the process of European Higher Education Area formation. In particular, the paper presents the content of the open method of coordination, used along with the subsidiarity principle, as a governance mechanism of the European Higher Education Area, and the reasons of implementation of that particular mode for the governance of integration processes in the fields which member states seek to keep under national competence.

The research is implemented through the financial support of the State Committee of Science MES RA in the framework of the research project № SCS 13-6C456.

THE POTENTIAL OF THE EUROPEAN CITIZENS' INITIATIVE IN SOLVING THE EU'S DEMOCRATIC DEFICIT ISSUE

N.V. Gevorgyan

Over the years, the dispute that the ordinary European citizen has in fact no possibility to directly affect the decision-making process of the EU, alongside with the negative impact of integration on general support for the EU, has given rise to the democratic deficit.

Given the inefficiency of the European Parliament to ensure the democratic legitimacy of the EU and the impact of European crisis, which has weakened the position of national parliaments, claims have been made that more fundamental solutions are necessary to overcome the legitimacy gap of the EU and to close the bridge to the citizens, including citizens' initiatives and referenda.

Since the entry into power of the Treaty of Lisbon, very important steps have been taken in order to address this problem, and now the citizens themselves have the possibility of using legislative initiative. This article asks how the participation of standard citizens in the EU affairs after the Lisbon treaty relates to the democratic deficit of the EU. The focal point is on the new established European Citizens' Initiative. What is the ECI's possible impact on the EU's participatory model? To what extent does this device contribute to a solution to the legitimacy deficit of the EU and can it close the bridge to the citizens?

Exploring the content and accomplishment of the European Citizens' Initiative and assessing the impact and effectiveness of this new device in providing solution to the EU's legitimacy deficit issues, it is argued that despite the objective shortcomings and a number of challenges the new ECI device provided by the Lisbon Treaty has significant potential to link directly the public and EU decision-making and can nevertheless make a significant contribution to the solving of democratic deficit of the EU. However, the mechanism of direct participation provided by the ECI is not a definitive solution to improve the democratic deficit of EU, as it can never supersede political participation through representation, thus should be seen as only additional strategy to democratize the EU.

Keywords: European Union, Democratic Deficit, Lisbon Treaty, European Citizens' Initiative.

Introduction

The general purpose of EU integration and development has been "to create an ever closer union, in which decisions are taken as closely as possible to the citizen" [1. P. 32].

In this light, the European Parliament, as the only directly elected institution since 1979, has increasingly extended its competences over the past three decades, through subsequent revisions of the treaty and especially after the Lisbon Treaty entered into force in 2009. However, while the powers of the European Parliament grow due to the treaty changes, the citizens' voting turnout progressively declines. This led to the belief that European citizens lack proper representation, as most citizens do not feel "represented" by the European Parliament. The dispute that the ordinary European citizen has in fact no possibility to affect directly the decision-making of the EU, alongside with the negative impact of integration on general support for the EU, has given rise to the democratic deficit. Claims have been made that "the European Parliament has failed to fulfill its core function, namely to ensure the democratic legitimacy of the EU" [2. P. 2], and although there are some counter-arguments to the claims of democratic deficit [3. PP. 336–337] it still remains a major problem for the EU's legitimacy. Moreover, in times of European crisis, which has weakened the positions of national parliaments, one may argue that more fundamental solutions are necessary to overcome the legitimacy gap of the EU and to close the bridge to the citizens, including citizen initiatives and referenda.

Since the entry into power of the Treaty of Lisbon, very important steps have been taken in order to address this problem, and now the citizens themselves have the possibility of using legislative initiative. This paper asks how the participation of standard citizens in the EU affairs after the Lisbon treaty relates to the democratic deficit of the EU. The focal point is on the newly established *European Citizens' Initiative*. What is the ECI's possible impact on the EU's participatory model? To what extent does this device contribute to a solution to the legitimacy deficit of the EU and can it close the bridge to the citizens?

Legal and Political Backgrounds of the European Citizens' Initiative

The European Citizens' Initiative (ECI), the first supranational instrument of direct democracy, allows **one million EU citizens** to directly participate in the development of the EU policies, by **calling on the European Commission to make a legislative proposal,** and thus creates an additional direct link between the European Union citizens and the institutions of the Union. [4]

The idea of establishing the European Citizens' Initiative foregoes the Lisbon Treaty. Initially, it was the idea of introducing a right of petition to the European Parliament that was considered in the context of Amsterdam Treaty provision. Subsequently, thanks to effectual lobbying by the Initiative and Referendum Institute and two members of the Convention (Jürgen Meyer and Alain Lamassoure), this provision was included in the Constitution for Europe (Article 46) and later on was ultimately transposed to the Lisbon Treaty [5. P. 55].

As Cuesta-López argues, according to Article 10.3 TEU, which ensures that every Member State citizen shall have the right to participate in the democratic life of the EU, the Lisbon Treaty, for the first time, establishes the right to directly initiate or participate in the EU decision-making process, in particular through the Citizens' Initiative. Article 11 of TEU on participatory democracy refers to the essential role of European citizens and civic organizations in EU governance [6. P. 6].

Mayoral highlights Article 11.4 TEU on ECI which offers some guidelines for the accomplishment and exercise of this device designed to achieve transnational participatory democracy in Europe: "Not less than one million citizens who are nationals of a significant number of Member States may take the initiative of inviting the European Commission, within the framework of its powers, to submit any appropriate proposal on matters where citizens consider that a legal act of the Union is required for the purpose of implementing the Treaties" [7. P. 6].

Warleigh underscores the significance of this provision, arguing that the establishment of participatory democracy is a potentially important step because it manifests that representation cannot be the only resource to a legitimate regime in the EU [8. P. 64].

The rules and procedures governing the citizens' initiatives are set out in an EU Regulation adopted by the European Parliament and the Council of the European Union on 16 February 2011.

According to the Regulation, European Citizens' Initiative has to be backed by at least one million EU citizens, coming from **at least 7 out of the 27 Member States**. A minimum number of signatories is required in each of those 7 Member States to be due for Commission's preliminary consideration. The Regulation on ECI also provides a legal status to the organizers of the initiative. In order to submit an initiative, citizens must prepare and set up a **"citizens' committee"** formed of at least 7 EU citizens who are nationals of the Member States, **old enough to vote** in the European Parliament elections,[1] being resident in at least 7 different Member States. [9. Article (3), L 65/4] Hence, third country nationals residing legally in the Union are prevented from initiating or signing an ECI, which is more restrictive than the personal scope of the right of petition, which includes all residents of a Member State [5. P. 66].

The initiative is possible in **any field where the Commission has the power to launch legislation with the** purpose of better implementing the Treaties. However, it can't promote the amendment of the Treaties, therefore, any proposed initiative demanding the revision of the Treaties will be dismissed during preliminary examination by the Commission. In addition, the Commission will refuse the registration in case of manifestly abusive, frivolous or vexatious ECIs.

[1] 18 year old, except in Austria, where the voting age is 16.

Before registration and start of collecting statements of support, the organizers must provide information about objectives and subject matter of the initiative, the relevant provisions of the Treaties to implement, the personal data of the organizers and information regarding any funding and support received for that initiative. The organizers can also suggest the form (regulation, directive or decision), which the adopted legal act should take. Organizers are also responsible for the translation of the proposed initiatives into other official languages of the Union [9. Articles (4), (5) L 65/4 – L 65–5].

If the proposed citizens' initiative meets all the requirements, it can be requested for registration on the ECI official website. Since then, the organizers have 12 months to collect the required number of statements of support. Regulation on ECI establishes that the statements of support could be collected online as well. The Regulation also declares the organizers' right to withdraw a registered ECI before the submission for verification and certification to Member States [9. Article (4.5), L 65/5].

- After the support statements verification procedure, based on random sampling method, held by Member States' designate responsible authorities, the Commission will examine the initiative within three months after receiving the proposal. Following the meeting with the organizers and public hearing in the European Parliament, the Commission will give a formal response on its future actions, whether it will put forward a legislative proposal in response to the initiative and if not the reasons for not doing so. However, it is worth mentioning, that in any case the Commission is not obliged to propose legislation as a result of an initiative. [4]

Article 4.2 of the Regulation provides that a negative decision on registration of the citizens' initiative can be appealed by the organizers before the European Court of Justice [9. Article 4.2, L 65/4]. However, as per Szeligowska and Mincheva: "the decision of whether and how to follow up on a citizens' initiative gives a significant margin of appreciation to the Commission. It is, therefore, unlikely that the judge would examine in depth the legal and political reasons which led the Commission to take action or not" [5. P. 75].

The Effectiveness of the European Citizens' Initiative

- As one of the most innovative components provided by the Treaty of Lisbon, the ECI is often considered to have significant potential in countering charges of democratic deficit and further development of transnational democracy. According to the European Commission, "ECI provides a singular opportunity to bring the Union closer to the citizens and to foster greater cross-border debate about EU policy issues, by bringing citizens from a range of countries together in supporting one specific issue" [10. P. 3].

Assessing the effectiveness of this new device in providing solution to the EU's legitimacy deficit issues, authors acknowledge its great potential mainly in terms of providing citizens with an opportunity to set the agenda of the EU institutions, introducing unattended collective claims into the decision-making pro-

cess through indirect citizens' mobilization as well as further contribution to deliberation on EU affairs and emergence of a European general public sphere.

According to Garcia, "the European Citizens' Initiative is a further step in the EU's activism in countering charges of a democratic deficit by promoting a governance model comprising participatory and deliberative innovations complementing representative democracy… It is a decentralized device with the potential to empower political outsiders, which allows citizens to construct and promote autonomously a cause that is not or is inadequately represented by the existing means for democratic expression such as political parties or the media" [11. PP. 24–27].

Along with this, the success of the European Citizens' Initiative would have the potential to further the politicization of EU public sphere. The ECI mechanism, through signature collection campaigns and the ability to attract the media attention, could serve to encourage political debate beyond domestic affairs and to construct supranational discourses in an emerging European public sphere. Also, it is argued that by signing petitions, citizens will automatically be better informed on European issues and will become more knowledgeable of the EU and *pro tanto* more politically active [11. PP. 28–31].

Taking into consideration that further democratization in some way depends on widespread political participation, Warleigh argues that, in fact, the formal conferring of such abilities to citizens, acting collectively, would have potentially immense significance [8. P. 64].

Besides, the ECI establishes a significant change in the way in which civil society organizations engage in European institutions through increasing their role in the EU policy-making process. The possibility that the ECI empowers organized groups – giving an important agenda-setting mechanism to civic organizations able to mobilize one million citizens across Europe – may obviously be considered as one of its strengths [11. P. 24]. Along with this, according to Stratulat and Emmanouilidis, the ECI provides the European Parliament with an implicit opportunity to engage with European citizens, through "supporting of certain citizens' initiatives to raise their salience and lobbying the Commission on behalf of the people". At the same time, "if the EP misses the implicit opportunity provided by the ECI to engage with European citizens, the new instrument could reinforce the use of alternative forms of representation, which in the end could (further) challenge the purpose of political parties" [12].

In this sense, by creating the initial conditions for a demand of further democratization, ECI could be a significant releaser for a functional reflexive democratization process.

However, despite the fact that the ECI is publicly acclaimed as a potentially important device for the future democratization of the EU, a number of authors are skeptical about its potential effects, considering it as a soft mechanism, since it does not set strong legal obligations to act upon the institutions and rests on a very weak conception of participatory democracy [11. p. 24].

First of all, the ECI is just a preliminary step in the law-making process and before its official registration, the proposed ECI is subjected to an additional

examination by the Commission, which can approve, alter or refuse the citizens' legislative proposals [5. P. 75].

Secondly, among other features, the ECI resolution also makes some specific requests regarding the required amount of signatures, age and residence of citizens from certain number of Member States, as well as the outline of civil organizations which are to submit the proposal, that obviously creates additional difficulties in promoting the agenda initiative. Mainly, to gather one million signatures in at least a quarter of the member states seems to be the most relevant impediment for implementation of the European Citizens' Initiative. Despite the relatively low threshold of the required signatories (only 0.2% of the total population of the EU), due to the weakness of the general European public sphere, practically it may appear quite challenging to gather signatures. Besides, another relevant cost for the organizers of a European Citizens' Initiative is gathering the signatures in at least 7 member states, which implies additional costs like translation, coping with the various requirements for support statements' verification, which are often beyond the capacities of most European civic organizations [11. PP. 34–35].

According to Cuesta-López, "other additional difficulties for the ECI could arise from the diffuse character of the European public opinion and the weakness of the transnational civil society networks" [6. P. 9]. At the same time, although the ECI aimed to empower large numbers of citizens, it is obvious that the ECI is not the result of active mobilization and participation by millions of citizens but of efficient lobbying efforts of civic organizations [11. P. 25].

Moreover, authors argue that the ECI has quite little potential to enlarge the debates and acknowledgment on the EU issues, as solely signature collection does not provide evidence about any exchange of the points of view of the contenders. Besides, the ECI campaigns are unlikely to address citizens concerned with European causes, but mainly citizens concerned with a specific issue that must be addressed at the EU level. Authors argue that after having endorsed an initiative, the citizens will follow it if only the promoters keep them informed. Furthermore, they find it unlikely that the mere usage of the ECI will prompt media coverage, as the media are more likely to pay attention to "exotic" initiatives which are unlikely to be taken on board by the Commission [11. PP. 25–30].

In addition, practical implementation of the ECI might become a heavy burden for the European Commission. According to Stratulat and Emmanouilidis, "The Commission will come under practical and political pressure since it will have to check every single initiative before it can be registered… The sheer volume of proposals as well as the Commission's obligation to provide a help desk and a user guide, organize public hearings at Union level and monitor the different stages of successfully registered proposals, are sure to increase the Commission's workload" [12].

Conclusion

Summing up the above-mentioned, we can assume that despite the objective shortcomings and a number of challenges, the new ECI device provided by Lisbon Treaty has significant potential to directly link the public and EU decision-making and can nevertheless make a significant contribution to the solving of democratic deficit of the EU.

Obviously, a proper implementation of ECI could help in promoting European citizens' engagement with EU affairs, arousing transnational debates, making Europeans more aware of how the EU functions, which could have positive spill-over effects on the EU's democratic legitimacy.

However, it should be mentioned that functionality of this new device, and consequently its influence on the democratic life of the EU, will not only depend on a participatory-friendly legal regime, but also on the receptive attitude from institutions towards the sensible political demands raised by citizens, as well as considerable efforts of citizens' committees in stimulating supranational debates and encouraging EU citizens to become actively involved.

When it comes to the question of whether the ECI could be a solution to the "democratic deficit" of the EU, it seems that the ECI should be seen as rather informal instrument of political participatory mechanism rather than formal. Apparently, the mechanism of direct participation provided by the ECI is not a definitive remedy to improve the democratic deficit, as it can never supersede political participation through representation, and thus should be seen as only additional strategy to democratize the EU.

1. *Cini M., Borragan P-S.* N. European Union Politics. Oxford University Press. 3-rd edition, 2010.
2. *Menon A., Peet J.* Beyond the European Parliament: Rethinking the EU's democratic legitimacy. Center for European Reforms. December 2010. 10p.
3. *Moravcsik A.* The Myth of Europe's "Democratic Deficit", Intereconomics, Nov/Dec 2008. PP. 331–340.
4. European Citizens Initiative's official webpage // http://ec.europa.eu/citizens-initiative/ public/ welcome
5. *Szeligowska D., Mincheva E.* The European Citizens' Initiative–Empowering European Citizens within the Institutional Triangle: A Political and Legal Analysis // The European Citizens Initiative: A First Assessment." Bruges Political Research Papers, 2012 (edit. García, Luis). PP. 52–78 // http://aei.pitt.edu/33631/1/wp24_EG.pdf
6. *Cuesta-López V.* A Preliminary Approach to the Regulation on European Citizens' Initiative from Comparative Constitutional Law // The European Citizens Initiative: A First Assessment. Bruges Political Research Papers, 2012. PP. 6–23 (edit. García, Luis) // http://aei.pitt.edu/ 33631/1/wp24_EG.pdf
7. *Mayoral J.* Democratic improvements in the European Union under the Lisbon Treaty Institutional changes regarding democratic government in the EU. European Union Democracy Observatory (EUDO), February 2011. 12p. // http://www.eui.eu/Projects/EUDO-Institutions/Documents/ EUDOreport922011.pdf

8. *Warleigh A.* On the path to legitimacy? A critical deliberativist perspective on the right to the citizens' initiative // Governance and civil society in the European Union: Normative perspectives (edit. by Ruzza, C. and Sala D.). Vol. 1. Manchester University Press. 2007. PP. 55–72.
9. Regulation of the European Parliament and of the Council (EU) No 211/2011 of 16 February 2011 on the citizens' initiative // http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:065:0001:0022:EN:PDF
10. European Commission, Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on the citizens' initiative. Brussels: European Commission, 31 March 2010.
11. *Garcia L.B.* Anticipating the Attitudes of European Civil Society Organisations to the European Citizens' Initiative (ECI): Which Public Sphere may it Promote? // The European Citizens Initiative: A First Assessment. Bruges Political Research Papers, 2012 (edit. García, Luis). PP. 23–52 // http://aei.pitt.edu/33631/1/wp24_EG.pdf
12. *Stratulat C., Emmanouilidis A.J.* The European Citizens' Initiative: next step, implementation. European Policy Centre. Commentary. 16.12.2010 // http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_1203_the_european_citizens_-initiative.pdf. 2 p.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДЕФИЦИТА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация

На протяжении многих лет диспут относительно отсутствия возможности у обычных европейских граждан влиять на процесс принятия решений в Европейском Союзе, наряду с отрицательным влиянием расширения Союза на общую поддержку ЕС, стали причиной возникновения проблемы демократического дефицита Европейского Союза.

В связи с неэффективностью Европейского парламента в обеспечении демократической легитимности Европейского Союза, а также влиянием европейского кризиса, который во многом ослабил позиции национальных парламентов, возникли мнения, что для преодоления бреши в легитимности ЕС и приближения структуры к обычным гражданам необходимы более фундаментальные меры, включающие гражданские инициативы и референдум.

С вступлением в силу Лиссабонский договор во многом способствовал разрешению данной проблемы путем обеспечения возможности для граждан ЕС самим применять законодательную инициативу. Данная статья направлена на изучение влияния участия обычных граждан в законодательной деятельности ЕС, в частности исследование роли Европейской Гражданской Инициативы (ЕГИ), как нового механизма созданного Лиссабонским договором, в разрешении проблемы демократического дефицита ЕС. Какого возможное влияние ЕГИ на представительную модель ЕС? В какой степени данный инструмент содействует решению проблемы легитимности ЕС и насколько оно способно приблизить Союз к обычным гражданам?

Анализируя содержание и продуктивность Европейской Гражданской Инициативы, оценивая влияние и эффективность данного инструмента в разрешении дефицита легитимности ЕС, было выявлено, что, несмотря на объективные недостатки и ряд возражений, данный механизм, представленный Лиссабонским договором имеет важный потенциал во включении общества в процесс принятия решений ЕС и может иметь значительный вклад в демократизации ЕС. Вместе с тем, данный механизм прямого участия, представленный в ЕГИ не представляет собой окончательного решения проблемы демократического дефицита

ЕС, поскольку он не может заменить политическое участие посредством представительства, а посему должен рассматриваться лишь как добавочная стратегия в демократизации ЕС.

Ключевые слова: Европейский Союз, Дефицит демократии, Лиссабонский договор, Европейская Гражданская Инициатива.

ԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՆԱԽԱՁԵՌՆՈՒԹՅՈՒՆԸ, ՈՐՊԵՍ ԵՄ-ՈՒՄ ԺՈՂՈՎՐԴԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ԴԵՖԻՑԻՏԻ ԼՈՒԾՄԱՆ ՀՆԱՐԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆ

Ամփոփում

Տարիների ընթացքում բանավեճն առ այն, թե Եվրոպայի հասարակ քաղաքացին հնարավորություն չունի ազդելու Եվրոմիության որոշումների կայացման գործընթացին, ինչպես նաև ընդլայնման պատճառով ԵՄ-ին ցույց տրվելիք ընդհանուր աջակցության թուլացումը պատճառ դարձան ԵՄ-ի ժողովրդավարության դեֆիցիտի խնդրին։

Այս պարագայում հաշվի առնելով Եվրոպական խորհրդարանի ոչ արդյունավետ լինելն ԵՄ-ում ժողովրդավարական լեգիտիմությունն ապահովելու գործում, ինչպես նաև ազգային խորհրդարանները թուլացրած Եվրոպական ճգնաժամի ազդեցությունն հաղթահարելու վերաբերյալ հնչեցվել են կարծիքներ, համաձայն որոնց ԵՄ-ի և եվրոպական քաղաքացիների միջև լեգիտիմության բացը լրացնելու համար հարկավոր են ավելի հիմնարար լուծումներ՝ ներառյալ քաղաքացիական նախաձեռնությունը և հանրաքվեն։

Լիսաբոնի պայմանագրի ուժի մեջ մտնելուց հետո շատ կարևոր քայլեր են ձեռնարկվել ուղղված այս խնդրի լուծմանը՝ այժմ քաղաքացիներն անմիջապես իրավունք ունեն կիրառելու օրենսդրական նախաձեռնություն։ Սույն հոդվածում ուսումնասիրվում է եվրոպական քաղաքացիների մասնակցության ազդեցությունը ԵՄ-ում ժողովրդավարության դեֆիցիտի հաղթահարման գործում։ Ուսումնասիրության հիմնական շեշտը ուղղված է նորաստեղծ Եվրոպական քաղաքացիական նախաձեռնության վրա։ Ինչպիսի՞ ազդեցություն կարող է ունենալ ԵՔՆ-ն ԵՄ-ի ներկայացուցչական մոդելի վրա։ Ինչքանով կարո՞ղ է այն աջակցել ԵՄ-ում լեգիտիմության խնդրի լուծմանը և կարո՞ղ է արդյոք ամրապնդել կապը քաղաքացիների և ԵՄ-ի միջև։

Ուսումնասիրելով Եվրոպական քաղաքացիական նախաձեռնության բնույթը և ձեռքբերումները, գնահատելով այս նոր գործիքի ազդեցությունը և արդյունավետությունը ԵՄ-ի լեգիտիմության դեֆեցիտի լուծման գործում բացահայտվում է, որ չնայած օբյեկտիվ թերությունների և մի շարք մարտահրավերների՝ Լիսաբոնի պայմանագրով ստեղծված ԵՔՆ-ն ունի ԵՄ-ի որոշում կայացնող մարմիններին հասարակության հետ փողկապակցելու և ԵՄ-ում ժողովրդավարական դեֆիցիտը լուծելու զգալի ներուժ։ Այդուհանդերձ ԵՔՆ-ի կողմից ներկայացվող ուղիղ մասնակցության մեխանիզմն չի կարող հանդիսանալ ԵՄ-ում ժողովրդավարության դեֆիցիտի խնդրի վերջնական լուծում, քանի որ այն ունակ չէ փոխարինելու ներկայացուցչական քաղաքացիական մասնակցությունը։ Այսպիսով, այն կարող է դիտարկվել միայն որպես ԵՄ-ի ժողովրդավարացման ռազմավարության հավելյալ տեսակ։

Հիմնաբառեր՝ Եվրոպական Միություն, ժողովրդավարության դեֆիցիտ, Լիսաբոնի պայմանագիր, Եվրոպական քաղաքացիական նախաձեռնություն։

ԱՄՆ-Ի ԴԻՐՔՈՐՈՇՈՒՄԸ ՀԱՅ-ԹՈՒՐՔԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՓՈՒԼՈՒՄ (ՍՑԵՆԱՐԱՅԻՆ ԿԱՆԽԱՏԵՍՄԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆԻՑ)

Վ.Է. Գյանջումյան

Այս հոդվածում վերլուծվում են հայ-թուրքական հարաբերությունների արդի փուլը սցենարային կանխատեսման տեսության տեսանկյունից, ԱՄՆ-ի դերը հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման գործընթացում, այն անավարտ թողնելու պատճառները, ամերիկացիների հետաքրքրվածությունը հայ-թուրքական սահմանի բացման մեջ, ինչպես նաև այլ գործոններ և տարածաշրջանային հնարավոր զարգացման սցենարներ: Ներկայացված են երեք հնարավոր սցենար, որոնց իրագործումը կարող է նպաստել ԱՄՆ-ի աշխարհաքաղաքական դիրքի ուժեղացմանը Հարավային Կովկասում, մասնավորապես, երկարաժամկետ հեռանկարում Ռուսաստանի Դաշնության ամբողջական տարահանմանը իր ավանդական ազդեցության գոտուց՝ Հարավային Կովկասի տարածաշրջանից:

Հիմնաբառեր՝ սցենարային կանխատեսում, հայ-թուրքական հարաբերություններ, ԱՄՆ-ի աշխարհաքաղաքական շահեր, զուգաչափության:

Կիրառական քաղաքականության և միջազգային հարաբերությունների տեսության մեջ առանձնահատուկ կարևորություն ունի արտաքին քաղաքական սցենարային կանխատեսումը, որն ունի մեծ նշանակություն, մասնավորապես երկրի քաղաքական ղեկավար մարմինների համար, քանի որ գիտականորեն հիմնավորված կանխատեսումների առկայությունը նշանակում է քաղաքական իրադարձությունների զարգացման ընթացքի նախատեսում: Այլ կերպ ասած՝ կանխատեսումը, որպես այդպիսին, իրենից ներկայացնում է իրականության հնարավոր զարգացման նախնական արտացոլում [1]: Միջազգային հարթակում Հայաստանի դիրքի ուսումնասիրման տեսակետից՝ հաշվի առնելով Հարավային Կովկասի տարածաշրջանի կոնֆլիկտայնությունը և այնտեղ ոչ միայն տարածաշրջանային, այլև արտատարածաշրջանային ուժերի կենտրոնների հետաքրքրությունների բախումը, ինչպես նաև հայ-թուրքական, հայ-ադրբեջանական հարաբերությունների անկարգավորվածությունը, կանխատեսման մեթոդի օգտագործումը ար-

տաքին քաղաքականության մեջ Հայաստանի համար ձեռք է բերում առանձնահատուկ արդիականություն: Սույն հոդվածի նպատակն է հանդիսանում հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման գործընթացի ուսումնասիրությունը և ժամանակակից հայ-թուրքական հարաբերությունների արտաքին քաղաքական սցենարային կանխատեսման տեսության իրականացումը:

Ժամանակակից փուլում հայ-թուրքական հարաբերությունների առանձնահատկությունն է հանդիսանում մի խումբ բարդ խնդիրների առկայությունը, որոնք հիմնված են պատմական խորը հակասությունների, բարձր աստիճանի փոխադարձ անվստահության, անվտանգության տարբեր մակարդակներում մասնակցության վրա: Հարաբերությունների մեջ այս լարվածությունը լուրջ մարտահրավեր է ոչ միայն Հայաստանի ազգային անվտանգության համար, այլև ամբողջ տարածաշրջանի, որը Խորհրդային Միության փլուզումից հետո դարձել է ոչ միայն հարևան (Ռուսաստան, Թուրքիա, Իրան), այլև արտատարածաշրջանային ուժային կենտրոնների (ԱՄՆ, ԵՄ) հետաքրքրությունների բախման կետ, որոնք, ունենալով սեփական շահեր, յուրովի են դիտարկում տարածաշրջանում իրավիճակի կարգավորումը և դրա ներառումը համաշխարհային հանրությունը մեջ:

Հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման գործընթացի ամենասկզբից հենց Միացյալ Նահանգների հետաքրքրված լինելու միտում էր դիտվում, իսկ «Հայաստանի Հանրապետության և Թուրքիայի Հանրապետության միջև դիվանագիտական հարաբերություններ հաստատելու մասին» և «Հայաստանի Հանրապետության և Թուրքիայի Հանրապետության միջև հարաբերությունների զարգացման մասին» արձանագրությունների [2] ստորագրման նախագիծը շատ մասնագետների կողմից դիտարկվում էր որպես «ամերիկյան» նախագիծ: Ըստ էության, այս արձանագրությունները կյանքի կոչելը, այսինքն՝ երկրների միջև դիվանագիտական հարաբերությունների հաստատումը և հայ-թուրքական ցամաքային սահմանի բացումը, համապատասխանում է ԱՄՆ-ի աշխարհաքաղաքական շահերին, այդ պատճառով ամերիկյան կողմն անընդհատ ճնշում է գործադրում Թուրքիայի վրա: Պատահական չէ, որ երբ Թուրքիան սկսեց կապել հայ-թուրքական սահմանի հարցերը ղարաբաղյան հիմնախնդրի կարգավորման հետ, Վաշինգտոնը ԱՄՆ-ի պետքարտուղար Ֆիլիպ Գորդոնի շուրթերով հայտարարեց. «Երկկողմանի հարաբերությունների հաստատումը և սահմանի բացումը կօգնի տարածաշրջանում խաղաղություն և կայունություն պահպանել: Մենք համոզված ենք, որ այս հարցը չի կարելի կապել այլ գործընթացների հետ» [3]: Բացի այդ, Թուրքիայի ԱԳՆ ղեկավար Ահմեդ Դա-

վութօղլուի հայտարարությունն այն մասին, որ ՀՀ Սահմանադրական Դատարանի որոշումը վնասում է արձանագրություններով հասած համաձայնությանը, արժանացավ ԱՄՆ պետքարտուղարի քննադատությանը, ով հայտարարեց, որ դատարանի որոշումը չի հակասում հայ-թուրքական արձանագրություններին [4]: Այս բոլոր փաստերը ապացուցում են, որ ԱՄՆ-ն իրոք հետաքրքրված է հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման մեջ: Այդ հետաքրքրվածությունը կարելի է բացատրել հետևյալ կերպ.

1. Վաշինգտոնը հասկանում է, որ Թուրքիայի կողմից սահմանի բացման և Ադրբեջանի կողմից շրջափակման պահպանման դեպքում Հայաստանը, զրկված մնալով Ռուսաստանի հետ երկաթուղային ճանապարհից, ձեռք է բերում դեպի Եվրոպա կարճագույն ցամաքային ճանապարհ, ինչն արագացնում է նրա տնտեսական ինտեգրացիան Արևմուտքի հետ:
2. ԱՄՆ-ն հույս ունի, որ մինչ ղարաբաղյան հակամարտության լուծումը հայ-թուրքական սահմանի բացումը կարող է նվազեցնել Հայաստանի տարածքում գտնվող ռուսական ռազմական բազայի դերն ու նշանակությունը, ինչն իր հերթին կարագացնի ՆԱՏՕ-ի հետ մերձեցման գործընթացը:
3. Սահմանի բացումից հետո Վաշինգտոնն արդեն կարող է Հայաստանի առջև վերջնականապես դնել Իրանի հետ տնտեսական համագործակցության հարցը:

Այսպիսով, ԱՄՆ-ի կողմից մշակված հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման նախագիծն արտաքին քաղաքական հետաքրքրությունների համատեքստում կարելի է բաժանել մի քանի փուլերի:

Տվյալ նախագծի սկզբնական կամ նախապատրաստական փուլի էությունը, որը փակված էր հասարակության համար և սկիզբ էր առել դիվանագիտական ետնաբեմում, կայանում էր նրանում, որ հնարավորություն չտրվի ռուսական ազդեցությունը տարածել Հարավային Կովկասի տարածաշրջանում՝ Մոսկվայի մերձավոր դաշնակիցների միջոցով: Դրանից հետևում է, որ հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորումը մտածված էր Հայաստանում Ռուսաստանի ազդեցության փոքրացման նպատակով, ինչը կարող է նախաբան դառնալ Հարավային Կովկասում ՌԴ-ի ազդեցության աստիճանաբար վերացման համար:

«Ամերիկյան» նախագծի երկրորդ փուլը կապված է հարավօսեթական հակամարտության արդյունքում Հարավային Կովկասում ստեղծված իրավիճակի հետ (2008 թվականի Հնգօրյա պատերազմ), որը

ստիպեց ԱՄՆ-ին վերանայել և կազմել առավել հավասարակշռված արտաքին քաղաքական ծրագիր՝ հաշվի առնելով նոր աշխարհաքաղաքական իրավիճակը տարածաշրջանում: Նախագծի ներդրման վերաբերյալ ամերիկյան շահերի վերակազմավորումը բերեց ոչ թե դրա հիմնական բաղադրիչի վերակազմավորմանը՝ Հարավային Կովկասից Ռուսաստանի Դաշնության ամբողջական դուրս մղմանը, այլ տարածաշրջանային իրավիճակը «զուգաչափության» վիճակի հասցնելը՝ Ռուսաստանի ազդեցության մեծացումը և Հարավային Կովկասում նրա գերակշռության էլ ավելի մեծ կարողության կուտակումը չթույլատրելու նպատակով: Ուսումնասիրելով և վերլուծելով այդ ժամանակաշրջանում առաջացած իրավիճակը՝ կարելի եզրակացնել, որ ամերիկացիներին հաջողվել է լուծել իրենց ընթացիկ խնդիրը՝ կարգավորել տարածաշրջանային իրավիճակը՝ հատուկ տեղ հատկացնելով Թուրքիային: Այս ժամանակաշրջանում Անկարան ելույթ ունեցավ «Կովկասի կայունության ու համագործակցության պլատֆորմ» տարածաշրջանային միություն ստեղծելու առաջարկով, որը շատ լավ համատեղվեց տարածաշրջանում ուժերի նոր հավասարակշռություն ստեղծելու մղումներին` այդ թվում նաև հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման տեսանկյունից: Ենթադրաբար Թուրքիայի կողմից առաջարկված նախագիծը, որն ի սկզբանե անիրականանալի է, այսինքն՝ ըստ էության խաբուսիկ տագնապ առաջացնող, հանդիսանում է ավելի ընդհանրական «ամերիկյան» նախագծի բաղադրիչ մասը: Հատկանշական է, որ հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման այդ փուլն անցել է շատ արդյունավետ, մասնավորապես ԱՄՆ-ի համար արտահայտվել է Հայաստանի և Թուրքիայի միջև կնքված երկու արձանագրությամբ՝ ստորագրված 2009 թվականի հոկտեմբերի 10-ին Ցյուրիխում:

Նախագծի երրորդ փուլն իր մեջ ներառում է հայ-թուրքական հարաբերությունների ընթացիկ ժամանակաշրջանը, որը բնութագրվում է կարգավորման գործընթացի սառեցմամբ: Սպասվում էր, որ հենց այս փուլում ստորագրված արձանագրությունները պետք է կյանքի կոչվեին` առանց որևէ նախապայմանների: Սակայն Թուրքական Հանրապետությունը պնդեց, որ առանց Ղարաբաղյան հիմնախնդրում փոփոխությունների Թուրքիայի խորհրդարանը չի իրականացնի համաձայնությունները [4]: Այսպիսով, թուրքական կողմը հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորումը կապում է հայ-ադրբեջանական հարաբերությունների հետ: Բանն այն է, որ եթե Թուրքիան տնտեսական հարաբերություններ հաստատի Հայաստանի հետ մինչև ղարաբաղյան հակամարտության լուծումը, դա կխանգարի Ադրբեջանի՝ Հայաստանը մեկուսացնելու ծրագրին, և քանի որ Ադրբեջանը ցավա-

գին է տանում հայ-թուրքական սահմանի հնարավոր բացման ցանկացած տեղեկատվություն, Անկարայի նմանատիպ քայլը կարող է ադրբեջանցիների մոտ բացասական տրամադրություն առաջացնել իրենց «մեծ եղբոր» նկատմամբ՝ ինչպես իրենք են անվանում Թուրքիան: Այսպիսով, Ադրբեջանի կառավարությունը երրորդ կողմի միջոցով տեղեկացրել է պաշտոնական Անկարային, որ Լեռնային Ղարաբաղի հակամարտության հարցում լուրջ առաջընթացի բացակայության պայմաններում՝ Հայաստանի հետ սահմանի բացման դեպքում պաշտոնական Բաքուն կդադարեցնի գազի մատակարարումը Թուրքիա: Ինչպես տեղեկացնում է թուրքական Hurriyet պարբերականը, պաշտոնական Բաքվի այսպիսի խիստ դիրքորոշումը հասել է նաև Թուրքիայի ԱԳՆ [5]: Պատահական չէ, որ Թուրքիայի վարչապետ Էրդողանը հայտարարել է, որ մինչև ղարաբաղյան հակամարտության լուծումը հայ-թուրքական սահմանը չի բացվելու: Այսպիսով, Անկարան դժվար թե բացի սահմանը մինչև ղարաբաղյան հակամարտության լուծումը, քանի որ հակառակ դեպքում, ինչպես արդեն նշվեց, նա կարող է «կորցնել» Ադրբեջանը: Սա խանգարում է Անկարային կատարել իր խոստումները, որ նա տվել է արևմյան երկրներին՝ Երևանի հետ հարաբերությունների կարգավորման վերաբերյալ: Այսպիսով, Թուրքիան փաստորեն խափանեց Հարավային Կովկասում «ամերիկյան» ծրագրի իրականացումը:

Ամեն դեպքում ԱՄՆ-ն չի դադարում իր նախագիծը կյանքի կոչելու փորձերը: Տվյալ նախագծի իրականացումն արդիականացվում է Ուկրաինայում տեղի ունեցած վերջին իրադարձությունների, Ղրիմի՝ Ռուսաստանին միանալու շնորհիվ, ինչը խափանում է Ամերիկայի «գլոբալ առաջնորդություն» և «առավելության ռազմավարություն» արտաքին քաղաքական հայեցակարգերը: Սթոկհոլմի քաղաքականության, անվտանգության և զարգացման ինստիտուտի տնօրենի Սվանտե Կորնելայի կարծիքով Հարավային Կովկասը կարող է դառնալ Ռուսաստանի և ԱՄՆ-ի միջև հաջորդ պատերազմական դաշտը [6]: Այս տեսանկյունից բացառված չէ, որ ԱՄՆ-ն կունենա հարմար առիթ իր նախագծի իրագործման համար:

Հարկավոր է նաև ի նկատի ունենալ, որ Վաշինգտոնը բավականին հաճախ (օրինակ՝ Թուրքիայի ԵՄ անդամ դառնալու հարցում, մերձարևմտյան թեմատիկա) Անկարային սանձելու համար դիմում է գլխավոր խաղաթղթին՝ հայերի ցեղասպանության թեմային, իսկ ավելի կոնկրետ՝ պետական մակարդակով այդ հանցագործության ճանաչմանը: Սակայն, փորձը ցույց է տալիս, որ այդ ծայրահեղ քայլին ամերիկացիները պատրաստ չեն. Վաշինգտոնին առավել ձեռնտու է գործել ուրի-

շի ձեռքով, Թուրքիայի վրա ներգործել լծակների միջոցով: Վաշինգտոնի համար հնարավոր սցենարներից կարելի է ընտրել հետևյալները. ռուս-թուրքական հարաբերությունների վատթարացում, իջեցում այնպիսի մակարդակի, որռուսական գործոնը հաշվի չառնվի «ամերիկյան նախագծի» իրականացման ժամանակ, հայ-իսրայելական հարաբերություններ լավացում, Թուրքիայի և Իրանի ներքաշում սիրիական հարցի մեջ:

Առաջին սցենարը նախատեսում է ՌԴ-ի և Թուրքիայի դիստանցավորում, իսկ այդ սցենարի իրականացման համար շատ լավ հարթակ է Հարավային Կովկասը: Ռուս-թուրքական հարաբերությունների վատթարացման միջոցով ԱՄՆ-ն կարող է նոր բաղադրիչներ ներմուծել հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման գործում: Թուրքիայի և Ռուսաստանի բախումը կբերի տարածաշրջանի կոնկրետ ազդեցության ոլորտների բաժանմանը, կձևավորվեն կոնկրետ դաշինքներ Հարավային Կովկասում՝ Թուրքիա-Ադրբեջան և Հայաստան-Ռուսաստան: Այս սցենարի իրականացման դեպքում Թուրքիան իրեն կարող է վստահ զգալ Ադրբեջանի հետ հարաբերություններում, քանի որ վերջինս այլ կերպ կընկալի հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման գործընթացը և ոչ այդքան ցավագին կտանի: Ըստ էության կհանվեն հիմնական խանգարող հանգամանքները Թուրքիայի համար նախագծերի իրագործման գործընթացից, իսկ տարածաշրջանային իրավիճակների զարգացումն այլևս կախված չի լինի ղարաբաղյան հակամարտության կարգավորումից: Այլ կերպ ասած՝ Ղարաբաղի շուրջ կստեղծվի այնպիսի իրավիճակ, որ յուրաքանչյուր փոփոխություն կարող է բերել Մոսկվայի և Անկարայի բախմանը: Այսպիսի սցենարը ձեռնտու է Վաշինգտոնին, քանի որ խուսավարումների լծակները կգտնվեն հենց նրա ձեռքում՝ որպես հայկական խնդիրների կարգավորման կազմակերպիչ: Բացի այդ, քանի որ Թուրքիան և Ռուսաստանը Հարավային Կովկասում կբաժանվեն տարբեր կողմերի, նրանց կողմից որոշիչ քայլեր չեն արվի ղարաբաղյան հիմնախնդրի վերաբերյալ, հետևաբար, նրանց ազդեցությունը տվյալ խնդրի վրա զրոյական է դառնում: Այսպիսով, Հարավային Կովկասում Մոսկվայի և Անկարայի բախումը կարող է ստեղծել բարենպաստ պայմաններ «ամերիկյան» նախագծի իրականացման համար: Չնայած՝ հարկավոր է նշել, որ ռուսական կողմը ուշադրությամբ հետևում է ռուս-թուրքական հարաբերությունների վրա ԱՄՆ-ի ունեցած հնարավոր ազդեցություններին, և ռուս-թուրքական այժմյան հարաբերությունները խոսում են այս սցենարի իրականացման քիչ հավանականության մասին:

Հայ-իսրայելական հարաբերությունների հնարավոր լավացումը կարող է ԱՄՆ-ի համար Թուրքիայի վրա ազդելու գործոն հանդիսանալ՝ մեր տարածաշրջանում ամերիկյան նախագծի իրականացման շրջանակներում: Ակնհայտ է, որ Վաշինգտոնն այդքան էլ հետաքրքրված չէ Թուրքիայի և Իսրայելի հարաբերությունների վատթարացման մեջ, բայց նրան ավելի շատ ձեռք չի տալիս Թուրքիայի արտաքին քաղաքականության հակաիսրայելական ուղղվածությունը: Հայ-իսրայելական հարաբերությունների լավացման սցենարը Թուրքիայի և Իսրայելի հարաբերությունների վատթարացման ֆոնի վրա ուղղված է Թուրքիան դարձնելու ԱՄՆ-ի դաշնակից՝ հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման գործում. արդյունքում ԱՄՆ-ի հայկական և հրեական ազդեցիկ լոբբիները կարող են օգտագործել ցեղասպանությունը որպես լծակ՝ թուրքերի վրա ազդեցություն գործելու համար: Այսպես, թուրք քաղաքագետների շրջանում խուճապ է ի հայտ եկել թուրք-իսրայելական հարաբերությունների վատթարացման վերաբերյալ: Եթե սկզբում Ցեղասպանության մասին օրինագծի ընդունումը հնարավոր դարձավ թույլ չտալ հրեական լոբբիների շնորհիվ, ապա Իսրայելի հետ հարաբերությունների վատթարացման դեպքում Անկարան Կոնգրեսում այլևս օգնության հույս չունի: Այսպիսով, Թուրքիան ստիպված կլինի ավելի շատ ռեսուրսներ ներառել Ցեղասպանության մասին օրինագծի դեմ պայքարելու համար: Մասնավորապես, ըստ որոշ հաշվարկների՝ թուրքական դեսպանությունը Վաշինգտոնում իր աշխատանքային ժամանակի մոտ 70 տոկոսը վատնում է ամերիկյան պաշտոնատար անձանց՝ Հայկական հարցում թուրքական կողմը բռնել համոզելու վրա [7]:

Երրորդ սցենարը, որը կարող է ազդեցություն ունենալ հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման «ամերիկյան» նախագծի իրագործման վրա, ենթադրում է Թուրքիայի և Իրանի բախում՝ սիրիական հարցի նկատմամբ տարածաշրջանում Իրանին հակակշիռ ստեղծելու նպատակով հայ-թուրքական սահմանի բացման միջոցով: Տվյալ հակակշռի նշանակությունը Թուրքիայի համար կրկնակի է դառնում առաջին սցենարի իրագործման դեպքում՝ Ռուսաստանի և Թուրքիայի ազդեցությունների կոնկրետ բաժանում Հարավային Կովկասի տարածաշրջանում: Հայ-թուրքական սահմանի բացումը կարող է նվազեցնել հայ-իրանական սահմանի նշանակությունը, որի երկարությունը կազմում է ընդամենը 35կմ:

Վերը նշված սցենարների իրագործումը կարող է Հարավային Կովկասի ամբողջ տարածաշրջանն ընկղմել հակամարտությունների մեջ, ինչի արդյունքում ԱՄՆ-ն բոլոր նպաստավոր պայմանները կունե-

նա հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման իր նախագիծն իրականացնելու համար:

Համենայն դեպս, հատկանշական է, որ ներկայումս հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման «ամերիկյան» նախագիծն ավարտուն չի համարվում: Նախագծի տրամաբանական ավարտին չհասնելու պատճառներից մեկն է հանդիսանում նրա թերամշակումը կազմակերպիչների կողմից: Այսպիսով, անհաջորդականությունը երևում է այնտեղ, որ ԱՄՆ չի կարողացել իմաստավոր կերպով և կոնկրետ մեկնաբանել հայ-թուրքական հարաբերությունների և ղարաբաղյան հիմնախնդրի կարգավորման միջև եղած կապը, իսկ նրանց կողմից՝ այս երկու գործընթացների կարգավորումների միաժամանակ լինելու պատճառաբանությունները Թուրքիայի կողմից ընդունվեցին որպես նշան այն մասին, որ Վաշինգտոնը դեմ չէ երկու գործընթացների կարգավորմանը: Ավելին, «ամերիկյան» նախագծի հեղինակները ռազմավարական տեսանկյունից թերագնահատել են ադրբեջանական գործոնի ազդեցությունը հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման վրա, ինչպես նաև այն հանգամանքը, որ առանց Հայոց ցեղասպանության ճանաչման, փաստորեն հնարավոր չէ օբյեկտիվորեն հասնել Երևանի և Անկարայի միջև հարաբերությունների կարգավորմանը: Համենայն դեպս, տվյալ նախագծի իրագործումը չի կորցնում իր նշանակությունն ԱՄՆ-ի համար, այնպես որ չի բացառվում, որ ապագայում՝ որոշակի պայմանների առկայության դեպքում հայ-թուրքական հարաբերությունների կարգավորման գործընթացը կվերակենդանացվի:

1. Общая и прикладная политология: Учебное пособие / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснов, М.: МГСУ: Изд-во «Союз», 1997. С. 775.
2. Հայաստանի Հանրապետության և Թուրքիայի Հանրապետության միջև դիվանագիտական հարաբերություններ հաստատելու մասին» և «Հայաստանի Հանրապետության և Թուրքիայի Հանրապետության միջև հարաբերությունների զարգացման մասին» արձանագրությունների // http://www.mfa.am/u_files/20091013_protocol.pdfhttp://www.mfa.am/u_files/20091013_protocol1.pdf
3. США наносят контрудар Турции: Отношения Анкары с Арменией не связаны с карабахским конфликтом // http://regnum.ru/news/1249370.htmlhttp://regnum.ru/news/1249370.html
4. Karabağ çözülmeden kesinlikle anlaşma yok, Akşam, http://aksam.medyator.com/2009/04/11/haber/dunya/1211/karabag_cozulmeden_kesinlikle_anlasma_yok.html11,04,2009
5. Президент Азербайджана бойкотировал «Альянс цивилизаций» в Турции // http://www.regnum.ru/news/ 1146235.html 03.04.2009

6. Checking Putin's Eurasian Ambitions // http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702303532704579476972067682740
7. Osman Bengur, “Turkey`s Image and the Armenian Question”? Turkish Policy Quarterly. Vol. 8, № 1. P. 45.

ПОЗИЦИЯ США ОТНОСИТЕЛЬНО АРМЯНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (В РАКУРСЕ ТЕОРИИ СЦЕНАРНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ)

Аннотация

В данной статье исследуются современный этап армяно-турецких отношений в контексте теории сценарного прогнозирования, роль США в процессе нормализации армяно-турецких отношений, причины его недоведения до конца, заинтересованность американцев в открытии армяно-турецкой границы, а также факторы и возможные сценарии регионального развития. Представлены три возможных сценария, реализация которых может привести к успешному для Соединенных Штатов развитии ситуации на Южном Кавказе, в частности, в долгосрочной перспективе – полное вытеснения Российской Федерации из своей традиционной сферы влияния – Южнокавказского региона.
Ключевые слова: сценарное прогнозирование, армяно-турецкие отношения, геополитические интересы США, конгруэнтность.

THE US POSITION ON THE ARMENIAN-TURKISH RELATIONS AT THE PRESENT STAGE (FROM THE PERSPECTIVE OF THE THEORY OF SCENIC FORECASTING)

Summary

This article examines the current stage of the Armenian-Turkish relations in the context of the theory of scenic forecasting, US role in the process of normalization of Armenian-Turkish relations, the reasons of its failure, the Americans’ interest in the opening of the Armenian-Turkish border and Armenian-Turkish rapprochement, factors and possible scenarios of regional development. Three possible scenarios, the realization of which may lead to the successful development of the situation in the South Caucasus for the United States, are presented here, in particular – in the long term – the full displacement of the Russian Federation from its traditional sphere of influence – the South Caucasus region.
Keywords: scenic forecasting, Armenian-Turkish relations, US geopolitical interests, congruence.

НЕООСМАНСКАЯ ДОКТРИНА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ТУРЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.С. Джилавян

В данной статье исследована современная динамика внешней политики Турции по отношению к странам Центральной Азии и Южного Кавказа. Рассмотрена эффективность конкретной политики в контексте ее эволюции в рамках геостратегии под названием «новыйосманизм» или «неоосманизм». Сделаны основные выводы касательно продуктивности нового внешнеполитического курса и перспектив его применяемости в адрес региональных государств.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, Южный Кавказ, неоосманизм, внешняя политика, геополитика Турции.

Практически вся вторая половина XX столетия для внешней политики Турции ознаменовалась односторонней ориентацией на западный полюс международных отношений. Данное обстоятельство, в свою очередь, обусловило политику Анкары по отношению к тюркским государствам и странам Южного Кавказа. Однако после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) наступил качественно новый этап трансформации турецкой геополитической концепции по отношению к регионам, которые находились в прошлом под властью Османской империи. В связи с этим, тема данной статьи обладает высокой степенью **актуальности**, поскольку новый подход во внешней политике Турции оказывает непосредственное влияние на развитие и дальнейшую динамику политических процессов в Евразии. **Объектом** исследования выступает внешняя политика Турции в Центральной Азии и Закавказье. **Предметом** исследования рассматривается динамика неоосманской доктрины применительно к государствам, входящих и конкретные региональные системы, в аспекте эффективности ее реализации.

В советскую эпоху Турция обладала весьма ограниченными инструментами воздействия на государства региона. К тому же, в силу данного обстоятельства играло и то, что Анкара на тот момент имела в основном однонаправленную ориентацию своей внешней политики в период «холодной войны». Такая общая динамика сохранялась вплоть до появления на политической арене Турции Тургута Озала. Именно он стал первым политическим деятелем, который решился пересмотреть геополитическую концепцию страны, и, тем самым, его взгляды оказали огромное влияние на развитие неоосманской доктрины.

В результате «парада суверенитетов» между Ираном и Турцией сложилось соперничество за распространение своего влияния на постсоветском пространстве. При этом Иран делал упор на исламское и культурно-историческое единство центральноазиатских республик и Азербайджана. Турция, в свою очередь, сосредотачивала свои усилия в рамках концепции пантюркизма. Конечно же, общее тюркское происхождение оказало благоприятную поддержку в проникновении Турции в Центральную Азию по нескольким направлениям: политическому, идеологическому и экономическому. При этом, турецкое руководство использовало как возможности госаппарата, так и активное подключение потенциала частного турецкого бизнеса, а также возможности различных общественных, религиозных и политических организаций. В этом, несомненно, была большая заслуга Озала.

Особо примечателен тот факт, что в процессе реализаций интересов Турции на Кавказе и Центральной Азии, Тургут Озал выдвигал на передний план не столько идеологему пантюркизма, сколько концепцию турецко-исламского синтеза, ставшей впоследствие базисом неоосманской парадигмы. Одним из важнейших внешнеполитических достижений Озала стало создание Организации Черноморского Экономического Сотрудничества как инструмента возращения причерноморского региона под экономическим контролем Турции. Однако смерть Озала в 1993 году и тяжелый системный кризис в Турции 1990-ых гг. сделали невозможным дальнейшее укрепление турецкого влияния в регионе [1].

Второй период скачка интенсивности турецкой внешней политики в Закавказье и Центральной Азии наступил с 2002 года, когда к власти пришла качественно новая государственная элита в лице Партии справедливости и развития (ПСР). Взяв на вооружение неоосманскую стратегию в качестве основного инструмента реализации геополитических интересов страны, ПСР приступила к активизации своей политики на черноморско-каспийском направлении. Следует отметить, что правительство Турции выделило в качестве политико-идеологического базиса своей региональной политики так называемое «второе» издание нового османизма, выработанного нынешним министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу. Согласно его концептуальной разработке (она была изложена в работе Давутоглу под названием «Стратегическая глубина: международное положение Турции»), географическое положение и историческая роль Турции теоретически обосновывает необходимость ее вовлеченности в процессы прилегающих к ней региональных систем. Методологический базисом для реализации геостратегических интересов составляют исключительно политико-дипломатические и экономические инструменты, которые можно объединить в один из важнейших принципов политики неоосманизма – метод «мягкой силы» [2. СС. 946–948].

Черноморский и Каспийский бассейны представляют для Турции одну из важнейших сфер ее жизненных интересов в рамках новой внешне-

политической доктрины. Неоосманизм направлен на обретение Турецкой

республикой статуса регионального лидера, способного влиять на формирование региональной системы взаимоотношений, а не просто быть одной из ее многочисленных частей. Помимо усиления своего присутствия на Ближнем Востоке, Балканах и Северной Африке, Анкаре важно сосредоточить предельное внимание на Кавказе и Центральной Азии. Это обусловлено тем фактором, что для достижения регионального доминирования первостепенной задачей является трансформация Турции в подобие центрального геоэкономического и транспортного регионального узла.

Соответственно, доступ к энергетическим ресурсам Каспия занимает передовую позицию в вопросах формирования подходов турецкой внешней политики по конкретному направлению. Следует отметить, что Анкара отдает предпочтению широкоформатному взаимодействию с ведущим мировыми игроками, с такими, как США, ЕС и Россия, проявляя, при этом, определенную автономность от европейско-атлантического полюса. Плюсом в такой тактике является отход от традиционного стереотипа касательно Российской Федерации, согласно которому она расценивалась, прежде всего, в качестве противника. Более того, Турция на современном этапе приветствует построение двусторонних партнерских отношений в рамках экономического сотрудничества. Это автоматически увеличивает стратегическую значимость Турции для ЕС и США в статусе энергетического коридора транспортировки каспийских нефти и газа на западные рынки сбыта [3. CC. 140–141].

Центральноазиатские республики в аспекте неоосманской внешней политики представляют для Турции одну из приоритетных направлений внешнеполитической стратегии. Примечательно, что, если в начале 1990-ых годов основную роль в турецкой инициативе по объединению тюркских постсоветских государств играла идея «пантюркизма», которая, откровенно говоря, не смогла продемонстрировать должной отдачи, то на современном этапе инструменты воздействия являются более диверсифицированными. В качестве примера можно привести саммит глав тюркоязычных государств 2006 года, в котором приняли участие Турция, Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Туркмения и Кыргызстан, где было принято решение о создании Парламентской Ассамблеи тюркоязычных государств. Несмотря на то, что инициатива была выдвинута президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, Турция предпринимает довольно-таки серьезные усилия с целью создания постоянного секретариата в Анкаре [4].

Наибольший приоритет, помимо развития политико-культурных связей, Турция отдает образованию крепкого экономического сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе. Активно проводится политика кредитования центральноазиатских республик. Основная причина данного шага заключается в создании привлекательной инвестиционной сфере для турецких деловых лиц. Объем внешнеторговых отношений со странами региона значительно возрос. Например, к 2012 году объем взаимных инвестиций в экономики Турции и Казахстана составил около $1.5 млрд., а товарооборот – почти $3.5 млрд. [5].

Столь же активно развиваются турецко-туркменские отношения. За последнее время наблюдается активизация энергетических проектов, приостановленных в 1990-ых гг. Речь идет о возможном возобновлении строительства газопровода Туркменистан-Иран-Турция-Европа. По некоторым данным, по данному вопросу уже был проведен ряд подготовительных работ [6]. Кроме этого, по состоянию на 2013 год товарооборот между Турцией и Туркменистаном вырос в полтора раза и достиг отметки в $3.6 млрд. Также следует отметить, что в Туркмении зарегистрировано около 600 турецких компаний (в основном – строительных). Только в прошлом году турецкая компания Полимекс получила подряды, превышающие $2.5 млрд. Среди них – международный аэропорт в Ашхабаде [5].

А Киргизии Турция занимает второе место по объему иностранных инвестиций (около $450 млн.), вложенных в экономику. В 2011г. она предоставила грантовую помощь республике в $20 млн., а также выделила $11 млн. для восстановительных работ на юге. Кроме этого, в декабре 2011г. в Бишкеке было подписано соглашение между правительствами Кыргызстана и Турции о списании долга в размере $51 млн. долл. Сотрудничество между государствами было развернуто также и в культурно-образовательной сфере, где одним из приоритетных направлений стал студенческий гуманитарный обмен между Киргизией и Турцией [7. СС. 31–32].

Турция не менее активно в рамках неоосманской доктрины активизировала политику в Закавказье. Однако для эффективной реализации доктрины по данному направлению необходимо наличие стабильной обстановки в регионе. В противном случае реализация налаженной логистической системы не будет иметь максимальной отдачи. В данном аспекте идентифицировать южные границы Кавказа как полностью отвечающие критериям региональной безопасности не предоставляется возможным, о чем свидетельствуют неурегулированные межнациональные конфликты (грузино-абхазский, грузино-осетинский и нагорно-карабахский). В связи с этим Анкара приняла на себя роль активного посредника в вопросе разрешения конфронтационных очагов в регионе, что отвечает еще одному важному принципу неоосманской доктрины – «ноль проблем с соседями» [8].

Помимо всего, политическая ориентация закавказских республик по своему определению разнородна. Азербайджан, прежде всего, связывает будущее своего государственного развития с стратегическим партнерствм с Турцией, установлением крепких связей с исламским миром, в целом, и НАТО, в частности. Грузия, в свою очередь, выделила евроинтеграцию в качестве прерогативы внешней политики, о чем говорит парафирование Соглашения об ассоциации с ЕС 29 ноября 2013 года [9]. Армения, в отличие от соседних государств, демонстрирует пророссийскую направленность в вопросах региональной политики и безопасности. В доказательство достаточно привести подтверждение Армении о вступлении в Таможенный союз с Россией, Белоруссией и Казахстаном [10].

Наиболее тесные отношения в рамках военно-политического и экономического сотрудничества из вышеупомянутых государств Турция уста-

новила с Азербайджаном. В основе этого сотрудничества лежит не только этническая и лингвистическая близость, но и обширный интерес в экономической сфере, в особенности в энергетическом кластере. В числе договоренностей между двумя государствами имеются проекты реализации таких масштабных проектов, как «Набукко», Трансанатолийский трубопровод (TANAP), Трансадриатический трубопровод (TAP), а с 2006 года в эксплуатацию вступил нефтепровод «Баку-Тбилиси-Джейхан» [11. CC. 2–4]. Подобные шаги, в свою очередь, отвечают первостепенным критериям диверсификации поставок энергоресурсов в Турцию. В данном случае следует принимать во внимание тот факт, что Турецкая республика – энергозависимое государство. По данным на 2011 год, Турция импортировала 58% природного газа и 12% сырой нефти из России и, кроме того, 19% газа и 51% нефти из Ирана. По сравнению с этими показателями, доля азербайджанского газа, закупаемого Турцией, относительно невелика и составляет всего 10% [11. C. 1]. Исходя из этого, заинтересованность турецкой стороны в увеличении поставок азербайджанских энергетических ресурсов имеет, по сути, константную актуальность.

Помимо энергетической сферы, в турецко-азербайджанских отношениях весьма силен элемент военного сотрудничества. Известно, что Национальная армия Азербайджана тесно сотрудничает с Вооруженными Силами Турции во многих сферах [12]. Турецкие власти, в том числе, занимаются вопросами подготовки азербайджанских военных кадров. В качестве примера можно привести Морскую диверсионно-разведывательную бригаду ВМС [13].

Иными словами, турецко-азербайджанское партнерство носит стратегический характер. Однако, при всем этом, следует отметить, что Турция имеет крайне незначительную по своим размерам границу с Азербайджаном. А ввиду отсутствия открытой границы с Арменией Анкара развивает партнерское взаимодействие с другим закавказским актором, которым является Грузия.

Турецко-грузинская граница составляет 114 км своей общей протяженности, что обуславливает возможность реализации масштабных региональных транспортных и энергетических проектов. Существенным компонентом в их сотрудничестве обладает военная кооперация, которая, впрочем, носит ограниченный характер из-за нежелания идти на открытую конфронтацию с Россией [14. C. 160]. Грузия, по большому счету, перестала быть абсолютно отдельной частью закавказской внешней политики Турции. Когда необходимо составить общую картину региональных политических процессов, то чаще всего на передний план выходит «стратегическое трио»: Турция-Грузия-Азербайджан. В доказательство этого утверждения следует привести заключение «Трапезондской декларации» между тремя республиками. Благодаря конкретной нормативной базе координация внешнеполитической и энергетической деятельности в регионе стала еще более сконцентрированной и согласованной между тремя сторонами [15]. К слову, подобная согласованность наблюдается в позиционировании

на площадках различного рода международных организаций и форумов (ГА ООН, ПАСЕ, ОБСЕ и т.д.) [15].

Примечательно, что в последние годы Анкара создает все больше рычагов контроля над грузинской экономикой. Во внешнеторговой сфере Турция на сегодняшний день занимает приоритетное место для Грузии, заняв тем самым место России, потерянное в результате южноосетинского кризиса 2008 года. В 2002–2010гг. объем товарооборота между двумя странами достиг отметки в 1 млрд. вместо $240 млн. [16]. Кроме того, Турция по числу своих инвестиций в Грузию занимает вторую строчку после США. Эти инвестиционные вложения включают в себя: строительную сферу, стекольное производство, телекоммуникации, а также создание различных организаций среднего и малого бизнеса. Самые крупные из них на сегодняшний день приходятся на реализацию проектов железной дороги Карс-Тбилиси и оптико-волоконного кабеля Ризе-Поти.

Полномерное включение Армении в региональные программы Турции на современном этапе не представляется возможным. Однако с геополитической точки зрения Армянское государство в плане неоосманской доктрины, тем не менее, не лишается значимости. Это подтверждают попытки турецкого правительства наладить прямой диалог между двумя странами, когда в 2007 году состоялась продолжительная серия тайных армяно-турецких консультаций при посредничестве Швейцарии. По их завершению была сформирована почва для вступления переговорного процесса в официальную фазу. Наступил так называемый этап «Футбольной дипломатии», так как переговоры на высшем уровне между главами турецкого и армянского государств состоялись на футбольных матчах в июне 2008 и октябре 2009 гг. [17].

В результате переговоров в процессе секретных консультаций в Швейцарии в 2007 году и в период «Футбольной дипломатии» между Ереваном и Анкарой было достигнуто соглашение по многим вопросам двустороннего взаимодействия, о чем свидетельствует принятие 23 апреля 2009 года так называемой дорожной карты регулирования армяно-турецких отношений. Она подразделялась на 5 пунктов:

- Армения обязуется признать Карское соглашение, подписанное между Турцией и СССР в 1921 году;
- должна быть создана комиссия историков, которая будет расследовать факт геноцида, к комиссии могут присоединиться также третьи страны;
- откроются границы между двумя странами и будут подписаны соответствующие соглашения о начале торговли;
- после того, как послы Армении и Турции в Грузии будут аккредитованы в Анкаре и Ереване, начнется установление дипломатических связей;
- вопросы в «дорожной карте», требующие утверждения законодательного органа, должны пройти обсуждение в парламенте [18].

Логическим завершением всего вышеперечисленного стало подписание 10 октября 2009 года Цюрихских протоколов, которые обуславливали развитие двусторонних отношений между двумя государствами и установление дипломатических отношений.

Следует отметить, что подписание сих документов состоялось без включения в них предварительных условий (вопросы по признанию армянского Геноцида 1915г. и Нагорно-карабахскому конфликту). Для турецкой дипломатии это стало прорывом в аспекте политики по армянскому направлению в новейшей истории. Однако последовавшая впоследствии негативная реакция как в самой Армении, так и от главного стратегического союзника Турции – Азербайджана, сделало невозможным ратификацию протоколов в парламентах турецкой и армянской республиках.

Армянская диаспора и оппозиционные политические силы в самой стране обвинили правительство в отступничестве от важнейшего принципа «Декларации независимости Армении» от 23 сентября 1990 года, которая гласит, что «Республика Армения выступает за международное признание геноцида армян 1915 года в Османской империи и Западной Армении». Главным аргументом в данной ситуации выступило то обстоятельство, что создание независимой группы армянских и турецких историков с целью расследования факта геноцида ставило под вопрос историческую незыблемость одного из страшнейших преступлений против человечества XX столетия» [19]. Азербайджанская сторона, в свою очередь, обвинила Турцию в дистанционировании от прямого решения Нагорно-карабахского вопроса.

В случае, если протоколы все-таки были бы ратифицированы, то Турция значительно бы закрепила свое влияние в закавказском регионе, создав при этом полномасштабную региональную энергетико-транспортную сеть. Анкара, при положительном для себя сценарии, не только смогла бы обеспечить полный доступ к Каспию через территорию Армении, но и приобрести рычаги влияния на армянскую экономику. Однако, учитывая внешнеполитическую ориентацию Армянского государства в среднесрочной перспективе, такое развитие событий весьма маловероятно.

Неоосманская политика Турции на Южном Кавказе не просто смогла перезагрузить всю систему региональных взаимоотношений, но и согласовать свои стратегические подходы с мировыми державами, которые непосредственно связывают Кавказ со своими жизненными интересами. Так как многовекторное сотрудничество на глобальном уровне является таким же неотъемлемым элементом неоосманской политики, как и региональное взаимодействие.

На сегодняшний день Анкара использует механизмы политико-экономического сотрудничества широкого спектра с ключевыми игроками, оказывающими влияние на развитие региона – такими, как Иран и Россия. Такое положение, прежде всего, говорит о прагматичности турецкого руководства, ставя на передний план экономическую выгоду, путем использования «мягкой силы» и «реальной политики» ("Real Politics") нежели устоявшиеся стереотипы. К примеру, в 1994 году глава генерального штаба

Турции Д. Гюреш отмечал, что «Россия стала весьма серьезной угрозой для Турции. Еще большей, чем после войны», то в 2010 году такие страны, как Россия, Армения, Грузия, Иран, Греция и Сирия более не числились в основных нормативных документах в сфере национальной безопасности» [20].

Политика Турции на Кавказе также вызывает интерес для руководства Белого дома по причине того, что она напрямую затрагивает интересы Вашингтона в аспекте возможности использования Анкары в качестве проводника своей стратегии.

В период, когда назревало подписание Армяно-турецких протоколов, согласно мнению эксперта по проблемам Южного Кавказа Виктора Якубяна, главной задачей Вашингтона являлось обеспечение транзита военных грузов и оружия из Ирака через Турцию и Армению в Азербайджан – к Каспийскому побережью, а далее: обеспечение перевалочного пункта в Среднюю Азию как транзитного коридора в Афганистан [21]. В данном случае обеспечивались бы глобальные интересы Вашингтона (в том числе и прямой доступ к Каспию), а не просто региональные. То есть, говоря иными словами, США, по большому счету, прямо заинтересованы в результатах неоосманской политики. Однако утверждать, что американское правительство полностью устраивает кавказская тактика Турции пока не приходится.

С другой стороны, Вашингтону в некотором смысле не по нраву инициативность Анкары по восточному вектору, поскольку за начальный период нахождения у власти ПСР смогла наладить позитивные отношения с такими «государствами-изгоями», как Сирия и Иран. США неоднократно настаивали на проведения Турцией курса экономической блокады. Под ракурсом кавказской геостратегии, «претензии» американского правительства более всего коснулись турецко-иранских отношений, так как новая тактика ведения внешних сношений с соседними государствами Турции создала подобие координационной системы взаимоотношений с Ираном на Южном Кавказе. Но, при этом, не следует забывать, что само региональное соперничество ни в коем случае не утратила своей былой актуальности.

Несмотря на это, Турция на данный момент остается единственной ближневосточной державой, политический режим которой соответствует общим критериям американского регионального видения. Это, в свою очередь, означает, что страна, в которой синтезированы исламские и светские детерминанты идентичности для Вашингтона расценивается в качестве примера для остальных акторов региона.

Качественно новая стадия активизации политики Турции в Южном Кавказе в начале 2000-ых не могло не обеспокоить Россию, которая считает данную географическую точку зоной исключительного геополитического интереса. Большой интерес по данному вопросу вызывает исследование Джошуа Кучера динамики взаимоотношения России и Турции на Кавказе. Согласно его утверждениям, Российская Федерация за последнее время испытывает некий дискомфорт по отношению к турецкому неоосма-

низму, развернувшему культурно-экономическую экспансию на ее южных границах. Особое внимание с российской стороны уделяется тому обстоятельству, что большинство населения Северного Кавказа составляют мусульмане, которые могут быть подвергнуты воздействию радикальных исламских течений. И, несмотря на то, что перспективная угроза в большинстве случаев исходит от ваххабизма, Москва считает, что ввиду нестабильной и постоянно развивающейся ситуации, эстафету может перенять иная мусульманско-догматическая форма. При этом учитывается фактор наличия на территории Турции обширной диаспоры представителей народов Северного Кавказа [22]. Также на атмосфере двусторонних отношений сказывается противоположность позиций по сирийскому вопросу.

При всем этом, Россия и Турция являются довольно-таки серьезными экономическими партнерами. На нынешнем этапе Россия является вторым после Германии торговым партнером Турции, а Анкара – второй по значимости покупателем российского газа. Общая численность российских капиталовложений в турецкую экономику составляет около $1.57 млрд. а турецкие – $740 млн. [23]. В ноябре 2013 года в Санкт-Петербурге состоялось четвертое заседание Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ) под председательством президента России В.В. Путина и премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана, на котором была принята очередная «дорожная карта» развития всего комплекса российско-турецкого взаимодействия. На заседании было подтверждено намерение о необходимом увеличении товарооборота между двумя государствами до отметки в $100 млрд. к 2020 году [23].

Принимая во внимание вышесказанное, именно в силу конкретных факторов, Турция вынуждена проводить взвешенную и планомерную политику на Южном Кавказе, избегая прямой конфронтации с российской стороны. В противном случае – стратегические просчеты обещают быть чреватыми непоправимым ущербом для турецкой геостратегии.

Таким образом, следует отметить, что неоосманская доктрина в Закавказье, при всей своей прогрессивности и масштабности в общем плане, имеет ряд существенных ограничений, которые препятствуют достижению максимального результата в короткие сроки. Турции приходится лавировать между основными геополитическими центрами, объявляющими Кавказский регион зоной своих стратегических интересов. Исходя из всего вышесказанного, в заключение можно привести следующие выводы:

- приход к власти Партии справедливости и развития обозначил качественно новую фазу в развитии внешнеполитической активности Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе;
- неоосманская доктрина не выделяет идею пантюркизма в отдельную идеологему, а напротив – преподносит ее в качестве составного элемента единой единого геополитического видения Турции, которое, по сути, более не делит сферы своих стратегических интересов на «тюркские» и «нетюркские»;

- Турция кардинально пересмотрела свою позицию по отношению к тем странам, которые ранее идентифицировались не как иначе, чем вражеское государство, в пользу построения продуктивных политико-экономических отношений, свидетельствуя о прагматичности своей политики;
- современная политика Турции, несмотря на свою позитивную динамику, в аспекте достижения принципа «ноль проблем» с соседями не может предложить эффективной альтернативы разрешения конфликтных ситуаций в Закавказье в средне- и долгосрочной перспективе;
- лавирование между основными геополитическими центрами силами, чьи интересы пересекаются в странах Центральной Азии и Закавказья, позволяет Турецкой республике создавать благоприятную почву для налаживания продуктивной внешнеторговой и энергетической кооперации.

1. *Бахревский Е.* Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство //http://www.regnum.ru/news/analitics/1467970.html
2. *Murinson A.* The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy // Middle Eastern Studies. Vol. 42. № 6. 2006. PP. 945–964.
3. *Габер Е.В.* Политика Турции на Кавказе: регион упущенных возможностей // Туреччина у сучасному світі: пошук нової ідентичності: збірник статей та аналітичних матеріалів / О.О. Волович, М.О. Воротнюк, С.В. Габер. Одеса: фенікс, 2011. 408с.
4. Основные направления внешней политики Турции // http://delovayaturtsia.net/Content/Details/642-Основные+направления+внешней+политики+Турции
5. *Мирзеханов В.* Восприятие Россией политики Турции в Центральной Азии и перспективы российско-турецкого сотрудничества в регионе // http://histrf.ru/ru/uchenim/blogi/post-310
6. *Чумакин В.* Новый мировой энергетический порядок // http://www.12news.uz/news/2013/10/25/новый-мировой-энергетический-порядо/
7. *Кузьмина Е.М.* Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии: Научный доклад. М.: Интитут Экономики РАН, 2013. 58 с.
8. *Davutoglu A.* Turkey's Zero-Problems Foreign Policy // http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_oforeign_policy?page=full
9. Грузия парафировала Соглашение об ассоциации с ЕС // http://www.bbc.co.uk/ukrainian/rolling_news_russian/2013/11/131127_ru_n_georgia_ua.shtml
10. Еще одна страна приняла решение вступить в Таможенный союз // http://korrespondent.net/business/economics/1599303-eshche-odna-strana-prinyala-reshenie-vstupit-v-tamozhennyj-soyuz

11. *Илмаз Ш., Кылавуз М.Т.* Восстанавливая братские связи: турецко-азербайджанские отношения в сфере энергетики: аналитическая записка / PONARS Eurasia, № 240, сентябрь 2012. 5с.
12. Азербайджано-турецкие отношения в военной сфере продолжаются – Алиев // http://ria.ru/world/20091102/191689712.html
13. Sanamyan E.U. S. foreign aid, Turkey's Akhtamar ploy, looking for intelligence in Azerbaijan // http://yandunts.blogspot.com/2007/04/us-foreign-aid-turkeys-akhtamar-ploy.html
14. *Габер Е.* Политика Турции на Кавказе и Центральной Азии в постсоветский период // Центральная Азия и Кавказ. Т. 14, Вып. 3, 2011. СС. 159–170.
15. *Минасян С.* Грузия–Азербайджан–Турция: «тройственный союз» или «стратегическое партнерство»? // http://noev-kovcheg.ru/mag/2014-04/4365.html#ixzz32SnscEPD
16. Dış Ticaret İstatistikleri, Türkiye İstatistikKurumu // http://www.tuik.gov.tr
17. *Գեղամյան Վ.*, Հայ-թուրքականհարաբերությունների 2008–2010թթ. հետահայացամփոփում // http://www.noravank.am/arm/articles/detail.php?element_id=5338
18. Президент Турции приедет в Ереван за два часа до начала футбольного матча и отбудет сразу по окончанию игры // http://www.regnum.ru/news/1050930.html#ixzz2cL4xjmWK
19. 248 Декларация о независимости Армении от 23 августа 1990 года // http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2602&lang=arm&enc=utf8
20. Россия, Турция и Иран на Южном Кавказе: Соперничество или партнерство //http://www.central-eurasia.com/index/articles/?uid=356
21. 236 Эксперт: Зачем США лоббируют открытие армяно-турецкой границы? // http://www.regnum.ru/news/1152901.html;
22. *Kucera J.* Russia, Iran, Turkey, and the Caucasus //http://www.eurasianet.org/node/66732;
23. Российско-турецкие отношения в свете визита Р.Т. Эрдогана //http://www.riss.ru/analitika/2392-rossijsko-turetskie-otnosheniya-v-svete-vizita-premer-ministra-turtsii-r-t-erdogana#.U34r0_1_uZO

ՆՈՐ ՕՍՄԱՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԸ ԵՎ ԹՈՒՐՔԻԱՅԻ ԱՇԽԱՐՀԱՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՇԱՀԵՐԸ ԿՈՎԿԱՍՈՒՄ ԵՎ ԿԵՆՏՐՈՆԱԿԱՆ ԱՍԻԱՅՈՒՄ

Ամփոփում

Սույն հոդվածում ուսումնասիրված է՝ Կենտրոնական Ասիայի և Հարավային Կովկասի երկրների նկատմամբ Թուրքիայի արտաքին քաղաքականության ժամանակակից զարգացման դինամիկան: Քննվել է տվյալ քաղաքականության արդյունավետությունը իր զարգացման տեսանկյունից «Նորօսմանության» կամ «նեոօսմանիզմի» աշխարհառազմավարության շրջանակներում:

Կատարվել են հետևություններ՝ տարածաշրջանի երկրների նկատմամբ Թուրքիայի նոր արտաքին քաղաքականության արդյունավետության և հետագա ռազմավարական շահերի իրականացման հեռանկարների վերաբերյալ:

Հիմնաբառեր՝ Թուրքիա, Կենտրոնական Ասիա, Հարավային Կովկաս, նեոօսմանիզմ, արտաքին քաղաքականություն, Թուրքիայի աշխարհաքաղաքականություն:

THE DOCTRINE OF NEO-OSMANISM AND GEOPOLITICAL INTERESTS OF TURKEY IN CAUCASUS AND CENTRAL ASIA

Summary

The modern dynamics of Turkish foreign policy in relation to the states of Central Asia and South Caucasus is researched in this article. The effectiveness of this policy in terms of its evolution within the framework of geo-strategycaled "New Ottomanism" or "Neo-ottomanism" is examined. Basic conclusions about new foreign policy's course productiveness and future perspectives in relation to the regional countries are made.
Keywords: Turkey, Central Asia, South Caucasus, Neo-ottomanism, foreign policy, Turkey's geopolitics.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПА STARE DECISIS И ДОКТРИНЫ JURISPRUDENSE CONSTANTE В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ КАССАЦИОНОГО СУДА РА

Л.Г. Даллакян

Данная статья касается актуальных и проблемных вопросов судебной практики, анализируя и обобщая итоги проведенных в РА судебно-правовых реформ, обращаясь к проблемам соотношения принципа stare desises и доктрины jurisprudence constante в судебной практике РА.

Ключевые слова: судебно-правовые реформы, stare decisis, доктрина jurisprudence constante, обычное право, правовые позиции суда.

Данная статья касается актуальных и проблемных вопросов судебной практики, сложившейся по итогам осуществляемых в РА судебно-правовых реформ, в результате чего в судебной системе складывается противоречивая правовая ситуация, которая требует своего разрешения. Речь идет о проблемах теоретического и практического характера, касающихся соотношения принципа stare decisis (обязательности применения прецедента) и доктрины jurisprudence constante, согласно которым складываются определенные сегменты судебной практики в РА. Прежде, чем перейти к анализу проблем правоприменительной практики, изложим предисторию внедрения определенных правовых институтов в законодательное поле РА, а также вкратце приведем теоретические положения, разъясняющие природу институтов о которых пойдет речь.

Уже на втором этапе проводимых в РА судебно-правовых реформ, в докладах, представленных на Общем собрании судей РА 10 октября 2005 года, где обсуждались конституционные изменения, подчеркивалась необходимость *внедрения института судебного прецедента* в целях предсказуемости правосудия и поднятия авторитета судебной власти, и отмечалось, что положение Конституции о наделении Кассационного суда миссией по обеспечению единообразного применения закона откроет широкие возможности для применения в правовой системе РА данного института [1]. В защиту этого подхода выступили представители судейского корпуса – О. Манукян, А. Мкртумян, Э. Мурадян, Т. Саакян и др. Данная позиция сопровождалась соответствующими мероприятиями. В результате сотрудничества Кассационного суда, Британского центра Восток-Запад и Ассо-

циации американских юристов (ABA/CEELI) был разработано пособие «Право и учение судебного прецедента», которое было предназначено для ознакомления судей РА с институтом судебного прецедента и применения его в своей практике. Таким образом, внедрение института прецедента оказалось реальностью, обсуждался лишь вопрос о том, какая именно модель судебного прецедента будет введена в РА: англо-американская с принципом обязательности применения прецедента (stare decisis) или же европейская, не носящая строгого характера вертикального подчинения прецеденту, и где прецедентом становится общность судебных решений, т.е. судебная практика.

Согласно англо-американскому прецедентному праву судьи безусловно «связаны» имеющимися прецедентами вышестоящих судов и не вправе от них отклониться в силу принципа stare decisis (стоять на решенном). Именно в этом состоит вертикаль и «жесткий» характер английской доктрины прецедента [2]. Что же касается континентальной модели, то уточним, что под европейской моделью прецедента в основном понимается доктрина jurisprudence constante, представляющая из себя институт устоявшейся судебной практики, который является инструментом правотворчества судов стран континентального права. В этих странах решения высших судов являются убедительными прецедентами, создающими почву для дальнейшего формирования устойчивой и единообразной судебной практики [3]. Доктрина jurisprudence constante по сути представляет из себя правовое обыкновение. Так, если Кассационный суд Франции повторно принимает одно и то же решение в течение длительного периода, такая стабильная линия судебных решений (jurisprudence constante) приобретает статус обычного права и превращается в нормативный источник права [4]. В Греции и Дании во всех тех случаях, когда решениям высших судебных инстанций в течение длительного времени следуют все нижестоящие суды, рассматривающие дела не только с учетом этих решений, но и в соответствии с принципами справедливости, считается, что создается особая разновидность норм, однако не прецедентного права, *а обычного права* [5]. Существенным отличием данного континентального прецедента от англосаксонского является то, что последний может быть создан одним судебным решением, в то время как континентальный прецедент создается посредством целого ряда судебных решений, вследствие восприятия правовой позиции высших судов значительной частью юридического сообщества. Различие между jurisprudence constante и принципом stare decisis заключается в том, что если одно судебного решение может обеспечить достаточную основу stare decisis, то основой для jurisprudence constante может служит серия рассматриваемых случаев, когда единичное судебное решение еще не обеспечивает его обязательности, а может носить убеждающий характер.

Законодателем РА был избран первый вариант, который отразился в процессуальных кодексах РА и в Судебном Кодексе РА, который был создан на основе положений «Программы антикоррупционнных мер (страте-

гии) в судебной системе РА». В принятом 21 февраля 2007 года Судебном Кодексе РА, закрепившим концепцию судебно-правовых реформ, был установлен принцип stare desises, т.е. обязательности прецедента. Согласно ч. 4 ст. 15, при рассмотрении дела для суда обязательны обоснования (в том числе толкования закона) судебного акта Кассационного суда или Европейского Суда по правам человека, вынесенные по делу с идентичными фактическими обстоятельствами, за исключением тех случаев, когда последний, приведя веские доводы, обоснует, что они не приемлемы при данных фактических обстоятельствах

Однако в дальнейшем не обошлось без определенных проблем в правоприменительной практике, которые заключается в достаточно избирательном применении принципа stare decisis, со стороны самого Кассационного суда. Исследования показывают, что в ряде случаев Кассационный суд, установив своим толкованием новое понимание закона и приняв по сути прецедентообразующее решение, в последующем не уделяет должного внимания его внедрению в судебную систему и *не обеспечивает обязательности* своего толкования и правовых обоснований для нижестоящих судов. На подобное положение дел обращают внимание адвокаты, принося кассационные жалобы и приводя в качестве обоснования прецедент Кассационного суда и ссылаясь на его правовую позицию, однако сам Кассационный суд не принимает их жалобы к рассмотрению. В результате формируется судебная практика, противоречащая правовым позициям Кассационного суда, которые, согласно законодательству, должны иметь обязательный характер для нижестоящих инстанций.

Приведем один из примеров подобного подхода. Так, 31 октября 2008 года в решении по делу Аслана Аветисяна за номером ԱՎԴ/0022/06/08 Кассационный суд установил новые требования к обоснованиям применения такой меры пресечения как заключение под стражу, приведя в своем решении принципы, установленные практикой ЕСПЧ, и тем самым введя для внутринациональной правоприменительной практики новые основания. В частности, Кассационный суд установил новый институциональный порог оснований заключения под стражу, отметив, что основания для заключения под стражу, установленные ст. 135 УПК, не могут толковаться и применяться таким образом, что для обоснования судебного акта о продлении срока заключения было достаточным лишь формально привести или просто воспроизвести установленные ст. 135 УПК формулировки. Суд не должен ограничиваться простым изложением предусмотренных законом обоснований, а обязан применить более высокий стандарт мотивировки судебного акта, а именно: обосновать выводы фактическими обстоятельствами дела. В обратном случае, по мнению Кассационного суда, судебные гарантии правомерности ограничения конституционного права на личную неприкосновенность становятся иллюзорными.

Однако, тем не менее, после данного решения Кассационный суд возвращал жалобы, в которых поднимались подобные проблемы, отклоняясь от собственной правовой позиции по делу Асланяна. Так, в касса-

ционной жалобе по делу Севака Хачатряна от 16.10.2008 против решения Апелляционного суда от 18.09.08, адвокатом утверждалось, что судами первой и апелляционной инстанций необходимость заключения под стражу была обоснована лишь простой ссылкой на правовые формулировки ст. 135 и их простым воспроизведением, а в виде фактических обстоятельств было приведен такой аргумент, как строгость санкции. Схожая жалоба была принесена 22.12.2008 против решения Апелляционного суда от 22.12.2008. В кассационных жалобах содержались ссылки на вышеуказанный прецедент Кассационного суда по делу Аветисяна. Однако жалобы были возвращены. В другой, подобной, жалобе от 12.06.2009г. при решении апелляционного суда от 01/06/2009, вновь было указано, что решения суда о заключении под стражу не были мотивированы, суды удовлетворились лишь общими и шаблонными формулировками. Однако Кассационный суд в своем отказном решении на данную жалобу даже не касался вопроса о необходимости мотивировки принятых судом решений. В ответ на кассационную жалобу от 28.07.2009г., принесенную на решение Апелляционного суда от 15.07.2009г. по делу Артака Мусаэляна, а также на кассационную жалобу от 28.07.2009г., принесенную на решение Апелляционного суда от 15.07.2009 по делу Артура Акопяна, были приняты однотипные решения о возвращении кассационной жалобы. На утверждения, содержащиеся в жалобах о том, что необходимость взятия под стражу, излагались в судебных актах общими однотипными, шаблонными фразами, носящими формальный характер, Кассационный суд ответил следующей неопределенной формулировкой: «Кассационный суд находит, что Апелляционный суд принял решение о применении меры пресечения как заключение под стражу в соответствии и с соблюдением уголовно-процессуальных норм, устанавливающих данный порядок, и его решение является законным, обоснованным и мотивированным» [6].

В представленном Адвокатской палатой РА мониторинге прецедентов Кассационного суда по уголовным делам приведены и другие случаи подобного подхода Кассационного суда по целому ряду правовых вопросов[1]. Таким образом, в определенном ряде случаев Кассационный суд *не использует имеющийся у него законодательно закрепленный механизм* по

---

[1] Так, 10 апреля 2009 года Кассационный суд вынес постановление ՀՅՔՐԴ3/0106/01/08, которое носило беспрецедентный характер по важности своего значения, так как суд установил, что правовое регулирование, предусмотренное ч. 3 ст 138 УПК РА в части приостановления срока содержания лица под стражей на основании передачи обвинителем дела в суд, противоречит принципам законности содержания под стражей, закрепленных в ч. 1 ст. 5 Европейской Конвенции. Однако в целом ряде жалоб, которые были принесены после указанного постановления, Кассационный суд не коснулся поднятых в жалобе схожих вопросов, хотя они должны были бы получить свое разрешение в соответствии с его правовой позицией, изложенной в постановления ՀՅՔՐԴ3/0106/01/08.

последовательному внедрению в судебную практику собственных правовых позиций, а вернее: использует данный механизм достаточно избирательно.

Из всего вышеизложенного следует, что в определенных сегментах правоприменения практика Кассационного суда развивается *в соответствии со строгим принципом stare decisis* в отношении правовых позиций Кассационного суда, согласно смыслу ст. 15 Судебного кодекса, когда одно решение, а точнее: выраженная в нем правовая позиция становится источником судейского права, которому следуют и сам Кассационный суд и нижестоящие инстанции, *в отношении же других областей политика Кассационного суда развивается, согласно принципу jurisprudence constante,* т.е. континентальной разновидности прецедента, когда одно решение, содержащее в себе правовую позицию высшего суда еще не обеспечивает обязательного следования ему со стороны самого Кассационного и иных судов.

Однако подобное положение дел противоречит законодательству, в котором недвусмысленно указано на принцип обязательности прецедента, при этом не следует забывать, что ст. 15 Судебного кодекса обращена также и к Кассационному суду, а, следовательно, Кассационный суд сам должен следовать собственным правовым позициям, в обратном случае возникает неминуемая опасность нестабильности судебной практики и правовой неопределенности в судебной системе, что в результате и происходит. Речь не идет о том, что Кассационный суд, в принципе, не имеет права отклоняться от собственных правовых позиций, возможна ситуация, когда Кассационный суд может принять осознанное и мотивированное решение о смене своего правового подхода, как, например, в деле А. Могровян от 12.02.2010г., когда Кассационный суд, руководствуясь постановлением Конституционного суда ՍԴՈ-844 от 07.12.2009г., переформулировал свою правовую позицию и изложил ее в соответствии с позицией Конституционного суда. Мы имеем в виду ту, уже сложившуюся, практику, когда в целом ряде правовых вопросов Кассационный суд не считает нужным пресечь судебную практику, складывающуюся вопреки его однозначно заявленным правовым позициям. При этом, если он не демонстрирует собственным примером необходимой последовательности, и не считает себя связанными собственными правовыми позициями, что он практически делает, когда не принимает к своему рассмотрению или отказывает в удовлетворении кассационных жалоб, которые подаются на основании противоречия судебных актов правовым позициям Кассационного суда, то непонятно, каким образом Кассационный суд может настаивать на обязательности соблюдения его правовых позиций нижестоящими судами в других случаях,

Сложившаяся ситуация создает противоречия методологического и практического характера, которые не дают возможности разумной предсказуемости решений Кассационного суда. В результате, вместо того, чтобы служить источником единообразного толкования и применения права в

судебной системе, Кассационный суд служит источником правовой неопределенности.

Несколько отвлекаясь от действий Кассационного суда, напомним, что ряд юристов считают более гибким и демократическим именно jurisprudence constante, за счет того, что континентальный прецедент не навязывается «сверху, а возникает путем постепенного восприятия правовых позиций высших судов всеми остальными судами. В нашей судебной системе также наблюдалось определенное противодействие обязательности правовых позиций Кассационного суда со стороны судей нижестоящих судов, которые выступали против подобного «навязывания» и ограничения их права действовать по собственному убеждению. Так, д.ю.н., С.С. Аветисян, будучи в свое время судьей Апелляционного суда, признавал обязательность правовых позиций Кассационного суда только с определенными предварительными условиями, так как, по мнению автора решения Кассационного суда, могут быть ошибочными и противоречить Конституции и международным правовым актам. Для него остается неясным, почему в таких случаях судья не должен применять закон, а руководствоваться решением Кассационного суда вопреки своему правосознанию и закону. Тем самым, по мнению автора, нарушается принцип *подчинения судьи только конституции и закону.* Согласно С. Аветисяну, правоположения и толкования закона в судебном акте Кассационного суда подлежат применению для нижестоящих судов, только исходя из их внутреннего убеждения и с тем условием, что они не противоречат практике Европейского суда, Конституции РА, решениям Конституционного суда и законам [7]. Судья административного суда первой инстанции А. Погосян также считал, что положения ст. 15 судебного Кодекса ограничивают независимость суда и его право действовать по собственному убеждению. При этом, в отличие от С. Аветисяна, который связывал данную опасность с обязательностью решений Кассационного суда, Погосян предьявлял основные претензии к п. 3. ст. 15 Судебного кодекса и высказывал озабоченность в отношении того, что, согласно п. 3, судья в Республике Армения оказывается связанным многочисленными судебными актами, в том числе судов первой инстанции, среди которых могут быть необоснованные и незаконные решения. При этом, п. 4 той же статьи 15, т.е. связанность суда обязательной силой решений Кассационного суда не рассматривается автором как нечто ограничивающее независимость судей [8].

Так или иначе сложившаяся противоречивая правовая ситуация требует своего разрешения, необходимо окончательно определиться: будет ли правовая система РА развиваться в сторону обязательного прецедента или убеждающего прецедента по типу jurisprudence constante, так как правовая неопределенность в этом вопросе дестабилизирует всю судебную систему. Судя по тому, что, согласно программе судебно-правовых реформ на 2012–2016 годы, никаких изменений в отношении обязательности правовых позиций Кассационного суда, как необходимого механизма обеспечения единообразного применения закона, не намечается, законодатель данный

вопрос для себя решил. Следовательно, Кассационному суду необходимо сделать соответствующие выводы и приступить к своей непосредственной задаче по устранению противоречий в судебной практике посредством полноценного, а не избирательного применения имеющегося у него механизма по обеспечению единообразного толкования и применения закона.

1. *Մանուկյան Հ.,* Բարեփոխումների առանցքային դրույթները / Դատական իշխանություն, 2005, № 9–10(74–75), էջ 4–5; *Մկրտումյան Ա.,* Լայն հնարավորություններ դատական նախադեպի ներդրման համար / Դատական իշխանություն, 2005, № 9–10 (74–75), էջ 6–7; *Մուրադյան Է.,* Կապահովվի դատական իշխանության միասնականությունը / Դատական իշխանություն, 2005, № 9–10 (74–75), էջ 8–9; *Սահակյան Տ.,* Նախադեպը կդառնա իրավունքի աղբյուր / Դատական իշխանություն, 2005, № 9–10 (74–75), էջ 10–11:
2. *Кросс Р.* Прецедент в английском праве. М.: Изд-во «Юрид. лит», 1985. С. 65.
3. *Попов Ю.Ю.* Прецедентное право в контексте общеобязательности судебных решений. Форум права. 2010, №3. СС. 351–363 // http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2010_3/10pjjtup.pdf (дата обращения: 15.04.2012).
4. *Черкасова Е.В.* Роль понимания права в формировании прецедентной практики: Теоретико-правовое исследование: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.01. М., 2006.
5. *Антоненко Т.Ф., Навальный С.В.* Судебный прецедент как источник права // http://www.law.sfukras.ru/ data/kaff/iogp/.doc (дата обращения: 12.04.2012).
6. *Ղազարյան Ա., ՀՀ* վճռաբեկ դատարանի քրեական գործերով նախադեպերի մոնիթորինգ, 2010 // http://www.lex.am/events.php?n=135 (дата обращения: 10.02.2012).
7. *Аветисян С.С.* Судебная практика в системе современного правового регулирования Армении: состояние и проблемы модернизации / Դատական իշխանություն, 2007, № 5–6 (82–83), էջ 8; *Ավետիսյան Ս., ՀՀ* դատական համակարգի և քրեական դատավարության զարգացման հիմնախնդիրները, Եր., ՀՌՀ հրատ., 2010, էջ 45:
8. *Պողոսյան Ա., ՀՀ* դատական համակարգի գործունեության հետագա բարելավման գրավականներ: Օրենք և իրականություն, 2010, 1 (171), էջ 15:

STARE DECISIS ՍԿԶԲՈՒՆՔԻ ԵՎ JURESPRUDENCE CONSTANTE ԴՈԿՏՐԻՆԱՅԻ ՀԱՄԱԴՐՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸ ՀՀ ՎՃՌԱԲԵԿ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ՊՐԱԿՏԻԿԱՅՈՒՄ

Ամփոփում

Այս հոդվածը վերաբերում է դատական պրակտիկայի ընթացիկ և խնդրահարույց հարցերի, վերլուծում եւ ամփոփում է ՀՀ անցկացվող դատական բարեփոխումների արդյունքները՝ անդրանառնալով ՀՀ դատական պրակտիկայում stare desises սկզբունքի և jurisprudence constante դոկտրինայի հարաբերակցության խնդիրներին:

Հիմնաբառեր՝ դատաիրավական բարեփոխումներ, stare decisis, jurisprudence constante դոկտրին, սովորույթային իրավունք, դատարանի իրավական դիրքորոշում:

PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF THE PRINCIPLE OF STARE DECISIS AND THE DOCTRINE OF JURESPRUDENCE CONSTANTE IN THE JUDICIAL PRACTICE OF THE COURT OF CASSATION OF REPUBLIC OF ARMENIA

Summary

This article applies to current and problematic issues of judicial practice, analyzing and summarizing the results of the RA judicial reforms, addressing the problems of the relation of the principle of stare desises and doctrine of jurisprudence constante in the the judicial practice of the RA.

Keywords: judicial reforms, stare decisis, doctrine of jurisprudence constante, customary law, legal positions of the Court.

UTI POSSIDETIS JURIS ՍԿԶԲՈՒՆՔԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՈՒՄ

Ա.Տ. Մաղոյան

Հոդվածը նվիրված է *Uti possidetis juris* սկզբունքի հետազոտմանը ժամանակակից միջազգային իրավունքում: Մասնավորապես, հոդվածում քննարկվում է տվյալ սկզբունքի բովանդակությունը և իրավական նշանակությունը, ուսումնասիրվում է համապատասխան միջազգային պրակտիկան և դատական նախադեպերը, հետազոտվում է տվյալ սկզբունքի և ժամանակակից աշխարհում տարածքային փոփոխությունների միջև առկա կապը:

Հիմնաբառեր՝ *Uti possidetis juris* սկզբունք, միջազգային իրավունք, տարածքային փոփոխություններ, անկախության հռչակում, Լատինական Ամերիկա XIX դար, Աֆրիկա, Բաղինտեր հանձնաժողով, Միջազգային դատարան, Բուրկինա Ֆասոն ընդդեմ Մալիի Հանրապետության:

Միջազգային իրավունքի առաջընթաց զարգացման և ինքնորոշման իրավունքի կայացման հետ մեկտեղ առաջացավմի նոր հիմնախնդիր՝ պետություններիտրոհման դեպքում տարածքների նկատմամբ տիտղոսի վերաբաշխումը նոր կայացած պետությունների միջև: Լատինական Ամերիկայի և Աֆրիկայի պետություններըփոխադարձ համաձայնությամբ էին լուծում այս հիմնախնդիրը՝ նախկին տերության վարչական սահմանները նոր պետությունների միջազգային սահմանների վերածելու միջոցով: Տարածքի նկատմամբ տիտղոսի տեսանկյունից սա նշանակում էր, որ նորանկախ պետությունները տիտղոս էին ձեռք բերում նախկին վարչական միավորների տարածքի նկատմամբ: Այս պրակտիկան ստացավ *uti possidetis juris* անվանումը [1]:

Խնդիրը այստեղ,իհարկե, ոչ այնքան տվյալ սկզբունքի բովանդակության մեջ է, որքան ժամանակակից պայմաններում այդ սկզբունքի իրավական արժեքի և կիրառելիության ոլորտների: Մի շարք հեղինակներ, մասնավորապես, պնդում են, որ խնդրո առարկա սկզբունքը տարածքային ամբողջականության սկզբունքի տրամաբանական շարունակությունն է և, հետևաբար, ունի ունիվերսալ միջազգային իրավական նշանակություն. մոտեցում, որը դարձել է նաև քաղաքական շահարկումների առարկա [2]: Մի խումբ այլ հեղինակներ, ընդհակա-

ռակը, հիմնավորում են, որ uti possidetis-ը երբևիցե չի կայացել որպես միջազգային իրավունքի սկզբունք անգամ Լատինական Ամերիկայի համատեքստում, քանի որ զուրկ է եղել իրավական որոշակիությունից, և որ, հետևաբար, առանց կողմերի համաձայնության չի կարող կիրառվել Լատինական Ամերիկայից դուրս [3]:

Հաշվի առնելով վերոգրյալը՝ այն հիմնական հարցերը որոնց կփորձենք անդրադառնալ երկուսն են.

1) հանդիսանում է արդյո՞ք uti possidetis juris սկզբունքը զուտ միջազգային քաղաքական սկզբունք (այսինքն գործում է այնքանով, որքանով դրա գործողությանը տվել են իրենց համաձայնությունը շահագրգիռ պետությունները), թե արդյո՞ք այն հանդիսանում է ընդհանուր միջազային իրավունքի բաղկացուցիչ մաս և, հետևաբար, կաշկանդում է միջազգային իրավունքի սուբյեկտներին, անկախ նրանից՝ տալիս են վերջիններս իրենց համաձայնությունը, թե ոչ,
2) եթե uti possidetis սկզբունքը հանդիսանում է ընդհանուր միջազգային իրավունքի բաղկացուցիչ մաս, ապա այն միայն գործում է ապազաղութացման համատեքստում, թե ընդհանրապես բոլոր այն դեպքերում, երբ առաջանում են նոր պետություններ:

Սակայն մինչ այս հարցադրումներին պատասխանելը, անդրադառնանք uti possidetis սկզբունքի ձևավորման և զարգացման պատմությանը: Խնդրո առարկա սկզբունքի առավել վաղ տարբերակը ծագելտ է հռոմեական իրավունքից, որի շրջանակներում գործում էր այսպես կոչված uti possidetis ita possidetis (լատիներեն՝ինչպես տիրապետել ես, այնպես էլ տիրապետի) սկզբունքը: Խնդրո առարկա սկզբունքն օգտագործվում էր հողային վեճերի կարգավորման ընթացքում. Վերջինիս բովանդակությունը կայանում էր նրանում, որ երկու և ավելի սուբյեկտների միջև հողային վեճի առաջացման պարագայում հողի նկատմամբ վերահսկողությունը, ընդհուպ մինչև վեճի վերջնական կարգավորումը, մնում էր այն անձի մոտ, ով վերահսկում էր տարածքը նախքան վեճի առաջացումը: Այստեղից էլ հենց սկզբունքի անվանումը՝ «ինչպես տիրապետել ես, այնպես էլ տիրապետի»: Այսինքն՝ ժամանակավոր և օժանդակ բնույթը հռոմեական իրավունքում հանդիսանում էին uti possidetis ita possidetis սկզբունքի ելակետային հատկանիշները [4]. այն չէր հանդիսանում ipso facto (փաստի ուժով) վեճերի կարգավորման կանոն, այլ միայն ընթացակարգային միջոց, որը սառեցնում էր գոյություն ունեցող վիճակը մինչև վեճի վերջնական կարգավորումը՝ ապահովելով որոշակիություն վեճի կարգավորման ընթացքում:

Միջազգային հարաբերություններում վերոհիշյալ սկզբունքը սկսել է կիրառվել Լատինական Ամերիկայում XIXդ. սկզբին, երբ սկսվեց այստարածաշրջանի պետությունների անկախության հռչակման գործընթացը՝ Իսպանիայից և Պորտուգալիայից: Հաշվի առնելով այն հանգամանքը, որ վերջիններս հեշտությամբ չէին համակերպվում տարածքային կորուստների հետ [4] և արյունալի պատերազմներ էին մղում տեղի նորանկախ պետությունների դեմ՝ Լատինական Ամերիկայի պետությունները կայացրեցին քաղաքական որոշում՝սառեցնել բոլոր գոյություն ունեցող տարածքային վեճերը միմյանց միջև և կենտրոնանալ ընդհանուր հակառակորդի՝ գաղութարար պետությունների դեմ պայքարի վրա [5]: Այս տարածքային վեճերի ժամանակավոր սառեցումն էլ հենց հայտնի դարձավ միջազգային հարաբերություններում որպես uti possidetis սկզբունք: Ակնհայտ է, որ ինչպես և հռոմեական իրավունքում, տվյալ սկզբունքը հանդիսանում էր միայն փաստացի իրավիճակի ժամանակավոր սառեցման միջոց և առաջնային նպատակի՝ անկախացման գործընթացի երաշխիք: Եվ, որ ամենակարևորն է՝ այն գործում էր միայն կողմերի ընդհանուր համաձայնությամբ:

Լատինական Ամերիկայի պետությունների օրինակին հետևեցին նաև Աֆրիկյան պետությունները՝ կրկին փոխադարձ համաձայնության հիման վրա: Այսպես՝ 1964թ. Աֆրիկյան միության կազմակերպության առաջին ասամբլեայի (կոնֆերանսի) ժամանակ ընդունվեց այսպես կոչված «Աֆրիկյան պետությունների սահմանային վեճեր» բանաձևը, որը նույնպես արձանագրում էր uti possidetis սկզբունքը՝ նշելով, որ Միության բոլոր անդամ պետությունները «պարտավորվում են հարգել սահմանները, որոնք գոյություն ունեն անկախության ձեռքբերման պահին» [6]: Սակայն աֆրիկյան պետությունների ակնհայտ քաղաքական (այլ ոչ թե իրավական, այն է՝ երևույթը չէր ընկալվում որպես պարտավորություն) դիրքորոշումն առավել քան բացահայտ էր:

Այսպես՝ վերոհիշյալ բանաձևից ընդամենը վեց տարի առաջ՝ 1958թ. Աքքրայում (Գանա) Աֆրիկյան ժողովուրդների կոնֆերանսի կողմից ընդունվել էր «Սահմանների և դաշնությունների վերաբերյալ» բանաձևը (Resolution on Frontiers, Boundaries and Federations), որի համաձայն Կոնֆերանսը.

«... ա) հրաժարվում է իմպերիալիստական ուժերի կողմից գծված արհեստական սահմաններից, որոնց նպատակն է բաժանել Աֆրիկայի ժողովուրդներին. հատկապես այն սահմաններից, որոնք բաժանում են էթնիկ խմբերը և տրոհում են ժողովուրդներին,

բ) կոչ է անում վերանայել վերոնշյալ սահմանները հնարավորինս վաղ ժամկետներում,

գ) կոչ է անում Աֆրիկայի պետություններին աջակցելու այս հիմնախնդրիհետագա լուծումըգտնելուն, որը հիմնված կլինի ժողովուրդների կամքի վրա» [7]:

Կարո՞ղ էր արդյոք պետությունների դիրքորոշումը ենթարկվել նման էական փոփոխության, որի արդյունքում «իմպերիալիստական» որակվող սահմանները, որոնք ընկալվում էին որպես մերժելի և անցանկալի իրողություն, միայն վեց տարի անց դիտարկվեին որպես միջազգային-իրավական իրողություն և ամրապնդվեին համապարտադիր միջազգային իրավունքի սկզբունքի ուժով: Բնականաբար՝ ոչ. Սահմանների պահպանումն այս պետությունների համար միայն քաղաքական իրողություն էր, կոնսենսուս [8]՝ «հիմնված ... ժողովուրդների կամքի վրա», այնպես ինչպես դա հստակ ամրագրում էր «Սահմանների և դաշնությունների վերաբերյալ» բանաձևը:

Չնայած կիրառման ոլորտի այս ակնհայտ սահմանափակումներին, XX դ. վերջին տասնամյակում Խորհրդային Միության և Խորհրդային Հարավսլավիայի տրոհումից հետո սկսեց տարածում ստանալ այն գաղափարը, որ uti possidetis սկզբունքը կարող է և պետք է կիրառվի նաև ապագաղութացման համատեքստից դուրս՝ դառնալով տարածքի նկատմամբ տիտղոսի ձեռքբերման հիմք բոլոր այն դեպքերում, երբ նոր պետություններն առաջանում են մայր պետության տրոհման («դեվոլուցիայի») արդյունքում: Առաջին անգամ նման դիտարկումն արվել է Եվրոպական ընկերակցությունների կողմից հիմնադրված, այսպես կոչված, արբիտրաժային հանձնաժողովի կողմից («Բադինտերի հանձնաժողով»): Այս հանձնաժողովի կողմից ընդունված որոշումների համաձայն uti possidetis սկզբունքը պետք է կիրառվի պետականության հիմնադրման բոլոր դեպքերում [9]: Խնդրո առարկա մոտեցումը լայն տարածում գտավ նաև միջազգային իրավունքի տեսությունում, մասնավորապես այնպիսի հեղինակավոր մասնագետների աշխատություններում, ինչպիսին են Անտոնիո Կասսեզեն [10] կամ Մելկոլմ Շոուն [11]:

Սակայն կրկին անգամ դիտարկելով տվյալ հանձնաժողովի կարծիքները միջազգային իրավունքի դասական աղբյուրների հարթությունում՝ համոզվում ենք, որ այն դժվար է որակել միջազգային իրավունքի աղբյուր: Բադինտեր հանձնաժողովը միջազգային արբիտրաժ չէր այդ բառի բուն իմաստով և նպատակ չէր հետապնդում լուծելու վեճեր և առավելևս հիմնադրված չէր վիճող կողմերի փոխադարձ համաձայնությամբ, մինչդեռ վեճերի լուծումը և վիճաբանող կողմերի կողմից հիմնադրված լինելը միջազգային արբիտրաժի անօտարելի կումուլյատիվ տարրերն են [12]: Փոխարենը, այս հանձնաժողովը հիմնադրված էր խորհրդատվական եզրակացություններ տալու նպատակով Եվրոպա-

կան ընկերակցությունների անդամ պետություններին, որոնք հենց հիմնադրել էին հանձնաժողովը՝ բալկանյան պետությունների հետ վարվող արտաքին քաղաքականության ոլորտում իրավական հստակեցում մտցնելու նպատակով:

Հանձնաժողովի կարծիքները դժվար է որակել նաև որպես միջազգային իրավունքի հեղինակավոր մասնագետների կարծիք, քանի որ վերջինիս կազմի մեջ մտնում էին սահմանադրական իրավունքի, այլ ոչ թե միջազգային իրավունքի մասնագետներ (Ֆրանսիայի, Իսպանիայի, Իտալիայի, Գերմանիայի և Բելգիայի սահմանադրաիրավական գործառույթ իրականացնող դատարանների նախագահները): Ավելին՝ հնարավոր չէ գտնել վերջիններիս կողմից միասին (ինչպես նաև այլ անձանց հետ համահեղինակությամբ) կամ առանձին հրապարակած միջազգային իրավունքի ոլորտում արժեքավոր և հիշարժան որևէ աշխատություն:

Սակայն Բադինտեր հանձնաժողովի կարծիքների միջազգային իրավունքի աղբյուր չհանդիսանալն ինքնին դեռևս չի նշանակում, որ դրանք զուրկ էին իրավական հիմնավորվածությունից, ուստի անդրադառնանք նաև դրանց բովանդակությանը:

Խոսելով uti possidetis սկզբունքի ունիվերսալ բնույթի մասին՝ Բադինտեր հանձնաժողովը վկայակոչում է ՄԱԿ-ի Միջազգային դատարանի կողմից քննված Բուրկինա Ֆասոն ընդդեմ Մալիի Հանրապետության գործով կայացրած վճիռը: Այդ վճռում, մասնավորապես, Միջազգային դատարանը նշել է. «Սույն սկզբունքը չի հանդիսանում հատուկ նորմ, որը կպատկանի միայն միջազգային իրավունքի մեկ համակարգի: Այն հանդիսանում է համընդհանուր սկզբունք, որը տրամաբանորեն փոխկապված է անկախության ձեռքբերման երևույթի հետ, անկախ նրանից, թե որտեղ է այն տեղի ունենում: Վերջինիս բացահայտ նպատակն է նոր պետությունների անկախության և կայունության պաշտպանությունը եղբայրասպան պատերազմների վտանգից» [13]:

Այս դատողությունը, ըստ Բադինտեր հանձնաժողովի, խոսում է նրա մասին, որ uti possidetis սկզբունքը պետք է կիրառվի ոչ միայն ապագաղութացման համատեքստում (որը հանդիսանում է Միջազգային դատարանի կողմից վկայակոչված համակարգերից մեկը), այլ նաև դաշնային պետությունների տրոհման համատեքստում (պետականության առաջացման մեկ այլ համակարգ):

Սակայն, արդյո՞ք Միջազգային դատարանը օգտագործում էր «համակարգ» եզրույթը՝ ի նկատի ունենալով ապագաղութացումը ընդհանրապես և, փորձելով ընդարձակել uti possidetis սկզբունքի –կիրա-

ռումը: Միջազգային դատարանի փորձի ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ այն հազվադեպ է տալիս ավելի լայն մեկնաբանություններ և ավելի ընդարձակ վերլուծություններ, քաննրա առջև դրված հարցադրումներն են: Ավելին՝ Միջազգային դատարանը բազմիցս է քննադատվել իր սահմանափակ վերլուծությունների համար:

Այսպես օրինակ՝ Կոսովոյի անկախության վերաբերյալ իր խորհրդատվական եզրակացությունում Միջազգային դատարանը հնարավորություն ուներ պարզաբանել ինքնորոշման իրավունքի իրացման առանձնահատկությունները, սակայն սահմանափակվեց միայն այն դիտարկումով, որ անկախության հռչակագրերը չեն կարգավորվում միջազգային իրավունքի կողմից [14]: Համանման կերպ՝ Մակեդոնիայի Նախկին Հարավսլավական Հանրապետության և Հունաստանի միջև գործում կողմերը վիճարկում էին միջազգային իրավունքի մի վիճահարույց ինստիտուտի՝ exeptio non adimpleti contractus-ի որպես պատասխանատվությունը բացառող հանգամանքիգոյության փաստը: Վերջինս ըստ մի խումբ հեղինակների պնդման հնարավորություն է տալիս պայմանագրի կողմին խախտել իր պայմանագրային պարտավորություններն ի պատասխան մյուս կողմի թույլ տված խախտումների՝ առանց դադարեցնելու պայմանագրի գործողությունը: Սակայն տվյալ ինստիտուտի գոյության փաստին անդրադառնալու փոխարեն, Միջազգային դատարանը պարզապես հերքեց պայմանագրի նախնական խախտման փաստը, որը հնարավորությունը կտար մյուս կողմին վկայակոչել խնդրո առարկա պատասխանատվությունը բացառող հանգամանքը, և չանդրադարձավ նշված սկզբունքի միջազգային իրավունքում կայացած լինելու հարցին [15]:

Նման օրինակները բազմաթիվ են և խոսում են նրա մասին, որ Միջազգային դատարանը երբևիցե իր վերլուծություններում դուրս չի գալիս իր առջև դրված հարցի շրջանակներից, և հետևաբար վերջինիս որոշումները չեն կարող ենթարկվել լայն մեկնաբանության: Այս տեսանկյունից պետք է նշել, որ Բուրկինա Ֆասոն ընդդեմ Մալիի գործն ուներ շատ սահմանափակ համատեքստ, քանի որ վերաբերվում էր հենց ապազաղութացման համատեքստում uti possidetis սկզբունքի կիրառմանը, որին հենց իրենց հատուկ համաձայնագրում հղում են անում վեճի կողմերը:

Դատարանի որոշման տեքստի առավել մանրամասն ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ «համակարգ» ասելով այն ի նկատի ուներ ոչ թե ապազաղութացումն ընդհանրապես, այլ ապազաղութացումը Լատինական Ամերիկայում և ապազաղութացումը Աֆրիկայում՝ որպես իրարից տարբեր իրավական համակարգեր: Ուստի Միջազգա-

յին դատարանն ի նկատի ուներ, որ uti possidetis սկզբունքը կիրառվում է ոչ միայն Լատինական Ամերիկայի ապազաղութացման համատեքստում, այլ նաև Աֆրիկայի ապազաղութացման ընթացքում: Այս դիտարկումն ավելի է հիմնավորվում, երբ ուսումնասիրում ենք Դատարանի վերլուծությունը մյուս պարագրաֆների հետ համատեքստում: Այսպես՝ հիշատակված դրվագից առաջ Դատարանը նշում է. «Թեև տվյալ գործի համատեքստում կարիք չկա ապացուցելու, որ ապազաղութացման դեպքերում այն հանդիսանում է միջազգային իրավունքի կայացած սկզբունք, Պալատը համենայն դեպս ցանկություն է հայտնում ընդգծելու վերջինիս ընդհանուր գծերը՝ հաշվի առնելով նրա հատուկ նշանակությունը աֆրիկյան մայրցամաքի և երկու կողմերի համար: Այս տեսանկյունից պետք է ընդգծել, որ uti possidetis սկզբունքն առաջին անգամ կիրառվել է Իսպանական Ամերիկայում, քանի որ այն առաջին մայրցամաքն էր, որը դարձավ ապազաղութացման երևույթի ականատեսը, երբտեղի ունեցավմի շարք նոր ինքնիշխան պետությունների կայացումը նախկինում մեկ պետությանը պատկանող տարածքի վրա» [16]:

Այս դիտարկման արդյունքում Դատարանի եզրակացությունը դառնում է առավել հասկանալի. uti possidetis սկզբունքը ոչ թե տարածաշրջանային է, այլ կազմում է ընդհանուր միջազգային իրավունքի բաղկացուցիչ մաս և հետևաբար կիրառվում է ապազաղութացման միջոցով նոր պետությունների առաջացման բոլոր դեպքերում «անկախ նրանից, թե որտեղ է այն տեղի ունենում» [17]:

Համատեքստից դուրս Դատարանի խոսքերը կարող են մեկնաբանվել այնպես, ինչպես դա արել է Բադինտեր հանձնաժողովը, սակայն համատեքստում, միաժամանակ հաշվի առնելով Դատարանի լայն մեկնաբանություններից խուսափելու քաղաքականությունը, որոշման իրական իմաստը դառնում է ակնհայտ և բացահայտ. Դատարանը խոսում է միայն ապազաղութացման շրջանակներում uti possidetis սկզբունքի կիրառման մասին, իսկ Բադինտեր հանձնաժողովի վերլուծությունը սխալ է: Սա սակայն, տվյալ սկզբունքի ունիվերսալության վերաբերյալ դատողության միակ թերի կողմը չէ:

Թերևս uti possidetis juris սկզբունքի հիմնական խնդիրը վերջինիս գործողության տրամաբանության մեջ է, որն ակնհայտորեն հակասում միջազգային իրավունքի բուն էությանը: Այսպես uti possidetis juris սկզբունքը (այնպես ինչպես այն ընկալվում է, օրինակ, Բադինտեր հանձնաժողովի կողմից) «հավերժացնում» է պետությունների վարչական սահմանները՝ վերածելով դրանք միջազգային սահմանների: Այլ խոսքերով, այս սկզբունքը փորձում է չափազանց լուրջ միջազգային

իրավական հետևանքներ ստեղծել պետությունների ներպետական ակտերի համար, քանի որ վարչական սահմանները ոչ այլ ինչ են, քան հենց ներպետական ակտի կողմից ստեղծած իրողություն: Հաստատվեն նման սահմանները պետության միապետի որոշումների հիման վրա, օրենքների, սահմանադրության, թե իշխող կուսակցության որոշման հիման վրա (ինչպես օրինակ խորհրդային պետության պարագայում), միջազգային իրավունքի տեսանկյունից դրանք բոլորը որակվում են որպես ներպետական ակտի միջոցով ստեղծված իրողություն [18]: Իսկ միջազգային իրավունքի դիրքորոշումը ներպետական ակտերի նկատմամբ շատ հստակ է՝ դրանք լինելով պետության միակողմանի ակտեր, չեն կարող ունենալ բացարձակ իրավական արժեք կամ նշանակություն միջազգային իրավունքի տեսանկյունից:

Այս սկզբունքի տարբեր դրսևորումներ հստակ ամրագրված են բազմաթիվ միջազգային դատական որոշումներում, միջազգային փաստաթղթերում և միջազգային իրավունքի տեսությունում: Այսպես՝ Պայմանագրերի իրավունքի մասին Վիեննայի կոնվենցիայի 27-րդ հոդվածն ամրագրում է. «Անդամ պետությունը չի կարող վկայակոչել իր ներպետական իրավունքի դրույթները որպես պայմանագրային պարտավորությունները չկատարելու արդարացում» [19]: Միջազգային իրավունքի դասականներից Ջ. Ֆիցմորիսի հաագյան դասախոսությունների տպագիր տեքստում կարդում ենք. «պետությունը, որը սեփական ներպետական օրենսդրությունը համաձայնության չի բերել իր միջազգային պարտավորությունների հետ, չի կարող վկայակոչել այդ փաստը ի արդարացում վարքագծի, որը չի համապատասխանում իր միջազգային պարտավորություններին» [20]:

Հստակ և աներկբա է նաև սկզբունքի վերլուծությունը միջազգային դատական պրակտիկայում: Դեռևս Հունա-բուլղարական համայնքների վերաբերյալ խորհրդատվական եզրակացությունում Միջազգային արդարադատության մշտական պալատը, անդրադառնալով ներպետական իրավունքի նկատմամբ միջազգային իրավունքի գերակայության հիմնահարցին, նշում է, որ խնդրո առարկա «սկզբունքն այնքան լավ ճանաչված և ընդունված է միջազգային հանրության կողմից, որ անգամ չկա անհրաժեշտություն ներկայացնելու հղումներ և նախադեպեր վերջինիս կիրառման վերաբերյալ» [21]:

Հաշվի առնելով վերոգրյալը՝ uti possidetis juris սկզբունքի բովանդակային թերությունները դառնում են բացահայտ: Սահմանելով ներպետական ակտերի միջոցով հաստատված սահմանների շարունակականությունը միջազգային հարաբերություններում՝ այն ըստ էության հակասում է միջազգային իրավունքի հիմնարար սկզբունքներից մե-

կին, որը հստակ ջրբաժան է անցկացնում ներպետականի և միջազգայինի միջև: Այսպիսով՝ այս հանգամանքի ուժով uti possidetis juris սկզբունքը հակասում է միջազգային իրավունքի բուն տրամաբանությանը: Սա իհարկե չի նշանակում, որ այն չի կարող երբևիցե կիրառվել: Այն կարող է կիրառվել այնքանով, որքանով առկա է բոլոր առնչվող կողմերի կամաարտահայտությունը: Հակառակ պարագայում, վերջինիս դիտարկումը որպես ընդհանուր միջազգային իրավունքի բաղկացուցիչ մաս և վերջինիս պարտադրումը նորանկախ պետություններին՝ առանց այդ պետությունների հստակ համաձայնության չի կարող արդարացված լինել:

Ուստի մեր առաջին հարցադրման պատասխանը հստակ է uti possidetis սկզբունքը հանդիսանում է զուտ քաղաքական մոտեցում և չի պատկանում ընդհանուր միջազգային իրավունքի նորմերի թվին: Լատինական Ամերիկայում և Աֆրիկայում այն բարձրացել է տարածաշրջանային սովորույթի մակարդակի [22], սակայն այդ մակարդակին այն հասել է այնքանով, որքանով պետություններն են տվել իրենց համաձայնությունը և իրենց պրակտիկայով ընդգծել դրա կարևորությունն ու առաջնայինությունը իրենց փոխադարձ հարաբերություններում: Իսկ այս սկզբունքի ընդհանուր միջազգային իրավունքի բաղկացուցիչ մաս կազմելու վերաբերյալ խոսակցություններն ու պնդումները որևէ հստակ հիմնավորում չունեն:

Սույն հոդվածում բարձրացված երկրորդ հարցի պատասխանը մենք կփորցենք կառուցելarguendo կանխավարկածի վրա, որ uti possidetis սկզբունքն իրոք հանդիսանում է ընդհանուր միջազգային իրավունքի բաղկացուցիչ մաս, և միակ խնդիրը վերջինիս գործողության ոլորտի որոշակիացումն է: Ինչպես արդեն նշվեց Բադինտեր հանձնաժողովը և միջազգային իրավունքի մի շարք մասնագետներ գտնում են, որ խնդրո առարկա սկզբունքը կիրառվում է բոլոր այն դեպքերում, երբ առաջանում են նոր պետություններ՝ լինի դա ապագաղութացում, սեցեսիա, թե դեվոլուցիա:

Իսկ որքա՞նով է այս մոտեցումը համահունչ միջազգային դատական պրակտիկային: ՄԱԿ-ի Միջազգային դատարանում uti possidetis սկզբունքի մանրամասն վերլուծություն իրականացվել է երկու դատական գործերի շրջանակներում՝ արդեն հիշատակված Բուրկինա Ֆասոյի և Մալիի Հանրապետության միջև սահմանային վեճի վերաբերյալ գործի [23] և Բուրկինա Ֆասոյի և Նիգերի միջև սահմանային վեճի վերաբերյալ գործի [24]: Հատկանշական է, որ այս երկու դատական գործերում էլ (որոնք պետք է նշել, որ Միջազգային դատարան են բերվել կողմերի հատուկ համաձայնագրի հիման վրա, այսինքն՝

կողմերի կամ արտահայտության արդյունք էին) թե՛ վիճաբանող պետությունները, թե՛ Դատարանը անվանում են uti possidetis սկզբունքը նաև «գաղութային ժամանակաշրջանից ժառանգած սահմանների անքակտելիության սկզբունք» [24]: Այսինքն, Միջազգային դատարանի բնորոշման մեջ բացակայում է որևէ դրույթ կամ ձևակերպում, որը թույլ կտա ենթադրել, թե ըստ Դատարանի խնդրո առարկա սկզբունքը կարող է պարտադրվել պետություններին ապագաղութացման համատեքստից դուրս:

Այսպիսով uti possidetis juris սկզբունքը չի կարող դիտարկվել որպես միջազգային իրավունքի համապարտադիր սկզբունք, որը պետք է կիրառվի պետականության առաջացման բոլոր դեպքերում, քանի որ վերջինիս գործողության տրամաբանությունըկարող է ակնհայտորեն հակասել միջազգային իրավունքի բուն էությանը, լուրջ միջազգային իրավական հետևանքներ ստեղծելով պետությունների ներպետական ակտերի համար և դրանով իսկ «հավերժացնելով» պետությունների վարչական սահմանները՝ վերածելով դրանք միջազգային սահմանների: Ինչ վերաբերում է սկզբունքը վկայակոչող միջազգային դատական որոշումներին, ապա դրանց վերլուծությունը ցույց է տալիս, որայն ունեցել է և ունի սահմանափակ կիրառման համատեքստ՝ ապագաղութացումը և կարող է կիրառվել միայն բոլոր շահագրգիռ կողմերի փոխադարձ համաձայնությամբ:

1. Affaire des frontières colombo-vénézuéliennes [1922] // United Nations Report of International Arbitral Awards. Vol. 1 (1948). PP. 228–229:
2. *Shaw M.* Peoples, Territorialism and Boundaries // European Journal of International Law, vol. 3 (1997). PP. 492–494:
3. *Waldock C.H.M.* Disputed Sovereignty in the Falkland Islands Dependencies // British Year Book of International Law. Vol. 25 (1948). PP. 325–326: Ըստ Ուալդոքի, անգամ Լատինական Ամերիկայի համատեքստում հստակ կայացած չէ, թե արդյոք uti possidetis սկզբունքի կիրառման ընթացքում խոսքը de facto տարածքային սահմանների ժառանգման մասին է, թե de jureսահմանների: Այս անորոշությունը և իրավական որոշակիության բացակայությունը, ըստ նրա, հակասում են իրավունքի սկզբունքներին ներկայացվող չափանիշներին:
4. *Ratner S.* Drawing a Better Line: Uti Possidetis and the Borders of New States // American Journal of International Law. Vol. 90 (1996). P. 593.
5. *Lalond S.* Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of Uti Possidetis. McGillQueen'sUniversityPress, Montreal&Kingston-London-Ithaca, 2002. P. 28.
6. Border Disputes among African States, AHG/Res. 16(1) (1964), para. 2.
7. *Bassey C. & Oshita O.* Governance and Border Security in Africa, Malthouse Press Limited, Calabar, Nigeria (2010). P. 96:

8. *Mc. Whinney E.* Self-Determination of Peoples and Plural-Ethnic States: Secession and State Succession and the Alternative, Federal Option // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 294 (2002). P. 231.
9. Conference on Yugoslavia Arbitration Commission: Opinions on Questions Arising from the Dissolution of Yugoslavia, Opinion № 3 // International Legal Materials. Vol. 31 (1992). P. 1500.
10. *Cassese A.* Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge University Press, 1995. PP. 257–273.
11. *Shaw M.N.* The Heritage of States: The Principle ofUti Possidetis Juris Today // British Year Book of International Law. Vol. 67 (1996).
12. Միջազգային արբիտրաժի բնորոշման համար տե՛ս Schlochauer H-J., Arbitration // Encyclopedia of Public International Law, Vol. 1: Settlement of Disputes, North-Holland Publishing Company, Amsterdam, New York, 1981. PP. 13–28:
13. Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali)// International Court of Justice Reports 554 (1986). P. 565, § 20:
14. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion// International Court of Justice Reports 403 (2010). P. 438, § 83:
15. Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (the Former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece) // International Court of Justice Reports 644 (2011). PP. 690–691, § 161:
16. Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali) // International Court of Justice Reports 554 (1986). P. 565, § 20:
17. *Musgrave T.D.* Self-Determination and National Minorities. Clarendon Press, Oxford, 1997. P. 234:
18. *Villiger M.E.* Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Martinus Nijhoff Publishers, Leiden-Boston, 2009. P. 372, footnote 17; տես նաև Treatment of Polish Nationals in Danzig // Permanent Court of International Justice Reports (1932), Series A/B no 44. P. 24:
19. Vienna Convention on the Law of Treaties. Art. 27 // United Nations Treaty Series, vol. 1155. P. 331, 23 May 1969:
20. *Fitzmaurice G.* The General Principles of International Law Considered from the Standpoint of the Rule of Law // Hague Academy of International Law. Vol. 92 (1957). PP. 117–118:
21. Greco-Bulgarian "Communities", Advisory Opinion // Permanent Court of International Justices Series B (1930), № 17. P. 21; տես նաև Application of the Obligation to Arbitrate under Section 21 of the UN Headquarters Agreement of 26 June 1947, Advisory Opinion // International Court of Justice Reports (1988). P. 34, § 57:
22. Տարածքային սովորույթի հասկացության վերլուծության համար տե՛ս մասնավորապես Asylum case (Colombia/Peru) // International Court of Justice Reports 266 (1950):
23. Frontier Dispute (Burkina Faso/Mali) // International Court of Justice Reports 554 (1986):
24. Frontier Dispute (Burkina Faso/Nigeria // Unreported (2013), գործի տեքստը հասանելի է // http://www.icj-cij.org/docket/files/149/17306.pdf կայքում:

ПРИНЦИП UTIPOSSIDETISJURIS В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию принципа Utipossidetis juris в современном международном праве. В частности, в статье подробно рассматривается содержание и правовое значение данного принципа, изучается соответствующая международная практика и судебные прецеденты, анализируется связь между данным принципом и осуществлением территориальных изменений в современном мире.
Ключевые слова: принцип Uti possidetis juris, территориальные изменения, международное право, провозглашение независимости, Латинская Америка XIX век, Африка, комиссия Бандитера, Международный Суд, Буркина Фасо против Мали.

THE PRINCIPLE OF UTI POSSIDETIS JURIS IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

Summary

This research deals with the principle of uti possidetis juris in Contemporary International Law. It analyses the content and the legal sense of this principle, relevant international practice, judicial precedents and the link between the given principle and territorial changes in the modern world.
Keywords: the principle of uti possidetis juris, International Law, territorial changes, Latin America XIX century, Africa, The International Court of Justice, Declaration of Independence, Burkina Faso vs. Republic of Mali, Banditer-Commission.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРА ПОЖЕРТВОВАНИЯ В РА И РФ

Н.А. Оганесян

Благотворительность способствует осуществлению государствами социальной политики, в особенности в случаях отсутствия у них соответствующих ресурсов и в связи с этим она должна поощряться со стороны государств и иметь соответствующую правовую регламентацию. Однако зачастую данная деятельность является фиктивной и выступает способом сокрытия многих уголовных преступлений. Правовой формой благотворительности в РА и РФ выступает договор пожертвования, в законодательном регулировании которого есть несколько правовых пробелов, которые должны быть устранены на законодательном уровне в РА и РФ.

Ключевые слова: благотворительная деятельность, договор пожертвования.

Актуальность данной темы заключается в том, что благотворительность способствует осуществлению государствами своей социальной политики, в особенности, в случаях отсутствия у государства соответствующих ресурсов. В связи с этим благотворительная деятельность должна поощряться со стороны государств и иметь соответствующую правовую регламентацию. Однако зачастую данная деятельность выступает в качестве сокрытия многих уголовных преступлений и административных правонарушений. Правовой формой благотворительности в РА и РФ выступает договор пожертвования, в законодательном регулировании которого есть несколько правовых пробелов. В рамках данной работы рассматриваются вопросы о правовом регулировании института благотворительности и договора пожертвования как ее правовой формы в РФ и РА.

Благотворительная деятельность имеет многовековую историю, беря свое начало со времен Древней Греции. Это было связано с тем, что человечество, накопив определенный духовный опыт, среди прочих сфер своего существования начинает выделять особую сферу, где проявляются его дружеские чувства, аффекты, моральные связи и отношения. В современный период необходимость данного института не только не отпала, но стала более актуальной.

Благотворительная деятельность урегулирована множеством нормативных актов. К их числу в РФ относятся Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон

«О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (далее – Закон о благотворительной деятельности) 7 июля 1995 года, иные федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации [1]; в Республике Армения – Конституция РА, Гражданский кодекс РА, закон РА «О благотворительности» 8 октября 2002г. [2], постановление Правительства РА «О благотворительных программах» от 16.01.2003 № 66-Ն [3], иные правовые акты, а также международные договоры Республики Армения. Данные правовые акты определяют основы правового регулирования благотворительной деятельности, возможные формы ее поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления, особенности создания и деятельности благотворительных организаций в целях широкого распространения и развития благотворительной деятельности.

- Правовой формой благотворительной деятельности в РА и РФ является договор пожертвования. Применение договора пожертвования в качестве способа оформления имущественных отношений в настоящее время стремительно развивается. Многие финансово состоятельные граждане и организации, осуществляющие благотворительную поддержку социально значимых структур, предпочитают защищать свои интересы от недобросовестных получателей помощи путем заключения сделок, конкретизирующих порядок использования предоставляемого ими имущества под общеполезные цели [4].

- Договор пожертвования является видом договора дарения. Договор дарения – это один из старейших договоров гражданского права. Он был предусмотрен еще в Римском праве, где договором дарения признавалось неформальное соглашение, по которому одна сторона, даритель, предоставляет другой стороне, одаряемому, какие-либо ценности за счет своего имущества, с целью проявить щедрость по отношению к одаряемому [5].

- В гражданском законодательстве договор пожертвования рассматривается как самостоятельная разновидность дарения вещи или права со специфическими особенностями, установленными ГК РА и РФ и некоторыми другими нормативно-правовыми актами. В РФ договору пожертвования посвящены нормы ст. 572–582 главы 32 ГК и Закона о благотворительной деятельности. Ряд специальных норм о пожертвовании закреплен в Федеральных законах «О референдуме» от 28 июня 2004г. № 5-ФКЗ [6] и «О политических партиях» от 11 июля 2001г. № 95–ФЗ [7]. На договор пожертвования полностью распространяют свое действие правила о дарении, если иное прямо не предусмотрено законом. В РА договор пожертвования регулируется соответствующими нормами гражданского кодекса РА и закона РА «О благотворительности». Надо отметить, что существенных различий в правовом регулировании договора пожертвования в РФ и РА нет.

- В законодательном регулировании данного договора как в РА, так и РФ имеются некоторые пробелы. Согласно п. 1 ст. 582 ГК РФ И ст. 605 ГК РА, пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях. Возникает вопрос о том, является ли данный договор взаимным или

нет, ведь из законодательного определения договора пожертвования невозможно однозначно определить его правовую природу. Важно заметить, что договор дарения является безвозмездным. Многие договоры гражданского права могут выступать и в качестве возмездных, и как безвозмездные, однако лишь договоры дарения и ссуды являются безвозмездными во всех случаях [8]. По нашему мнению, данный договор является взаимным, несмотря на то, что он выступает разновидностью договора дарения. Ведь основную особенность пожертвования составляет наличие в нем условия об использовании пожертвованного имущества по определенному назначению, которое составляет обязанность одаряемого и может контролироваться дарителем (жертвователем) или его наследниками (правопреемниками). Речь идет о дарении имущества в общеполезных целях, т.е. в целях, полезных либо для общества в целом, либо для определенной его части (определенного жертвователем круга лиц). Например, возможна безвозмездная передача книг в общедоступную библиотеку для их использования всеми желающими либо в университетскую библиотеку – для использования их студентами и преподавателями. Отсутствие условия об определенном назначении (цели использования) дара превращает эти отношения в обычный договор дарения (п. 3 ст. 582 ГК) [9].

Сторонами договора пожертвования выступают жертвователь и одаряемый. По общему правилу жертвователем может быть любое лицо. Но иногда в законах ограничивается круг лиц, которые выступают в качестве жертвователей. Например, Законом РФ «О референдуме» запрещается вносить пожертвования в фонд референдума 16 категориям субъектов, а Законом «О политических партиях» введен запрет на пожертвования в пользу политической партии и ее региональных отделений в отношении 13 категорий физических, юридических лиц, государственных и муниципальных образований. Это объясняется разными причинами. Например, ход референдума или деятельность политической партии рассматриваются как проявления внутренней жизни российского государства и общества, поэтому отстранены иностранные государства, иностранные юридические и физические лица от роли жертвователей во избежание даже косвенного влияния на результат. Другой особенностью договора пожертвования является ограничение круга субъектов на стороне одаряемого. В качестве таковых могут выступать граждане, лечебные, воспитательные учреждения, организации социальной защиты и другие аналогичные учреждения; благотворительные, научные и учебные организации, фонды, музеи и другие учреждения культуры, общественные и религиозные организации, а также государство (Российская Федерация и ее субъекты) и муниципальные образования. По договору дарения выгодоприобретателем является конкретное лицо, интересы которого удовлетворяются посредством передачи дара. Пожертвование также поступает в адрес конкретных лиц, однако используется оно в общеполезных целях. Согласно ч. 3 ст. 582 ГК РФ и ч. 3 ст. 605 ГК РА, пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого иму-

щества по определенному назначению. При отсутствии такого условия пожертвование имущества гражданину считается обычным дарением, а в остальных случаях пожертвованное имущество используется одаряемым в соответствии с назначением имущества. Юридическое лицо, принимающее пожертвование, для использования которого установлено определенное назначение, должно вести обособленный учет всех операций по использованию пожертвованного имущества. Таким образом, данные статьи не только наделяют жертвователя правом обусловить свое пожертвование использованием дара по определенному целевому назначению, но и предусматривает положения, направленные на обеспечение контроля над целевым использованием пожертвованного имущества со стороны жертвователя, а также последствия нарушения одаряемым воли жертвователя, определившего целевое назначение пожертвованного имущества. Для надлежащей организации контроля со стороны жертвователя одаряемым (юридическим лицам), принявшим пожертвование, для использования которого установлено определенное назначение, вменено в обязанность вести обособленный учет всех операций по использованию пожертвованного имущества. Однако следует заметить, что относительно физических лиц, принимающих пожертвование, нет аналогичного правила. На практике это приводит к отсутствию возможности контроля жертвователем за их действиями по использованию предмета пожертвования. Таким образом возникает необходимость на законодательном уровне предусмотреть гарантии защиты прав жертвователей в данном случае.

Предметом пожертвования может быть только вещь или имущественное право требования. Таким образом, предметом договора не выступает освобождение от имущественной обязанности. В обратном случае это исключало бы возможность обусловить использование такого дара по определенному назначению. Законом РФ «О политических партиях» допускает возможность пожертвования исключительно в виде денежных средств и иного имущества от физических и юридических лиц при условии, что эти пожертвования документально подтверждены и указан их источник (п. 1 ст. 30). Если пожертвование осуществляется в виде имущества, то производится его оценка в денежном выражении. Иногда устанавливаются предельные размеры пожертвования на одно лицо. Так, в соответствии с Законом РФ «О референдуме», добровольные пожертвования граждан и юридических лиц допускаются в размере, не превышающем для каждого гражданина, юридического лица, соответственно, 1 процента и 7 процентов от предельной суммы всех расходов из средств фонда референдума (п. 5 ст. 48).

Использование пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением или изменение этого назначения без согласия жертвователя дает право жертвователю, его наследникам или иному правопреемнику требовать отмены пожертвования. Это означает то, что пожертвование может быть отменено лишь при наличии решения суда. По нашему мнению, надо признать неиспользование пожертвования по

назначению в установленный срок (разумный срок) существенным нарушением договора и предоставить жертвователю непосредственно право его отмены, а не расторжения договора в судебном порядке. Согласно ч. 4 ст. 453 ГК РФ и ч. 4 ст. 469 ГК РА, стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон, а при отмене договора аналогичного правила нет. Следовательно, при расторжении договора и невозможности возврата предмета пожертвования, права жертвователя будут нарушены. Исходя из этого, именно право отмены должно быть предоставлено жертвователю. Кроме того, в случае непосредственной отмены договора пожертвования благотворители не будут обязаны обращаться в суд с требованием о его расторжении. Анализируя судебную практику, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаях истцы по требованиям о расторжении договора пожертвования бывают вынуждены ссылаться на недействительность данного договора и доказать факт его притворности, обмана при его заключении и иные основания, приводящие к недействительности сделки [10]. И, кроме того, рассмотрения вопроса о расторжении договора пожертвования в судебном порядке приводит к трате временных и материальных ресурсов и создает дополнительную загруженность судов.

В случае отмены договора жертвователю надо предоставить право истребовать предмет пожертвования обратно. Но жертвователь может истребовать только лишь ту часть предмета договора, которая была использована не в соответствии с указанным им назначением. В связи с данным положением возникает и другой вопрос: каким образом защитить имущественные права благотворителя в случае, если после отмены пожертвования в силу его нецелевого использования предмет договора не сохранился в натуре, и можно ли применить к данным правоотношения правила о способах обеспечения исполнения обязательств? По нашему мнению, в этом случае одаряемый должен выплатить жертвователю соответствующую денежную компенсацию в размере цены предмета договора. Кроме того, правила о способах обеспечения исполнения обязательств могут применяться к обязательствам, вытекающим из договора пожертвования, ведь данные правила закреплены в общих положениях об обязательствах в ГК РА и РФ.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, существуют определенные пробелы в законодательном регулировании договора пожертвования в РА и РФ. Для их устранения мы предлагаем внести следующие изменения и дополнения в ГК РА и РФ:

1. Предусмотреть в п. 4 ст. 605 ГК РА и п. 3 ст. 582 ГК РФ правило о том, что физическое лицо, принимающее пожертвование, также должно нести учет всех операций по использованию пожертвованного ему имущества;
2. Изложить п. 6 ст. 605 ГК РА и п. 5 ст. 582 ГК РФ в следующей редакции: жертвователь, а в случае его смерти – его наследники, вправе непосредственно отменить пожертвование при использова-

нии пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением;

3. Включить дополнительный пункт в ст. 605 ГК РА и ст. 582 ГК РФ о том, что в случае отмены пожертвования одаряемый обязан возвратить ту часть предмета пожертвования, которая была использована не в соответствии с указанным жертвователем назначением. А если предмет договора не сохранился в натуре к моменту отмены пожертвования, то выплатить соответствующую денежную компенсацию в размере цены предмета договора, использованного не по назначению.

1. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 7 июля 1995г.
2. Закон РА «О благотворительности» от 8 октября 2002г.
3. Постановление Правительства РА «О благотворительных программах» от 16.01.2003 № 66-Ն.
4. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга вторая: договоры о передаче имущества. М., 2005.
5. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2007. С. 499.
6. Федеральный закон «О референдуме» от 28 июня 2004г.
7. Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001г.
8. Гражданское право: Учебник: в 3-х т. Т. 2. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2009. С. 134.
9. Гражданское право: В 4-х т. Т. 3: Обязательственное право: Учебник. 3-е издание, переработанное и дополненное / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 209.
10. Решение районного суда г. Брянска от 26.03.2012г. № 2-1793/12.

ՆՎԻՐԱԲԵՐՈՒԹՅԱՆ ՊԱՅՄԱՆԱԳՐԻ, ՈՐՊԵՍ ԲԱՐԵԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ՁԵՎԻ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ՀՀ-ՈՒՄ ԵՎ ՌԴ-ՈՒՄ

Ամփոփում

Բարեգործությունը նպաստում է պետությունների սոցիալական քաղաքականության իրականացմանը, հատկապես համապատասխան միջոցների բացակայության դեպքում և հետևաբար, այն պետք է խրախուսվի պետության կողմից և ունենա համապատասխան իրավական կարգավորում: Հաճախ այդ գործունեությունը կրում է ձևական բնույթ և հանդիսանում է բազմաթիվ հանցագործությունների քողարկման միջոց: Բարեգործության իրավական ձևը հանդիսանում է նվիրաբերության պայմանագիրը, որի ՀՀ և ՌԴ իրավական կարգավորման մեջ առկա են որոշակի բացեր, որոնք օրենսդրորեն պետք է լրացվեն:

THE ACTUAL PROBLEMS OF THE AGREEMENT OF DONATION AS A LEGAL FORM OF A CHARITY IN RA AND RF

Summary

Charity promotes the realization of the state's social policy, particularly in the cases of the lack of resources.In this connection it should be encouraged by the State and has the appropriate legal regulation. Although this activity often is a feigned and performs a method of hiding of many criminal offenses. The legal form of charity in the Republic of Armenia and the Russian Federation is the agreement of donation. There are some legal gaps in the legal regulation of this agreement in RA and RF. These gaps must be eliminated in the legislation of RA and RF.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Х.А. Тхабисимов

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся конституционного принципа российского федерализма при разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: разграничение предметов ведения, государственная власть, конституционный принцип, субъекты Российской Федерации, Президент РФ, Конституционный Суд РФ.

Процесс разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации является процессом динамичным и постоянно развивающимся.

Рассмотрим, как данный конституционный принцип закреплен и развивается в Российской Федерации, каковы его правовые основы и перспективы развития.

Разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации является одной из основных составляющих федеративного устройства России и предусмотрено в ряде статей Конституции РФ.

Согласно ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации осуществляется Конституцией РФ, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Таким образом, Конституция РФ устанавливает правовые формы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Статьи 71 и 72 Конституции РФ устанавливают предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Частями 2 и 3 ст. 78 Конституции РФ предусмотрено, что органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по соглашению с

федеральными органами исполнительной власти могут передавать им осуществление части своих полномочий. Президент РФ и Правительство РФ обеспечивают в соответствии с Конституцией РФ осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации. Помимо этого, Президент РФ может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В случае недостижения согласованного решения он может передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда. Президент РФ вправе приостанавливать действие нормативных актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ).

Таким образом, данный принцип закреплен в Конституции РФ. Однако указанные конституционные нормы носят предельно общий характер и соответственно не гарантируют реализацию оптимальной модели разграничения компетенции.

Наиболее проблемной является совместная компетенция Российской Федерации и ее субъектов, так как данная сфера имеет тенденцию либо к избыточной децентрализации, либо к неоправданной централизации. Исходя из Конституции РФ, федеральные органы законодательной власти вправе регулировать предметы совместного ведения с той степенью детализации, с какой они сочтут это необходимым, а федеральные органы исполнительной власти – самостоятельно осуществлять полномочия по предметам совместного ведения. Отсутствие конституционных рамок деятельности федеральных органов власти в сфере совместного ведения ведет к фактической централизации власти при сохранении формальных устоев федерализма [1].

В период с 1993–1999гг., для реализации конституционных норм, стала широко применяться договорная практика разграничения предметов ведения и полномочий посредством заключения соответствующих договоров и соглашений, некоторые положения которых, переработанные и измененные, легли в основу федеральных законов.

Заключение договора всегда предполагает согласование действий и их координацию по всем основополагающим вопросам. Путем заключения данных договоров решался целый комплекс вопросов, направленных на оптимизацию и гармонизацию взаимоотношений Федерации и ее субъектов.

Работа по разработке соответствующих договоров велась не только на уровне конкретного субъекта, но и на федеральном уровне. Но данная практика оказалась неэффективной. Как справедливо отмечает Л.А. Тихо-

мирова, поскольку не были разработаны общие принципы разграничения предметов ведения и полномочий, в каждом последующем заключенном договоре необоснованно менялось содержание предметов совместного ведения. В итоге договор становился своего рода политическим рычагом, используемым регионами для получения дополнительных полномочий. Ни один договор не получил должного оформления ни по форме, ни по содержанию и не подвергся всестороннему анализу с точки зрения конституционности и законности. Именно поэтому впоследствии все они были прекращены [2].

В указанных договорах также содержалось явное противоречие конституционным нормам Российской Федерации. Так, например, подписанный 15 февраля 1994г. договор «О разграничении полномочий и предметов ведения между органами государственной власти Российской Федерации и Республикой Татарстан» [3] содержал указание на то, что Татарстан объединен с Российской Федерацией, а не образует ее вместе с другими субъектами Российской Федерации.

Согласно договорам с Татарстаном, Башкортостаном [4] и другими республиками-субъектами РФ, согласование конституционного законодательства Российской Федерации и ее субъектов было отнесено к вопросам совместного ведения.

Однако, несмотря на наличие некоторых противоречий конституционным нормам, указанные договора сыграли важную роль в развитии и становлении договорного порядка регулирования отношений центра и регионов. Заключенные с конкретным субъектом РФ договоры о разграничении предметов ведения и полномочий явились базой для формирования правовых основ разграничения предметов ведения и полномочий.

Так, например, согласно ст. 3 Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Удмуртской Республики [5], до принятия федерального закона, по конкретному предмету совместного ведения, Удмуртская Республика вправе была осуществлять собственное правовое регулирование по указанному предмету ведения. После принятия соответствующего федерального закона, законы и иные нормативные правовые акты Удмуртской Республики приводятся в соответствие с федеральным законом. Не приведенные в соответствие с федеральным законом законы и иные нормативные правовые акты Удмуртской Республики не подлежат применению. Впоследствии, аналогичные положения были сформулированы в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.10.1999г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [6], в соответствии с которой субъекты РФ вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов. После принятия соответствующего Федерального закона законы и иные нормативные

правовые акты субъектов РФ подлежат приведению в соответствие с данным федеральным законом в течение трех месяцев [7].

В соответствии с процедурой, установленной Федеральным законом от 06.10.1999г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [8], в 2007 году был утвержден только один Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан, который в отличие от предыдущего договора (1994г.) уже не входит в явное противоречие с нормами Конституции РФ.

Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» конкретизировал конституционные положения, обозначив следующие существенные моменты:

- во-первых, договоры о разграничении предметов ведения и полномочий должны заключаться в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами;

- во-вторых, общие принципы и порядок разграничения предметов ведения и полномочий путем заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий и принятия федеральных законов устанавливаются указанным законом.

В договоре о разграничении полномочий устанавливается перечень полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъекта Российской Федерации, разграничение которых производится иначе, чем это установлено федеральными законами и законами субъекта РФ, определяются условия и порядок осуществления этих полномочий, конкретные права и обязанности сторон, срок действия договора о разграничении полномочий и порядок продления данного срока, а также основания и порядок досрочного расторжения договора о разграничении полномочий [7].

Отсюда следует, что ограничивается сама возможность заключения договора о разграничении предметов ведения и полномочий, а также устанавливается определенный предел регулирования федеративных отношений при заключении такого договора.

Другим фактом, заслуживающим внимания в данном Федеральном законе, явилось детальное определение в нем основных элементов статуса субъекта Федерации и фактическое лишение субъектов Федерации приоритета в регулировании полномочий по собственным предметам ведения.

Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» определяет 72 полномочия органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым этими органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта (за исключением субвенций из федерального бюджета) и 31 вид региональной собственности, подробно определяет сис-

тему органов государственной власти, экономическую, бюджетно-финансовую, социальную и организационную основы их деятельности. При этом, практически оставляя без внимания собственные полномочия субъектов РФ.

Как справедливо отмечается И.А. Умновой, по уровню детализации данный Федеральный закон напоминает инструкцию, его содержание в определенной мере заменяет не только законы, но и регламенты органов государственной власти субъектов. В итоге субъекты РФ вынуждены повторять в конституциях, уставах и текущих законах положения Федерального закона № 184-ФЗ. Степень их самостоятельности в таких условиях сведена к минимуму [9].

Другие исследователи также отмечают несовершенство данного федерального закона, говоря о том, что Федеральный закон № 184-ФЗ не поясняет механизм организации взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами [10].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что рассматриваемый Федеральный закон входит в некое противоречие с нормами Конституции РФ, о пределах вмешательства Федерации в сферу организации публичной власти.

В частности, ст. 72, определяющая установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления, которые относятся к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «н» ч. 2), и ст.77, устанавливающая, что система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно, в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом.

В пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации.

2003 год явился завершающим этапом в фактическом прекращении действия ранее подписанных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий. Следует также отметить, что в 2003 году в целях реализации Указа Президента РФ от 23 июля 2003г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» [11] была образована Правительственная Комиссия по проведению административной реформы [7].

Образование в 2004 году Комиссии по вопросам совершенствования государственного управления обусловлено, прежде всего, утвержденным Указом Президента РФ от 9 марта 2004г. № 314 «О системе и структуре

федеральных органов исполнительной власти» [12], которым образована принципиально новая система и структура федеральных органов исполнительной власти.

Дальнейшее реформирование и развитие государственной службы явилось основанием для образования одноименной Комиссии – Комиссии по вопросам реформирования и развития государственной службы. В дальнейшем Указом Президента РФ от 10 марта 2009г. № 261 утверждается Федеральная программа «Реформирование и развитие государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» [13].

Так, проводимые в стране административные реформы обуславливали создание и дальнейшее преобразование соответствующих Комиссий при Президенте РФ, занимающихся вопросами разграничения предметов ведения и полномочий.

Конституционный Суд РФ также является одним из важных участников практического разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, поскольку в процессе судопроизводства он разрешает дела о соответствии Конституции РФ конституций (уставов), а также законов и иных нормативных актов субъектов Федерации. Решает споры о компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, дает толкование Основного Закона и тем самым юридически устанавливает права и обязанности органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации как участников правоотношений.

В период действия первых договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, конституционная база оказалась недостаточной для обеспечения эффективности договорного процесса. Конституционный Суд РФ активно восполнял конституционные пробелы в данной области.

Так, например, в Постановлении от 4 апреля 1996г. № 9-П [14] Конституционный Суд РФ указывает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Соответственно положение ч. 2 ст. 1 Закона РФ от 25 июня 1993г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [15], ограничение этого права допускается только на основании закона, не подлежит расширительному толкованию, в данном случае, понятием закон охватываются исключительно федеральные законы. Органы государственной власти субъектов Федерации вправе принимать правила регистрационного учета, не изменяя его правового режима и не допуская ограничения прав и свобод граждан.

Введя квоту на поселение в городах Кавказских Минеральных Вод, на основании Постановления Государственной Думы Ставропольского края от 6 октября 1994 года № 118-8, который утвердил «Временное положение о пребывании и определении на постоянное место жительства в Ставропольском крае», в которое в дальнейшем были внесены изменения и дополнения постановлениями от 24 ноября 1994 года и от 29 июня 1995

года. Согласно Временному положению право граждан на выбор места жительства в Ставропольском крае реализуется только на возмездной основе (пункт 3); определение на постоянное место жительства в населенных пунктах Кавказских Минеральных Вод Ставропольского края возможно лишь при наличии специального разрешения, которое выдается в пределах ежегодных квот, равных 0,5 процента от числа жителей соответствующего населенного пункта (п. 21).

Временным положением установлено также, что все лица, прибывшие в Ставропольский край для постоянного проживания, обязаны пройти регистрацию в течение 10 дней со дня их определения по месту жительства, и то, что до принятия соответствующего законодательства Российской Федерации под регистрацией по месту жительства подразумевается прописка граждан (пункт 29). Тем самым, Дума Ставропольского края установила ограничение на выбор места жительства, что может быть сделано только федеральным законодателем, а также вмешалась в сферу регулирования прав и свобод человека и гражданина, относящуюся в соответствии с п. «в» ст. 71 Конституции РФ, к исключительному ведению Российской Федерации.

Не менее важным было Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса РФ» [16]. По данному делу суд постановил, что полномочия Российской Федерации и ее субъектов по осуществлению прав владения, пользования и распоряжения лесным фондом в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов распределены на основе совместного ведения.

Решения по вопросам, предусмотренным указанными статьями, принимаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации или, по крайней мере, невозможны без согласования с ними. Полномочия Российской Федерации и ее субъектов по вопросам владения, пользования и распоряжения лесным фондом в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов распределены и осуществляются как находящиеся в совместном ведении, чтобы при принятии соответствующих решений была возможность обеспечить учет и согласование интересов Российской Федерации и ее субъектов.

Позиция Конституционного Суда РФ основана на приоритете Конституции РФ в вопросах определения предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что приоритет положений Конституции РФ имеет место как при определении статуса субъектов Федерации, так и при определении предметов ведения и полномочий органов государственной власти РФ и ее субъектов [17]. Из этого следует, что договоры о разграничении предметов ведения и полномочий носят по отношению к Конституции РФ подчиненный характер, должны ей соответствовать и не могут толковаться, как какое-либо изменение установленного Конституцией РФ правового статуса Российской Федерации и

ее субъектов. В договорах исключается любое ограничение либо разделение суверенитета Российской Федерации [18].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать:

- во-первых, конституционные нормы носят предельно общий характер и соответственно не гарантируют реализацию оптимальной модели разграничения компетенции;

- во-вторых, договорная практика оказалась не столь эффективной;

- в-третьих, Федеральные законы не достаточно четко определяют механизм организации взаимодействия и координации деятельности федеральных органов и органов субъектов РФ;

- в-четвертых, Конституционный Суд РФ, хоть и восполняет пробелы, но все же не устанавливает общих принципов организации разграничения компетенции.

Как же возможно эффективно решить вопрос разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации?

Некоторые исследователи предлагают заимствовать зарубежный опыт. Так, по мнению М.В. Глигич-Золотаревой, решение проблемы разграничения предметов ведения и полномочий в Российской Федерации, в четком конституционном закреплении оптимальной модели разграничения компетенции по образцу ФРГ, где полномочия федерации определяются в зависимости от того, должны они быть урегулированы единообразно для всех земель или целесообразно оставить их регулирование землям в их собственную конституционную сферу, которое выполняло бы в том числе функции барьера на пути произвольного перераспределения финансовой ответственности [19].

По мнению И.Н. Барцица, Конституции таких федеративных государств, как ФРГ (ч. 3, 5 ст. 84) и Австрия (ч. 3, 4 ст. 16), предоставляют федерации право при невыполнении субъектами федерации своих обязанностей в области законотворчества временно отбирать полномочия по принятию конкретных законов. В этом случае принимается федеральный нормативно-правовой акт, который теряет силу при принятии субъектом федерации требуемого документа [20].

В этих предложениях, несомненно, есть разумное зерно, но как уже ранее отмечалось, каждая федерация имеет свои характерные особенности, обусловленные: территорией, населением, уровнем правосознания граждан, экономическими, историческими факторами.

Думается, что для России оптимальным будет четкое определение сфер общественных отношений, установление конкретных прав и обязанностей федерального центра и регионов, определение четких критериев разграничения полномочий, а именно: точное определение того, кто и за что отвечает. Все это будет способствовать эффективной работе государственного аппарата, а также укреплению и развитию страны в целом. А это зависит не только от слаженной работы системы государственного управ-

ления и от эффективной законодательной базы, но и от стабильных правоотношений и высокого уровня правовой культуры, согласованного направления федеральной власти и власти субъектов федерации.

Как справедливо отметил А. Ященко, для существования федерального государства необходимо, чтобы каждая из федерированных частей участвовала как самостоятельный член в образовании суверенной воли, однако возведение понятия участия в суверенной власти в существенный признак федерального государства не достаточно объясняет специфическую природу этого политического образования. Для того, чтобы политическое соединение было федеральным, мало участия соединенных частей в образовании общей суверенной воли, а необходимо, чтобы наряду с центральной властью союза, в которой соединенные части участвуют как члены целого, существовала и самостоятельная организация местной власти, и чтобы суверенная власть получалась от согласного направления обеих этих властей [21].

Экономическое и политическое развитие страны является одной из основных предпосылок для возникновения новых отношений, и, как следствие, появление новых федеральных законов, регулирующих иные сферы общественных отношений. С появлением новых отношений и законов появляются новые органы и возникают новые полномочия, и соответственно между которыми происходит процесс разграничения ведения и полномочий. Именно поэтому разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами – процесс динамический, и продолжает совершенствоваться и развиваться, а поэтому и остается одной из наиболее сложных проблем федерализма. Именно Конституция РФ, а точнее грамотное закрепление совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации в современных условиях государственности способствует дальнейшему продуктивному развитию федеративных отношений.

1. *Глигич-Золотарева М.В.* Правовые основы федерализма. М.: Юристъ, 2006. С. 221.
2. *Тихомирова Л.А.* Договорный порядок регулирования отношений Российской Федерации и ее субъектов по предметам ведения и полномочиям // «Законодательство», № 5, май 2011. Правовая система Гарант.
3. Договор «О разграничении полномочий и предметов ведения между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан» (Москва, 15 февраля 1994г.) // Правовая система Гарант.
4. Договор Российской Федерации и Республики Башкортостан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Башкортостан» (Москва, 3 августа 1994г.) // Правовая система Гарант.
5. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Удмуртской Республики (Москва, 17 октября 1995г.) // Правовая система Гарант.

6. Федеральный закон от 6 октября 1999г. № 184-ФЗ (ред. 07.06.2013 № 118-ФЗ) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Правовая система Гарант.
7. *Тихомирова Л.А.* Конституционные основы разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды: научно-практическое исследование // Правовая система Гарант.
8. Федеральный закон от 6 октября 1999г. № 184-ФЗ (ред. 07.06.2013г. № 118-ФЗ) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Правовая система Гарант.
9. *Умнова И.А.* Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение, 2012. № 2. С. 50.
10. Республика Северная Осетия-Алания в составе РФ / Т.Д. Мамсуров, А.М. Цалиев. Москва-Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. С. 190. 397с.
11. Указ Президента РФ от 23 июля 2003г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» // Правовая система Гарант.
12. Указ Президента РФ от 9 марта 2004г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Правовая система Гарант.
13. Указ Президента Российской Федерации от 10.03.2009г. № 261 «О Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» // Правовая система Гарант.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Правовая система Гарант.
15. Закон РФ от 25 июня 1993г. № 5242-I (с изм. от 21 декабря 2013г. № 376-ФЗ) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Правовая система Гарант.
16. Постановление Конституционного суда РФ от 9 января 1998г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса РФ» // Правовая система Гарант.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Правовая система Гарант.
18. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции РФ отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики

Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // Правовая система Гарант.
19. *Глигич-Золотарева М.В.* Правовые основы федерализма. М.: Юристъ, 2006. С. 223.
20. *Барциц И.Н.* Договорное регулирование федеративных отношений /«Законодательство», № 6, июнь 2001г. // Правовая система Гарант.
21. *Ященко А.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, типография К. Маттисена, 1914. С. 297.

ON THE QUESTION OF DIFFERENTIATION OF POWERS BETWEEN THE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND BODIES OF STATE POWER OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary

This article addresses issues related to the constitutional principle of Russian federalism in the delimitation of powers between the authorities of the Russian Federation and bodies of state power of subjects of the Russian Federation.

Keywords: delimitation of jurisdictional subjects, state authority, constitutional principle, subjects of the Russian Federation, President of the Russian Federation, the Russian Constitutional Court.

ԱԶԳԱՆՊԱՍՏ ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ ՈՐՊԵՍ ՏԵՂԵԿԱՏՎԱԾԻՆ ՍՊԱՌՆԱԼԻՔՆԵՐԻ ԿԱՆԽԱՐԳԵԼԻՉ ՀԱՄԱԿԱՐԳ

Ա.Ս. Սարդարյանց

Հոդվածը նվիրվում է տեղեկատվածին սպառնալիքների կանխարգելման միջոցների ուսումնասիրությանը: Տեղեկատվական անվտանգությունը որպես կայունության պահպանման անհրաժեշտ պայման, իրականացվում է ներքին և արտաքին գործընթացների փոխազդեցությամբ: Ներկայումս տեղեկատվական պատերազմը վեր է ածվել պետության արտաքին քաղաքականության լիարժեք գործիքի: Իսկ գլոբալ տեղեկատվական ցանցերի ինտենսիվացման պայմաններում ծագում են մշակութային ագրեսիայի նոր ձևեր, որոնք ընդունակ են վտանգել հասարակությունների մշակութային և ազգային ինքնությունը: «Մշակութային պատերազմ» կոչվող տեղեկատվական հակամարտության կանխարգելման ամենապարզ ու արդյունավետ միջոցը, պարզապես «մշակութային ժառանգության» նկատմամբ արժանավայել վերաբերմունքի դրսևորումն է: Արտաքին քաղաքականության մեջ տեղեկատվության ակտիվ դերակատարումը պայմանավորված է հասարակության ներսում ընթացող փոփոխություններով, որոնք նշանավորվում են «տեղեկատվական» հասարակության առաջացմամբ և դրան ուղեկցող գլոբալիզացման գործընթացներով: Պետության արտաքին քաղաքականության բարեհաջող ընթացքը ապահովվում է ինչպես միջազգային հանրության, այնպես էլ իր քաղաքացիների աջակցության արդյունքում, որտեղ հասարակական կարծիքը հանդես է գալիս որպես քաղաքական նպատակների տեղայնացման կամուրջ: Հետևաբար, ներքին և արտաքին մարտահրավերների նկատմամբ տեղեկատվա-հոգեբանական հակազդեցություն ծավալելու համար անհրաժեշտ է Հայաստանի տեղեկատվական տարածքում ապահովել հոգևոր-մշակութային և բարոյական արժեքների գերակայություն, որպես հոգևոր ինքնիշխանության գրավական:

Հիմնաբառեր՝ մշակութային պատերազմ, տեղեկատվական ագրեսիա, հոգեբանական պատերազմ, տեղեկատվական անվտանգություն, հոգևոր ինքնավարություն, տեղեկատվական հասարակություն:

Դարեր շարունակ, պետականության ամենախոցելի օղակը եղել և մնում է տեղեկատվա-գաղափարական ոլորտը: Ժամանակին զուգընթաց, ավելի ու ավելի են ընդլայնվում տեղեկատվական անվտանգութ-

յան հիմնահարցի հանդեպ տեսական հետաքրքրությունների շրջանակները: Դա պայմանավորված է այդ բնագավառում իրականացվող համարժեք միջոցառումների կատարելագործմամբ և նոր տեխնոլոգիաների ներդրմամբ: Յուրաքանչյուր պետություն, անգամ գերհզորները, հետևողականորեն իրականացնում են անվտանգության համարժեք քայլեր, կանխելու համար տեղեկատվական միջավայրի վրա բացասական ներգործության ինչպես ներքին, այնպես էլ արտաքին տարաբնույթ սպառնալիքները: Հետևաբար, պետության տեղեկատվական անվտանգության հիմնախնդրի դիտարկումը անհրաժեշտ է իրականացնել միաժամանակ ներքին և արտաքին գործընթացներում: Իսկ նրանց առանձնացումը խիստ պայմանական է, որովհետև սերտորեն կապված են միմյանց և դրսևորվում են փոխազդեցությամբ: Այսինքն չկան տեղեկատվական անվտանգության զուտ ներքին և արտաքին մակարդակներ: Դրա պարզ վկայությունն է այն հանգամանքը, որ արտաքին սպառնալիքները ազդեցիկ են այնքանով, որքանով թույլ են պաշտպանական ներքին մեխանիզմները կամ հակառակը: Եվ եթե արտաքին հարաբերություններում պետության խնդիրն է դիմագրավել իր միջազգային հեղինակությանը, որդեգրած քաղաքականությանն ու ինքնությանը խոչընդոտող մարտահրավերներին, ապա ներքին մակարդակում կարևոր է իրականացնել այնպիսի տեղեկատվական քաղաքականություն, որը կպաշտպանի օտարածին ներթափանցումներից, կնպաստի հասարակական հարաբերությունների արդյունավետ վերարտադրությանը, նրա առաջընթացին: Համաշխարայնացման գործընթացների արդի համապատկերում ավելի է կարևորվում պետության հեղինակության բարձրացումը միջազգային հանրության առջև: Քանզի միջազգային մակարդակում ձայնի լսելիությունը, ապահովում է դրական վարկանիշ, նպաստում տվյալ պետության շահերին ներդաշնակ, միջազգային որոշումների ընդունմանը, վնասազերծում ապատեղեկատվությունը: Պետության արտաքին քաղաքականության բարեհաջող ընթացքը ապահովվում է ինչպես միջազգային հանրության, այնպես էլ իր քաղաքացիների աջակցության արդյունքում, որտեղ հասարակական կարծիքը հանդես է գալիս որպես քաղաքական նպատակների տեղայնացման կամուրջ: Ժողովրդավարացման գործընթացներին զուգահեռ, ընդլայնվում է հասարակական կարծիքի ուղղորդման և ձևավորման տեխնիկան, ինչպես նաև մեծանում է դրա վրա քաղաքական նպատակով ներգործության անհրաժեշտությունը: Ի տարբերություն զանգվածային գիտակցության մյուս տարրերի, այն է՝ աշխարհայացք, պատմական գիտակցություն և այլն, հասարակական կարծիքը ընդգծվում է առավել փոփոխականությամբ, ինչը բացատրվում է

ժամանակակից կյանքի դինամիկայով և տարաբնույթ կարծիքների շարունակական բախման հանգամանքով: Հասարակական կարծիքի փոփոխական բնույթը, հիմնականում պայմանավորված է արտաքին ներգործությամբ, որն էլ առաջ է բերում մանիպուլյացիաների հնարավորություն: Դա պայմանավորված է, թե արժեքային համապատասխան միջավայրով, և թե գործադրվող կոնկրետ մեխանիզմների որակական հատկանիշներով: Հասարակական կարծիքի ձևավորման գործում էական դերակատարություն ունեն հասարակական լսարանի վրա ներգործման մեխանիզմները, որոնք ոչ միայն ուղղորդում և ձևավորում են հասարակական կարծիքը, այլև լիցքավորում են վերջինիս ինքնազարգացման հնարավորությունը: Տեղեկատվության գործոնի նշանակության մեծացումը արտաքին քաղաքականության ոլորտում, պայմանավորվում է հասարակության ներսում ընթացող փոփոխություններով, որոնք նշանավորվում են «հետինդուստրիալ» կամ «տեղեկատվական» հասարակության առաջացմամբ և դրան ուղեկցող գլոբալիզացման գործընթացներով: Հասարակական կարծիքի ձևավորումը կարող է դրսևորվել նաև տարերայնորեն: Սակայն հիմնականում դրանք հանդես են գալիս որպես նպատակաուղղված գործունեության հետևանք, որը կրում է մանիպուլյատիվ բնույթ, և պայմանավորված է մանիպուլյատիվ տեխնոլոգիաների զարգացման ընթացակարգով: Այդ դեպքում հասարակական կարծիքի ուղղորդումը՝ մանիպուլյացիան, նպատակամղված է կոնկրետ խմբերի, անհատների, կառույցների շահերը բավարարելուն՝ անտեսելով հասարակության հավաքական շահը և համարվում է «ապակառուցողական»: Դրանց կանխարգելումը իրականացվում է հասարակական կարծիքի ձևավորման և ուղղորդման «կառուցողական» մեխանիզմներով, որոնց հիմքում ընկած են միջազգային նորմերին ու սկզբունքներին համահունչ, հասարակամետ և պետականամետ նպատակներ: Հետևաբար, ներքին և արտաքին մարտահրավերների նկատմամբ տեղեկատվա-հոգեբանական հակազդեցություն ծավալելու համար անհրաժեշտ է ազգանպաստ կարծիք ստեղծել, դիրքորոշում ձևավորել: Եվ որքան լավատեղյակ լինեն մարդիկ, այնքան դժվար կլինի նրանց մանիպուլացիայի ենթարկելը: Հակառակ դեպքում, հանրության բարոյական, հոգևոր-մշակութային արժեքների թուլացման միջոցով նյութապաշտության հաստատումը, ժամանակի ընթացքում հանգեցնում է անդառնալի կորուստների: Քանզի մանիպուլյացիան հետապնդում է հանրության վարքագիծը փոփոխելու նպատակ: Դա կարծիքների, ձգտումների, տրամադրության, ի վերջո հոգեկան վիճակի ծրագրավորումն է մանիպուլյատիվ միջոցները տնօրինողների նախատեսած ուղղությամբ, որտեղ հակառակորդը գրեթե անհասկա-

նալի է: Եվ հակահարվածի ռազմավարության մշակումը ստացվում է այն ժամանակ, երբ պարզվում են հակառակորդի գործողությունների բնույթը, այն է՝ տեղեկատվական ագրեսիա, տեղեկատվական զրոհ, հոգեբանական պատերազմ, ինչպես նաև դրանց շարունակականությունը: Տեղեկատվական քաղաքականության մեջ պաշտպանողականի մշակումը ավելի դժվար է, քան հարձակողականինը, քանի որ տեղեկատվական պայքարում նախահարձակ լինելն արդեն իսկ ապահովում է որոշակի արդյունք: Տեղեկատվական անվտանգության միջոցառումների անհրաժեշտությունը հատկապես ընդգծվում է պատերազմական իրադրության ժամանակ: Եվ ռազմական ընդհարումների ելքը հաճախ վճռում են տեղեկատվական պայքարի հոգեբանական միջոցառումները, որոնք հանդես բերելով հակառակորդի ուժերում ապատեղեկատվություն, առաջացնում են խուճապի մթնոլորտ, թուլացնում մարտունակության ոգին: Մինչդեռ, տեղեկատվական անվտանգության խնդիրը առաջանում է ոչ թե հենց տեղեկատվական ագրեսիայի կամ հարձակման պահին, այլ հասարակության, պետության կենսունակության համար անհրաժեշտ տեղեկատվական հոսքերի մշտական գործառնության պայմաններում: Այն կարող է վտանգվել ինչպես արտաքին կամ ներքին սպառնալիքների ներգործությամբ, այնպես էլ, համապատասխան ոլորտներում անվտանգության միջոցառումների ոչ բավարար մակարդակի արդյունքում: Ժամանակակից միջազգային հարաբերությունների տեսական ընկալումներն անհնար են դառնում առանց հաշվի առնելու նոր տեղեկատվական տեխնոլոգիաների դերը: Քանզի տեղեկատվական գործընթացները ստեղծել են արտաքին քաղաքական ներգործության նոր միջոցներ: Եվ դասական գործիքների շարքում, այն է՝ ռազմական ուժ, տնտեսություն, դիվանագիտություն, տեղեկատվական ռեսուրսները ձեռք են բերում առաջնային նշանակություն: Տեղեկատվական պատերազմը վեր է ածվել պետության արտաքին քաղաքականության լիարժեք գործիքի: Շարունակ կատարելագործվում են հոգևոր ինքնավարության դեմ ուղղված համալիր տեղեկատվա-դիվերսիոն օպերացիաները: Տեղեկատվական ահաբեկչությունները ուղեկցվում են տեղեկատվական տարածքում ապատեղեկատվության հոսքերով, որոնց հիմնական սկզբունքը համարվում է քաղաքակրթությունների բախման և հոգևորի ուրացման թեզը: Մինչդեռ, հոգևոր ինքնիշխանության հիմքը համարվում է հոգևորի և քաղաքակրթությունների երկխոսության համադրությունը:

Եղել են ժամանակներ, երբ ազգային խնդիրներով մտահոգված լինելը վերագրվել է նացիոնալիզմին, իսկ նրա ներկայի ու ապագայի հանդեպ դրսևորած անտարբերությունը՝ դեմոկրատիզմին: Մինչդեռ

«հայ գրականության մեջ իշխող գաղափարը, նրա հիմնական առաջ-մղիչ ուժը ազգային գոյության, ազգային անկախության գաղափարն է, այդ գաղափարը կարմիր թելի նման անցնում է մեր գրականության միջով սկզբից մինչև մեր օրերը [1]: Այլ կերպ չէր էլ կարող լինել, որով-հետև դարերի մաքառում է եղել հայի կյանքը: Եվ մաքառման ու ազգա-յին դիմագծի պահպանման արվեստ է եղել նրա հանճարների ստեղծա-ծը: Այդ պատճառով էլ հայրենասիրական մոտիվը երբեմն նեղացրել է մյուս մոտիվների տեղը, որոշակի միակողմանիություն հաղորդելով մեր արվեստին:

Տեղեկատվական և հեռահաղորդակցության տեխնոլոգիաները մարդկային գործունեության բոլոր ոլորտներում դարձել են կառավար-ման արդյունավետության բարձրացման կարևոր միջոցներ: Սակայն տեղեկատվական հասարակության առավելությունների մասին խոսե-լիս, չպետք է անտեսել այն, որ տեղեկատվական հեղափոխությունը նոր հնարավորությունների և լուծումների հետ մեկտեղ, ասպարեզ բե-րեց բազում խնդիրներ: «Տեղեկատվական հասարակության մեջ գոյութ-յուն ունի շահագործման, անվստահության ու օտարացման նոր, ավելի բարդ ձևերի առաջացման վտանգ: Նախկին ձևերը, որոնք տնտեսական բնույթի էին, պահպանվում են, սակայն կորցնում են իրենց կարևորութ-յունն ու հրատապությունը: Նոր ձևերը առաջին հերթին առնչվում են կրթությանը, տեղեկատվությանն ու մշակույթին: Շահագործումը դրսևորվում է գովազդի, հեռուստատեսության և հաղորդակցության այլ միջոցների օգնությամբ արհեստական պահանջմունքներ, վարքի ծրագ-րավորված կանոններ, կեղծ ու խեղաթյուրված իդեալներ ու արժեքներ ներշնչելու ձևով, մարդու շահերի ու հայացքների ձեռնածություններով: Այսօրինակ շահագործումը հանգեցնում է մարդու ինքնաօտարման, ինքնաիրացման անհնարինության, անձնային նույնականացման կոր-ծանման» [2]: Ժամանակակից տեղեկատվական տեխնոլոգիաները հա-սարակության ամենօրյա կյանքում իրենց օգտագործման ոլորտների ընդլայնմանը զուգընթաց, ստեղծում են մանիպուլյացիոն ներգործութ-յան պոտենցիալ հնարավորություններ: Առավել վտանգավոր են զանգ-վածային գիտակցության վրա ազդող և այն մանիպուլյացիայի ենթար-կող տեխնոլոգիաները, որոնք արագորեն տարածվելով, վեր ենածվել տեղեկատվական հասարակության կարևորագույն բաղադրիչի: Իրա-կանությունից փախուստը՝ որպես հոգևոր օտարման առավել տարած-ված ձև, բնութագրվում է զանգվածային մշակույթի արժեքների ընկալ-ման դյուրամատչելիությամբ ու վաղանցիկությամբ: Զանգվածային մշակույթը կամ կեՆսաոճերի ինդուստրիան այսօր ստեղծել է իրակա-նությունից երազների երևակայական աշխարհը փախուստի ամենա-

տարբեր ձևեր: Դրանց շնորհիվ «զանգվածային մարդու» կամ «շուկայական կողմնորոշումով» պասիվորեն սպառող անձնավորության մոտ ձևավորվել են արհեստական պահանջմունքներ և հայտեր [3]: Իրային հարաբերություններն էապես ձևափոխվում են, կյանքի կոչելով սոցիալական հսկողության ավելի «կաղապարված» ձևեր, որոնք ամփոփվում են ընդհանրական մշակույթի մեջ, որը ստեղծում է հոգևոր օտարման նոր ձևեր [4]: Գլոբալ տեղեկատվական ցանցերի ինտենսիվ օգտագործման պայմաններում ծագում են մշակութային ագրեսիայի նոր ձևեր, որոնք ընդունակ են վտանգել հասարակությունների մշակութային և ազգային յուրօրինակությունը: Հետևաբար, գլոբալացումն իր մեջ ներառում է ինչպես գրավիչ կողմեր, այնպես էլ բազմաթիվ ռիսկեր: Իսկ ճանապարհը դեպի գլոբալ տարածություն այլընտրանք չունի, քանի որ ինքնամեկուսացումը ստեղծում է ապահովության խաբուսիկ և ժամանակավոր շղարշ: Եվ այդ վտանգներին հակազդելու արդյունավետ մեթոդները կայանում են ոչ թե գլոբալ տեղեկատվական տարածությունից խուսափելու, այլ այդ տարածության գործընթացներին ազգանպաստ մասնակցության մեջ: Դա նշանակում է այնպիսի միջոցների ապահովում, որոնք ազգային մշակույթը, սովորույթներն ու հոգևոր արժեքները զերծ կպահեն օտար տեղեկատվածին սպառնալիքներից: Եվ տեղեկատվական գերազանցությունը ենթադրում է իրադրության վերաբերյալ տեղեկատվության հավաքման, մշակման, տեղաբաշխման, ինչպես նաև հակառակորդի նմանատիպ գործողությունների խոչընդոտման ունակություն, միաժամանակ մնալով անկանխատեսելի: Իսկ այնպիսի տեղեկատվածին սպառնալիքներից, ինչպիսին «հակառակորդի մշակութային ժառանգության նկատմամբ բացասական վերաբերմունքի ստեղծումն» է, գրեթե անհնար է պաշտպանվել արգելող գործողություններով: Եվ «մշակութային պատերազմ» կոչվող տեղեկատվական հակամարտության կանխարգելման ամենից արդյունավետ և պարզ միջոցը, պարզապես «մշակութային ժառանգության,, նկատմամբ արժանավայել վերաբերմունքի դրսևորումն է: Խնդիրը սեփական հոգևոր-մշակութային արժեքները նախ ըստ էության գնահատելու, իր բարձրության վրա պահելու և տեղեկատվական ցանցի միջոցով տարբեր քաղաքակրթությունների հետ մշակութային փոխազդեցություն ստեղծելու մեջ է: Ինչպես նաև ազգային-հոգևոր հայրենասիրական թեմաներով նոր ստեղծագործություններին ընդառաջելու և դրանց նկատմամբ համակարգված խրախուսման քաղաքականության իրականացման մեջ է: Այս առումով, Հրանտ Մաթևոսյանի հանճարեղ խոսքը կա, որ երկրները բանակներով չեն նվաճում, երկրները նվաճում են մշակույթով, իսկ բանակները հետո են գալիս: Ժամանակակից միջազ-

գային հարաբերություններում տեղեկատվական մրցակցությունը միջպետական պայքարի կարևոր ձևերից է: Տեղեկատվական պատերազմները, որպես հակամարտության սկզբունքորեն նոր տիպ, ձգտում են ընդգրկել մարդկային գործունեության բոլոր ոլորտները: Ինչպես յուրաքանչյուր պատերազմ, այնպես էլ տեղեկատվական պատերազմները ենթադրում են հարձակողական և պաշտպանական միջոցառումների իրականացում: Եվ տեղեկատվական անվտանգության ապահովումը չի սահմանափակվում պաշտպանական միջոցառումների իրականացմամբ: Խնդիրը կայանում է նրանում, որ տեղեկատվական պաշտպանության հայեցակարգում կարևոր են նաև ինքնապաշտպանության նպատակով տեղեկատվական հակահարձակումները: «Տեղեկատվական անվտանգության տակ, – գրում են Յու. Կուզնեցովը և Վ. Նիկոլսկին, – հասկանում ենք հասարակության այնպիսի վիճակ, երբ դրան ուղղված տեղեկատվական ագրեսիան կլինի պակաս արդյունավետ, իսկ ինքը՝ հասարակությունը, տեղեկատվական առումով ի զորու տեղեկատվական զենքով ամբողջովին ապակազմավորել, վնասազերծել և իր կամքին ենթարկել ագրեսորին: Այսինքն՝ հասարակությունը պետք է գիտակցական առումով ունենա տեղեկատվական առավելություն յուրաքանչյուրի նկատմամբ» [5]: Գիտակցության և հասարակական կարծիքի մանիպուլյացիայի ուսումնասիրությամբ զբաղվել է Ս. Կարա-Մուրզան: Հասարակական-քաղաքական կյանքի հետազոտությունների արդյունքում բազմակողմանիորեն վերլուծելով մանիպուլյացիայի գործընթացների մի շարք կարևոր հարցեր, նա իր «Գիտակցության մանիպուլյացիան» աշխատության մեջ առանձնացնում է մանիպուլյացիայի հետևյալ հատկանիշները.

1. Մանիպուլյացիան հոգևոր, հոգեբանական ազդեցության տարատեսակ է, որի թիրախ են հանդիսանում մարդկային անհատի ոգին, հոգեկան կառուցվածքները: Այս կապակցությանբ նա վկայակոչում է նաև գերմանացի սոցիոլոգ Հ. Ֆրանկեի հետևյալ բնորոշումը. «Մանիպուլյացիայի տակ մեծամասամբ պետք է հասկանալ հոգեկան ազդեցություն, որն իրականացվում է գաղտնի, հետևաբար՝ ի վնաս այն մարդկանց, որոնց այն ուղղված է»:

2. Մանիպուլյացիան թաքնված ազդեցություն է, որի գոյության փաստը չպետք է նկատվի մանիպուլյացիայի օբյեկտի կողմից, քանզի, ինչպես նկատում է Գ. Շիլլերը. «Հաջողության հասնելու համար անհրաժեշտ է, որպեսզի մանիպուլյացիան մնա աննկատ: Մանիպուլյացիայի հաջողությունը երաշխավորված է, երբ մանիպուլացվողը հավատում է, որ տեղի ունեցող ամեն բան բնական է և անխուսափելի: Կարճ

սած՝ մանիպուլյացիայի համար անհրաժեշտ է կեղծ իրականություն, որում նրա առկայությունը չի զգացվի»:

3. Մանիպուլյացիան համապատասխան վարպետության և գիտելիքների անհրաժեշտություն ենթադրող ազդեցություն է: Հիմնականում այն ենթադրում է որոշակի մասնագիտական պատրաստվածություն:

4. Մանիպուլյատիվ ակտում հասցեատերը դիտվում կամ հանդես է գալիս սոսկ որպես օբյեկտ, առարկա, այլ ոչ՝ մարդկային անձ, անհատ [6]:

Այս կապակցությամբ խիստ հատկանշական է նաև Լ. Շերշնյովի հետևյալ սահմանումը. «Տեղեկատվական անվտանգությունը պետության, հասարակության, սոցիալական խմբի, անհատի ընդունակությունն է որոշակի հավանականությամբ ապահովելու տեղեկատվական ռեսուրսներ և հոսքեր կենսագործունեության, կայուն գործառնության և զարգացման համար, հակազդելու տեղեկատվական վտանգներին և սպառնալիքներին, մարդկանց հոգեկանին, անհատական և հասարակական գիտակցությանը, ինչպես նաև համակարգչային ցանցերին և տեղեկատվության այլ տեխնիկական աղբյուրներին ուղղված բացասական տեղեկատվական ազդեցություններին, մշակելու անվտանգ վարքի անհատական և խմբային հմտություններ ու կարողություններ, ապահովելու համարժեք գործողությունների մշտական պատրաստվածություն տեղեկատվական հակամարտության մեջ՝ անկախ այն բանից, թե ում կողմից է այն հրահրվել» [7]:

Աշխարհաքաղաքական զարգացումների արդի դարաշրջանը պարտադրում է անդրադառնալ մեր ազգային արվեստի պատմական առաքելությանը, որը կնպաստի ազգի գերագույն շահերի, իդեալների, գաղափարների, համոզմունքների և դեպի ազգանպաստ ապագա տանող դիրքորոշումների, ամբողջական համակարգի ձևավորմանը: Թումանյանը քննադատել է այն գրողներին, որոնք ժխտելով արվեստի հասարակական դերը՝ թևածում են եթերային բարձունքներում՝ կտրված հողից, մարդուց, կյանքից: Արվեստը ի վիճակի է կենսահաստատ կամք, նպատակաուղղված իմաստնություն հաղորդել քաղաքացիական հասարակության կայացմանն ու ինքնատիպության պահպանմանը, նպաստել նրա արժանապատիվ հարատևման պետական ձևերի զարգացմանն ուղղված կառուցողական գործընթացներին: Քաղաքացիական հասարակության կայացումը ինքնանպատակ ձգտում չէ, այն պարզապես, քաղաքակիրթ պետություն ստեղծելու միակ ուղին է: Համաշխարհային փորձը ցույց է տալիս, որ ժողովրդավարությունը բարօրություն է, եթե այն ձգտում է համապատասխանել տվյալ ժողովրդի քաղաքական մշակույթին ու հոգեկերտվածքին: Ազգի ներդաշնակ հա-

բատնումը, որպես մշտակա ներքին պահանջմունք, պարտադրում է հասկանալ պատմության խորհուրդը, գոյության իմաստը: Այդ նպատակով են մշակվել գաղափարախոսությունները, որպես հոգևոր ուրույնության դրսևորում համաշխարհային քաղաքակրթության մեջ: Ազգի գերակա շահերը արտացոլվել են զգացմունքների, արժեկողմնորոշումների և աշխարհընկալման առանձնահատկությամբ: Եվ ազգային հպարտությանը՝ որպես առավել զարգացած զգացմունքի, բնորոշ են ինքնագնահատանքը, համամարդկային ձեռքբերումների մեջ իր ազգի ներդրումների գիտակցությունը և այլն: Թումանյանը ամոթալի է համարել, որ ժամանակակիցները ոչ միայն հարևան ժողովուրդներին լավ չեն ճանաչում, այլև իրենց. չգիտենք մեր երկիրը, ժողովրդին, նրա մշակույթը, պատմությունը, չգիտենք, թե ինչ ենք եղել, արել, «ինչ ճանապարհով ենք էստեղ հասել»: Եվ բնավ զարմանալի չէ, ասում է նա, որ «էս դրության մեջ գտնվող մարդը իր անհատական խեղճությունն ու դատարկությունը հեշտ կտարածի իր ամբողջ ցեղի ու նրա անցյալի վրա, կարհամարհի իր ցեղը, իր անունից կամաչի, կուրանա, իրեն թույլ կտա իր ցեղի վերաբերյալ ամեն ստորություն, և շատ-շատ կդառնա մի միջազգային ոչնչություն, որ աշխարհում ոչինչ չի հարգում սկսած իրենից» [8]: Պատմական բարդ ու դժվարին ժամանակաշրջաններում ազգային հոգևոր արժեքների ստեղծման, պահպանման և տեղայնացման գործում հսկայական դերակատարում է ունեցել Հայ եկեղեցին, շարունակաբար իրագործելով հայության ազգային-պետական, գաղափարական և սոցիալական կազմակերպումը, հնարավորություն է տվել պահպանել ազգային ինքնությունը: Բարոյական կայուն արժեհամակարգի, գիտատեխնիկական, գիտակրթական բնագավառներում նշանակալից ձեռքբերումների, և համազգային ներդաշնակության արդյունքում է ապահովվում արտաքին հարաբերությունների արդյունավետ ընթացքը: Հետևաբար, հասարակության ազգանպաստ կենսակերպի, աշխարհայացքի և մտածողության առաջընթացի ապահովման գործում, որպես տեղեկատվական ներգործության ավանդական միջոց, առանձնահատուկ է ազգային մշակույթի դերն ու նշանակությունը: Այն ձևավորում է քաղաքական-քաղաքացիական ազգ, որը միջազգային հարաբերություններում լինելով քաղաքական, իսկ ազգ-պետության մեջ՝ քաղաքացիական գործոն, ուղղորդում է իր բոլոր կարողությունները, որպեսզի ստեղծվի արժանապատիվ հարատևման բարեհարդար միջավայր: Մշակույթները հանդիսանալով ազգերի ստեղծագործական աշխատանքի հավաքական արդյունք, որպես ինքնության դրսևորում և ազգային նկարագիր, պահպանվում են ինքնատիպության շնորհիվ և բարգավաճում ու հարստանում են միմյանցով: Քանզի ազգը որպես

մշակութային և քաղաքական միավոր, գոյություն ունի մյուս ազգերի հետ փոխառնչության պայմաններում, իր ինքնադրսևորման շնորհիվ: Արդի մարտահրավերների պայմաններում էլ ավելի անհրաժեշտ է պահպանել ժամանակակից քաղաքակրթության ներդաշնակությունը հին քաղաքակրթության հետ, այսինքն չպետք է անտեսվեն այն ակունքները, որոնք նպաստել են նրա ձևավորմանը: Հայաստանին վերաբերվել են հարգանքով, քանզի ճիշտ է արտացոլվել նրա ուրույն տեղն աշխարհում, նրա դիրքորոշումը և արժեքավոր ներդրումները համաշխարհային քաղաքակրթության զարգացման մեջ: Այստեղ տեղին է մեջբերել Վ. Բրյուսովի այն միտքը, որ հայը ուշադրության է արժանի ոչ միայն դարեր շարունակ կրած տառապանքների, այլև «բարձրկուլտուրական ժողովրդի իրավունքով՝ խոսքի ամենալավ իմաստով»: Իսկ մեր պոեզիան նա համարել է «հայ ժողովրդի ազնվականության վկայականը»: Ահա հենց այս վկայականով է, որ մենք այսօր ևս պետք է ներկայանանք աշխարհին:

Ժամանակին զուգընթաց, փոխվում է միջազգային հարաբերությունների և պետությունների միջև մրցակցության բնույթը, որը չի տանում հակամարտության վերացման: Պարզապես ժամանակակից հակամարտությունները դարձել են քողարկված և մշակութային, որտեղ ամերիկացի քաղաքագետ Սամուել Հանթինգթոնի բնորոշմամբ, երկաթե վարագույրներին փոխարինում են թավշյա վարագույրները, իսկ միջազգային հարաբերություններում մեծանում է քաղաքակրթական և մշակութային գործոնի դերը: Քաղաքացիական հասարակության ձևավորման ու ամրապնդման գործընթացը այնքան բարդ է ու շարունակական, որքան ինքը կյանքը: Փոխվում են հասարակության սոցիալտնտեսական, իրավաքաղաքական ու բարոյամշակութային պայմանները, ի հայտ են գալիս բազմաբնույթ ռիսկեր ու վտանգներ: Հասարակական զարգացումն ամբողջովին չի ներկայանում որպես անընդհատ շարժում դեպի առաջադիմություն: Այդ ճանապարհը երբեմն ուղեկցվում է նաև կորուստներով և սոցիալական նահանջներով, որի արդյունքում հասարակական կյանքն առաջադրում է նորանոր խնդիրներ: Ժամանակակից արդիականացման ուղին, որով ընթանում է մեր երկիրը լի է ամեն տեսակի վտանգներով ու ռիսկերով: Այս առումով հսկայական է ազգանպաստ հոգևոր-մշակութային գործընթացների դերակատարությունը, որտեղ ազգային գիտակցությունը հենվում է հոգևոր սկզբունքների և քաղաքակրթությունների երկխոսության վրա: Իսկ տեղեկատվա-հետախուզական կառույցների հետ համատեղ ջանքերով, առավել վերահսկելի է դառնում երկրի տեղեկատվա-գաղափարական տարածքը, պետության դրական իմիջի պահպանումը և բացա-

սական նյութերի ներթափանցման արգելափակումը: «Էթնոմշակութային ապաստարանը» որպես գոյատևման գեղագիտական նախագիծ,, հոդվածում Էդուարդ Հարությունյանը հայ ազգի առաջընթացը պայմանավորում է ազգային մշակույթի և ժամանակակից քաղաքակրթության երկխոսության կայացման հնարավորություններով, «որևէ ազգի պատմական հեռանկարը կամ նրա շարունակականությունը հնարավոր դարձնելու հավանականությունը կախված է այն բանից, թե տվյալ ազգը մշակույթի և քաղաքակրթության համագոյակցության հարցում որքանով է հաջողել» [9]: Թումանյանը հիմնավոր է զբաղվել իր ժողովրդի ներկայի ու ապագայի հարցերով, նրա անցած ճանապարհի դասերի ու հայկական դատի պրոբլեմներով: Բեռլինի վեհաժողովը (1878 հունիս-հուլիս) բացահայտել էր եվրոպական դիվանագիտության իսկական դեմքը առանց շպարի ու հավուր պատշաճի ժպիտների: Պարզվել էր, որ ոչ մի հիմք չէին ունեցել տասնամյակներ շարունակ գուրգուրած ակնկալությունները: «Եվ զարհուրելին էն է, որ էդ վիճակի, էդ ճակատագրի պատճառները պատահական չեն, այլ մեծ մասամբ մշտական ու հաստատուն, բնության օրենքների նման, ուստի և նրանց հետևանքներն ու ազդեցություններն էլ եղել են ու մնում են անվերջ, անփոփոխ» [10]: Ժողովրդի պատմության խորհուրդը ըմբռնած, նրա արյունոտ ներկան, նրա կյանքն ու բնավորությունը լավ իմացող, նրա ապագայի ուղիները հետախուզած, նրա հոգևոր անսպառ արժեքներին հասու և դրանք համամարդկային չափանիշներով կշռող բանաստեղծի նոր խոսքը երբեմն ճիշտ չի ընկալվել: Մինչդեռ, մեծ ու խոր միտքը հարուցել է և խոր և անմիջական զգացմունք: Այդպիսին է եղել խոհի և զգացմունքի հարաբերությունը բոլոր ժամանակների գրականությունների մեջ: Թումանյանը հասու էր «քաղաքակիրթ Եվրոպայի քաղաքականության հիմքերի հիմքին. «…Եվրոպական մեծ պետությունները, որոնք դեմ են եղել Ռուսաստանի զորացմանն Արևելքում – պետք է պաշտպանեին Տաճկաստանին ու դեմ լինեին հայկական հարցին» [11]: Հայաստանի հոգևոր ինքնիշխանության գրավականը, տեղեկատվական տարածքում ազգային հոգևոր և բարոյական արժեքների գերակայության ապահովումն է: Քանզի ազգի ձևավորման բազմադարյա գործընթացը, իրականացվել է մարդկային հոգևոր և մտավոր ունակություններով մշակութաստեղծ, համատեղ աշխատանքի արդյունքում: Բարոյական արժեհամակարգի պահպանումը, ինքնին հանդիսանում է մշակույթի և քաղաքակրթության ընդլայնված վերարտադրության միջոց: Եվ տեղեկատվական հակազդեցության հիմնական պայմանը արժանավայել վերաբերմունքի պահպանումն է ազգանպաստ մշակութային ժառանգության նկատմամբ: Այն մշակույթի, որը մեր ժողովրդի պատմական

բարդ իրավիճակներում հանդիսացել է ազգային դիմագծի պահպանման, արժանապատիվ հարատևման և միջազգային ասպարեզում ճանաչողության վառ ու անառարկելի միջոց:

1. *Տերյան Վ.,* Երկերի ժողովածու, հ. 2, 1961, էջ 251:
2. Էլվին Թոֆլեր Գիտելիքն ու իշխանությունը տեղեկատվական հասարակության մեջ, Եր., 2006, էջ 59:
3. *Фетисова Т.А.* Культура города. Человек: образ и сущность. М.: ИНИОН, 2000. СС. 80–88; *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
4. *Пигалев А.И.* Филосовский хигилизм и кризис культуры. Саратов, 1991. С. 40.
5. *Кузнецов Ю., Никольский В.* Введение в теорию национальной безопасности, 2008, 803с. // http://safety.spbstu.ru/book/
6. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. Гл. 2. М.: Эксмо, 2008. // http://www.tuad.nsk.ru/-history/Author/Russ/K/Kara-Murza/Artikles/sozn/indeks.html
7. *Шершнев Л.* Информационная безопасность России // Безопасность. Инф. Сб. 1993, И 11–12. СС. 49–50.
8. *Թումանյան Հ.,* Երկերի ժողովածու, հ. 6, 1959, էջ 174:
9. *Հարությունյան Էդ.,* Էթնոմ շակութային ապաստարանը,, որպես գոյատևման գեղագիտական նախագիծ, ԲԱՆԲԵՐ, առանձնատիպ, 132.4, Եր., 2010, էջ 12:
10. *Թումանյան Հ.,* Երկերի ժողովածու, հ. 6, 1959, էջ 322:
11. *Թումանյան Հ.,* Երկերի ժողովածու, հ. 4, 1951, էջ 235:

NATION-DEVOTED (KAM PATRIOTIC) CULTURE AS A PREVENTIVE SYSTEM OF INFORMATION (KAM INFORMATION-BORN) THREATS

Summary

This article is dedicated to the study of preventive means of information-originated threats. Information security, as preventive system of information-originated threats, is evolved by interaction of internal and external processes. Currently information war has become a full-fledge tool of a state's foreign policy. In cases of intensification of global information networks new forms of cultural aggression are born which are able to endanger cultural and national peculiarity of societies. The most simple and effective tool to prevent information conflict known as “cultural war” is simply the protection of worthy attitude towards “cultural heritage”. The active role of information in foreign policy is conditioned by changes inside the public which are marked by genesis of “information” society and globalization processes accompanying it. Hence, in order to psychologically counteract internal and external challenges there is a need to forge a patriotic opinion, to take a stand.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

Аннотация

Статья посвящена изучению способов предупреждение информационных угроз. Информационная безопасность как предупредительная система информационных угроз проявляется во взаимодействии внутренних и внешних процессов. В настоящее время информационная война превратилось в полноценный инструмент внешней политики государства. А в условиях интенсификации глобальных информационных сетей возникают новые формы культурной агрессии, которые могут подвергнуть опасности культурную и национальную самобытность общества. Наиболее простым и эффективным способом предупреждения информационного противоборства, называемого «культурной войной» является сохранение достойного отношение к «культурному наследию». Активная роль информации во внешней политике обусловлена переменами внутри общества, которые знаменуются возникновением «информационного» общества и сопровождающих его процессов глобализации. Следовательно, для информационно психологического противодействия в отношении внутренних и внешних вызовов необходимо сформировать такое общественное мнение и заметь соответствующую позицию, которые вытекают из интересов нации.

ПИР КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГОСТЕПРИИМСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

Г.В. Саркисян

В качестве культурной традиции, гостеприимство прошло через эволюционный фильтр, развиваясь и видоизменяясь, не потеряв при этом своей актуальности. Статья представляет собой историко-культурологическое исследование одной из важных составляющих средневекового гостеприимства – пиршественной трапезы. На фактическом материале из множества лишенных единства разрозненных фактов, сделана попытка воссоздания целостной картины средневекового пира в Армении, характеризующего особенности положения и социального общения представителей знати.

Ключевые слова: пир, приглашение, представители знати, социальное положение.

Пиршественная трапеза была важнейшей частью средневекового социума Армении и, нередко, в условиях политической пассивности оказывалась основным средством коммуникации. Произведения средневековых авторов содержат отдельные фрагменты о застолье в элитарных кругах, где последнее являлось не только обычаем, ритуалом, способом хорошо поесть, повеселиться, но и средством регулирования межчеловеческих отношений[1]. Участие в пирах было обязательным составным элементом времяпрепровождения армянской знати, т.к. преимущественно здесь она имела возможность блистать во всей красе, подчеркивая свое превосходство друг перед другом.

Пиры устраивались по разным поводам: в дни религиозных праздников, в честь победы или подписания мирного договора, в честь должностного лица, посетившего то или иное место[2]. Трапезой сопровождались

[1] К теме пира в своей работе *«Ճաշեր և խնջույք հին Հայաստանի մեջ». Վենետիկ, Ս. Ղազար, 1912* обращался В. Ацуни. Наше исследование, помимо сведений, полученных из указанной книги, содержит дополнительные данные, полученные из ряда источников.

[2] Примером из досредневековой истории Армении может служить примирение враждовавших между собой царей Парфии (Ород II) и Армении (Артавазд), что выразилось в устроительстве пиров, которые соперники задавали друг другу / Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. М., 1963. С. 262.

свадьбы, дни рождения, крестины, похороны, а также заканчивалась охота, которая считалась одним из действенных способов развлечения гостей.

Нередко пиры избирались для сведения счетов с противником и внезапной жестокой расправы над неугодными лицами. Где, как не за столом жертва могла расслабиться и потерять бдительность. История средневековой Армении предлагает немало подобных примеров. Именно во время званого ужина царь Пап отравил католикоса Нерсеса за то, что «тот порицал его за злодеяния и грехи»; сам Пап был убит во время ужина греческим полководцем Терентием; по приказу царя Вараздата во время застолья был убит полководец Мушег и т.д. [1]. Следует отметить, что использование пира для расправы с неугодными лицами рассматривается средневековыми авторами как нарушение традиции гостеприимства, как проявление жестокости и коварства.

Хозяевами пира, как правило, являлись цари, представители местной знати и высшего духовенства, а также представители иноземных конфессий. Во время разъездов царя и его придворных по стране (либо в военном походе), местные феодалы брали на себя организацию званых обедов. Путешествующую свиту царя, называемую Корюном[3] «*азатское войско*» (арм. *ազատազունդն բանակն*)[4] составляли: придворные, *нахарары* (арм. *նախարար*)[5]*, азарапет* (арм.*հազարապետ* – тысяцкий)[6] *и спарапет* (арм. *սպարապետ* – главнокомандующий армией), дворцовый епископ, а также азатский отряд телохранителей царя [2]. Согласно армянскому историографу Агатангелосу (Vв.), во время поездки царя Трдата и Григория Просветителя в Рим к императору Константину, князья провинций, расположенных на пути следования царского кортежа, торжественно встречали именитых гостей и оказывали им большие почести [3].

Количество и статус приглашенных зависели от положения в обществе и возможностей приглашающего. О примерном количестве приглашенных на царский пир узнаем у армянского историографа Фавстоса Бузанда (IV или Vв.), который утверждает, что «девятьсот человек принимали участие в придворных званых пиршествах, восседая на своих подушках; не считая лиц, стоявших на ногах для обслуживания» [1].

Как правило, на царский пир приглашались только главы семейств. Одним из примечательных моментов застолья являлось отсутствие жен и

[3] Корюн – армянский историк, писатель и переводчик (Vв.).

[4] Азат – лицо, относящееся к феодальному сословию, дворянин. Հրաչեայ Աճառեան: Հայերէն Արմատական Բառարան, Եր., ԵՊՀ հրատ., 1926:

[5] Нахарар – крупный землевладелец, феодал, занимающий высшие государственные должности. Будучи полновластным хозяином в своих владениях, он находился в вассальной зависимости от царя. См. там же.

[6] Азарапет – представитель княжеского рода, стоящий во главе тысячного войска; высший чин по ведомству государственных доходов. Հրաչեայ Աճառեան: Հայերէն Արմատական Բառարան.

дочерей за столом. Нежелательными гостями были *урацохк* (арм. *ուրա-ցողք* – неблагодарные) – люди, отрекшиеся от христианской веры. Когда Васак Мамиконян перешёл на сторону персов, никто не хотел сидеть с ним за одним столом. После удачных переговоров Ваана Мамиконяна с персидским послом, последний устроил званый ужин для Ваана и его сподвижников, не забыв при этом удалить с позором вероотступников из пиршественного зала [4].

Во время Вагаршапатского собора был учрежден следующий закон – «Кто пойдет в дом язычника и станет там пить и есть, тот должен три года каяться» [5]. В противовес этому, люди, посвятившие себя делу укрепления христианства, всегда были желанными гостями. У Корюна[7] читаем, как навстречу Месропу Маштоцу вышел правитель Гохтна по имени Шабит; «почтительно и гостеприимно приняв его, он с благоговением прислуживал ему, как это подобает ученикам веры Христа» [2]. Подобный прием Маштоцу оказал ишхан Гардмана, представивший в распоряжение вардапета все свое княжество.

Для участия на званом обеде гости зачастую преодолевали очень большие расстояния. В каждом знатном доме были гонцы, которые разносили приглашения от имени хозяина.

Как правило, представители знати ходили на званые обеды в сопровождении слуг, которые и там прислуживали своим хозяевам. Немало в истории случаев, когда хозяева выезжали навстречу гостю, прибывшему издалека. Навстречу князю Агванка, прибывшему в Вагаршапат в царский дворец по приглашению греческого императора Константианоса, вышла вся придворная знать и торжественно препроводила гостя во дворец [6].

Если прием был организован в честь важной особы, которая по каким-либо причинам не могла присутствовать, то прием отменялся, несмотря на то, что были и другие приглашенные. Тем самым давали знать, что без данной особы не может быть веселья.

Естественно, на прием приглашенные одевали свою лучшую одежду – «шелковые одеяния, украшенные блестящей бахромой и ожерельями, сияющие наряды и прекрасные украшения» [3]. Важным атрибутом одежды являлось драгоценное оружие в виде меча в золотых ножнах, с украшенным драгоценными камнями и жемчугами поясом. Васак Мамиконян, которого пригласили на ужин к персидскому царю согласно древнему порядку и дворцовому обычаю, надел парадную одежду: он наложил «почетную повязку на волосы, а сверху возложил золотую тиару», вокруг стана надел кованый, золотой пояс, украшенный жемчугами и драгоценными камнями, в уши вдел серьги, на шею надел ожерелье, «и соболей на плечи, и, так возложив на себя все положенные знаки благородства, отправился во дворец» [7].

---

[7] Корюн – армянский историограф и переводчик (Vв.), изложивший историю создания Месропом Маштоцом армянской письменности.

За столом не принято было сидеть в головном уборе. Однако цари и особо отличившиеся представители знати надевали на голову *«патив»* (арм. *պատիվ*)[8]. Кроме головного *«патива»* существовали и другие знаки отличия – специальное одеяние, серьги, жалуемые царем в награду за особые заслуги. Существовал также нагрудный *«патив»* – *«апизак»* (арм. *ապիզակ*) [1]. Царь Арташес, «почтенному мужу Аргаму пожаловал усыпанный яхонтами венец, пару серег для ушей, красную обувь для одной ноги, право пользоваться золотой ложкой и вилкой и пить из золотых кубков» [8]. В данном случае речь идет о 189–160гг. до н.э., однако эта традиция могла сохраниться и в Средневековье.

Помимо одежды, большое внимание уделялось обтиранию различными благовониями и маслами. Историк V века Лазарь Парпеци отмечает, что Армения и, особенно Айрарат, были богаты благоухающими растениями, чей нектар со своим сладостным ароматом наливался в стеклянные флаконы и использовался как духи [4]. Иногда вешали на шею небольшой мешочек с ладаном.

Что касается времени застолья, то еще во II веке до н.э. царь Вагаршак у себя во дворце назначил часы присутствия, советов, пиров и развлечений [8]. Не исключено, что данное правило продолжало действовать и в средние века. У Фавстоса Бюзанда царь Пап пригласил к себе на ужин правителя одной из пограничных областей Армении Глака Мардпета в девять часов вечера.

Вероятно, гости перед тем, как войти в обеденный зал, собирались в каком-то другом зале в ожидании остальных гостей. Когда все были в сборе, церемониймейстер приглашал гостей в обеденный зал [7]. Иногда это делал сам хозяин. Ацуни отмечает нормы этикета, согласно которым, гости должны были отказываться от угощения, объясняя это отсутствием аппетита, а единственная причина, по которой они здесь – желание увидеться с хозяином. Однако после некоторых уговоров, гости благополучно шествовали в обеденный зал [5]. Очевидно, что отдельные элементы норм тогдашнего этикета сохранились по сей день.

Помимо прочего, порядок в организации и проведении пира выражался в четком распределении гостей по местам. Обеды, которые давали цари, носили больше официальный, чем дружеский характер, а среди участников была заметна четкая иерархия и этно-конфессиональное разнообразие.

Во время царских приемов во главе стола восседал царь. Однако бывали случаи, когда царь уступал свое место первосвященнику. Царь Пап пригласил католикоса Нерсеса к себе во дворец, велел приготовить для

[8] *Патив* – почет, почесть; головная повязка, которую жаловал царь нахарарам. Одна из разновидностей *патива* – *гаргманак* – род головного убора или шлема с изображением орла на нем. Հրաչեայ Աճառեան. Հայերէն Արմատական Բառարան, Եր., ԵՀ հրատ., 1926:

него ужин, «упросил Божьего человека сесть на царское седалище...» [1]. Если приглашенные занимали одинаковое положение в обществе, то главное место за столом принадлежало хозяину. Если же среди гостей было лицо, занимающее более высокое положение, нежели сам хозяин, то последний уступал свое место почетному гостю.

За семейным же столом у каждого члена семьи было своё место, которое оставалось за ним даже в случае его отсутствия.

Привилегией высших особ являлись подушки для сидения *бардз* (арм. *բարձ)* и трон *гах* (арм. *գահ,* перс. *gah* – место, отсюда и сидение, трон). У армянских авторов подушки *(бардз)* и трон (*гах)* употребляются в смысле места за царским столом, которое занимали нахарары или другие князья. Этим местом определялось положение и достоинство того или иного вельможи, его ранг, чин или сан, а также отношение к нему. В зависимости от всего этого, сидение могло располагаться ближе или дальше от царя. Показателен в этом отношении пример из «Истории» Фавстоса Бюзанда, рассказывающий о проведенных царем Аршаком в Армении социально-политических и административных преобразованиях, в результате которых «вельможи оказались вновь каждый на своём троне», а подушка царедворца Драстамата была выше подушек всех других нахараров [1]. За столом у персидского Шапуха, *трон* армянского царя Аршака ставили рядом с *троном* персидского царя, они одевали одинаковую одежду одного и того же цвета, «с одними и теми же знаками и украшениями. И ежедневно персидский царь готовил одинаковые венцы для себя и для армянского царя». Однако, когда Аршак впал в немилость, Шапух приказал приготовить сначала *троны* для прочих присутствовавших там царей, а потом, в самом конце, ниже всех приготовить место для армянского царя. Значение подушки и трона было настолько велико, что когда Андоку, владетелю Сюника, достался четырнадцатый *бардз,* тот, обидевшись, не дотронулся до еды [6].

Во время обеда гости сидели на отдельных стульях, которые у историков упоминаются как седалища и почетные кресла, обитые красивой парчой, с подушками. Однако, по ходу застолья, перейдя к вину, сотрапезники могли принимать более непринужденные позы на специальных ложах, опираясь на подушки. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, парфянский сатрап Силлак привез в Арташатский дворец отрубленные голову и правую руку Красса как раз тогда, когда с пиршественных столов уже было убрано, и шла театральная постановка трагедии Еврипида «Вакханки». После представления трофеев царю Артавазду, парфянскому царю Ороду и придворным, слуги, по приказанию армянского царя, в знак поощрения, пригласили Силлака возлечь [9].

Хотя в данном эпизоде события происходят в досредневековой Армении (53г. до н.э.), однако, по нашему убеждению, подобная традиция сохранялась и в Средневековье. Согласно ученому-исследователю, автору многочисленных работ в области истории, археологии и этнографии Армении Н.О. Эмину, персидские и армянские цари возлежали во время приема,

облокотясь на подушку, и своим подданным также жаловали подушки, вследствие чего те получали право возлежать в присутствии царя. Отсюда выражения: а) *барцакиц* (арм. բարձակից) – имеющий право делить подушку с кем-либо, т.е. возлежать [11].

Богатый материал, свидетельствующий о том, что в средневековой Армении искусство изготовления мебели стояло на довольно высоком уровне содержат средневековые миниатюры. Искусные мастера, пользуясь весьма совершенными по тому времени инструментами, создавали высококачественную мебель. Особенно роскошно оформлены кресла и стулья, изображенные на киликийских миниатюрах. Столы, стулья и ложе для возлежания имеют изящные перекладины, узорную резьбу, спинки стульев обтянуты, по-видимому, кожей или дорогой парчой (Илл. 1).

Убранству пиршественных залов и сервировке столов придавалось огромное значение. Приемы устраивались в основном вечером, поэтому помещение нуждалось в хорошем освещении. Для этого использовалось большое количество светильников.

Н.Я. Марр приводит описание большого медного светильника, найденного во время раскопок в городе Ани. Его диаметр около 69 см, на медном пояске высотой 13,25 см имеется 12 изображений – 6 орлов с распростертыми крыльями и 6 крылатых зверей, в нижней части имеется 8 ручек с изображениями голубок. Светильник имеет 114 канделябров [10].

О типах светильников можно узнать из многочисленных рукописных книг. Так, например, около изображений евангелистов нарисованы светильники и лампады, некоторые из которых имели приспособления для вешания на стену, другие стояли на подставках. На миниатюрах можно увидеть изображение приспособления, с помощью которого лампаду спускали вниз, чтобы зажечь, а затем вновь поднимали и ставили на место (Илл. 2).

Столы, покрытые отменными скатертями, были рассчитаны на число приглашенных, а посуда, красовавшаяся на них – изготовлена в основном из благородных металлов и фарфора. Это были «ласкающие взор сосуды с благородными каменьями» [3], золотые сервизы, золотые и серебряные чаши, а также высокие вазы для фруктов и сладостей. Книжные миниатюры дополняют и обогащают наши представления о коллекции армянской посуды. Наряду с металлической, во множестве использовалась керамическая посуда. Высококачественные сорта армянских глин очень рано стали известны не только в родной стране, но и далеко за ее пределами. В древности Армения поставляла Европе и странам Ближнего и Среднего Востока особые сорта глин, экспорт которых давал большую прибыль местному населению [12]. Образцами превосходной керамики богаты киликийские миниатюры XIII века. Эта керамика интересна не только своей формой и узорами, но и цветом. Судя по цвету, многие из них можно причислить к фарфоровой утвари (Илл. 3).

В своей книге «Ремесла и быт в армянских миниатюрах» А. Геворгян представила целые «коллекции» мебели, светильников и посуды из множества средневековых миниатюр.



Илл. 1



Илл. 2



Илл. 3

Главным украшением обеденных столов были вазы с цветами. Егише рассказывает о том, что армянские женщины в своих роскошных садах выращивали душистые цветы. В историческом романе «Самвел» пиршественный стол княгини Мамиконян был украшен яркими цветами и усыпан зелеными листьями [14], а у Мовсеса Хоренаци Трдат Багратуни во время званого ужина, поднявшись на ноги, действовал вазой для цветов как оружием, сгоняя сотрапезников с их кресел. В помещении использовались различные благовония.

Для приёмов был задействован многочисленный обслуживающий персонал. Из «Истории» Егише (V или VIвв.) можем узнать о том, что у дверей великолепных залов стоял церемониймейстер для приема гостей. Здесь же узнаем, что в знатных домах были особые хлебники, повара, специализирующиеся на приготовлении закусок и горячих блюд [7]. Был штемаранапет, который занимался доставкой провизии.

После того, как гости занимали свои места, слуги обязаны были обслуживать каждого персонально. Особо важных обслуживали не слуги, а сам хозяин. Царь Пап, пригласив к себе католикоса Нерсеса, «сняв мантию, стоял на ногах во время ужина, подавал чистое вино» [1]. Если во время пиршеств гостей обслуживали мужчины, то во время домашних обедов эту функцию выполняли женщины.

Если обычная семейная трапеза начиналась с чтения молитвы, то начало званого обеда было более торжественным. После того, как гости усаживались на свои места согласно своему статусу, происходило благословение хлеба [1]. Отсюда следует, что представители духовенства являлись обязательными гостями за царским и княжеским столом.

Пиршественная трапеза состояла из трех частей – еды, винопития и различного рода увеселений. Первой частью застолье начиналось, а

третьей – заканчивалось (исключение составляла охота, которая, будучи средством развлечения, предшествовала застолью).

Как гости, так и хозяева перед трапезой совершали омовение. Непосредственно перед обедом слуги подносили воду и полотенца приглашенным [3]. Мытье рук имело важное значение, особенно, если учесть, что определенные блюда ели руками. После мытья рук вносили блюда.

Вначале на стол подавали тан, а также мясной бульон. Эти блюда способствовали возбуждению аппетита.

Вторые блюда отличались своей разновидностью. Это могло быть искусно приготовленное мясо домашних животных и птиц. Как царь, так и представители высшей знати имели свои бойницы – *спанданоц (арм. սպանդանոց, սպանդ* – кровопролитие, заклание). Отсюда и название рода Спандуни, представители которого «были назначены над бойнями» [8]. В большом почете было мясо диких животных и птиц, убитых во время охоты самими участниками трапезы. Лазар Парпеци рассказывает о бесчисленных стадах оленей и диких коз, о кабанах и водоплавающих птицах в лесах и реках Айрарата, а также о приготовленных из охотничьих трофеев деликатесных блюдах, приправленных различными специями [4].

В Армении, богатой изобилующими рыбой озерами и реками, рыболовство было, пожалуй, занятием не менее любимым, чем охота. Первое наиболее раннее изображение рыбной ловли встречается в Евангелии из Мугни 1211г. Художник Маргаре изобразил некоего рыболова Шераника, который, по-видимому, приносил ему рыбу. Сбоку имеется надпись: «Шераник, когда б ни пришёл, приноси рыбу» (Илл. 4).

На многих известных реках средневековой Армении, таких, как Евфрат, Тигр, Аракс, Чорох и др., а также озерах Ван и Севан ходили суда и строились пристани. Большие порты имелись в Киликийской Армении, где в XII–XIII веках упоминались 25 портов.

Хотя пир предполагал обильную еду, тем не менее, чревоугодие, нерациональная и неумеренная пища на пирах осуждались средневековыми писателями.

Второй части застолья – винопитию – придавалось огромное значение. При дворе была должность изготовителя вин. Согласно Мовсесу Хоренаци эту должность занимали представители рода Гнуни. Историк считает, что фамилия Гнуни происходит от словосочетания «*гини уни*» (арм. *գինի ունի* – содержит вино), т.к. представители этого рода еще при царе Вагаршаке руководили процессом изготовления напитков, предназначенных для царя [8]. В языческие времена винопитие сопровождалось жертвоприношением. У Агатангелоса, когда Трдат III и Григорий Просветитель после ужина перешли к вину, царь приказал Григору поднести в дар статуе богини Анаит венок, но тот отказался совершить обряд поклонения языческим богам [3].

В Средневековье вино являлось одним из главных компонентов застолья и повседневных трапез, сорта вин менялись с течением времени: их пили все. Однако, несмотря на это, пьянство не приветствовалось. В су-

дебнике Мхитара Гоша нашла место статья под номером 9 «О пьяных и совершаемых ими преступлениях», в которой говорится: «За преступления, происшедшие между пьяными, согласно нашим церковным канонам, не должно быть никакого прощения, ибо прежде всего караемо само пьянство...» [15].

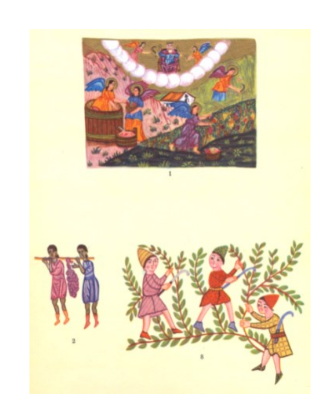
Нередко большое количество вина имело своей целью усыпить бдительность гостей, с которыми собирались расправиться. Так, персидский царь Йазкерт, пригласив на ужин военных-христиан, «винами увеличивал веселье в зале». Однако, когда гости вышли из пиршественного зала, их задержали и взяли под стражу. Смерть царя Папа также связана непосредственно с вином: в то время, когда он поднес чашу с вином ко рту, греческим воинам был дан знак, и два секироносца-легионера, стоявшие позади царя, внезапно вместе ударили царя Папа секирами [1].

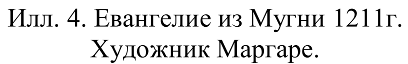
Из художественной литературы узнаем, что во время пира «позади каждого гостя стоял нарядный отрок с венком на голове, с серебряным кувшином, полным вина, в одной руке, и серебряным кубком в другой. Это были виночерпии, по одному на каждого из сидящих за столом» [14]. У Аракела Даврижеци «юные отроки подносили сладкое благородное вино в золотых чашах». В большом употреблении были и зооморфные сосуды, чаще в виде барана с вертикально поставленной ручкой на спине, носившие название «*хоч*». Чтобы наполнить такие сосуды, их погружали в карасы.

Средневековые миниатюры и памятники архитектуры дают представление о виноградарстве и плодоводстве в Армении. Заслуживает особого внимания миниатюра XVII века, на которой изображены сбор винограда и приготовление вина. Сами виноградари представлены в виде ангелов (Илл. 5).









Илл. 4. Евангелие из Мугни 1211г.
Художник Маргаре.

Илл. 5. Сбор винограда
XVII век.

Скульптурные украшения армянских храмов – это еще одна яркая иллюстрация виноградной темы. По всему периметру ахтамарской церкви

Сурб Хач тянется виноградный фриз, на котором изображены сцены обработки виноградника, уборки урожая, винопития[9] (Илл. 6) и (Илл. 7). Виноградно-гранатовый фриз присутствует также на фасаде храма Звартноц.





Илл. 6. Обработка виноградника.
Церковь Сурб Хач.



Илл. 7. Царь Гагик Арцруни
с кубком в руке. Церковь Сурб Хач.

После вина гостей ожидали разнообразные шербеты и прохладительные напитки, которые должны были ослабить действие крепких вин.

Наконец, не надо забывать и о том, что пир выполнял функцию организации досуга и развлечения царской семьи и всего двора, поэтому прием пищи и вина сопровождался увеселениями различного рода. В зависимости от сложившейся при том или ином дворе традиции на пиру велись ученые беседы, звучали шутки, музыка, выступали актеры, чтецы, музыканты, танцовщицы. На ужине у ишхана Бакура Сюнеци присутствовала наложница-танцовщица по имени Назиник, которая стала причиной ссоры между хозяином и гостем. А правнуки Григория Просветителя Пап и Атанагинес, приехав в Аштишат и войдя в епископские покои, «пили вино с блудницами, певицами, танцовщицами...». Интересно отношение автора к подобным явлениям, который считает, что эти люди «вели богомерзкий образ жизни», за что и были наказаны [1].

Вместе с тем, многие средневековые авторы в своих сочинениях уделяют значительное внимание музыкальному искусству, среди них Ованес Ерзнкаци (XIII) и Аракел Сюнеци (XIV–XV). Миниатюристы же на страницах рукописей изображали как известные им музыкальные инструменты, так и музыкантов, играющих на них (Илл.8). Указанные факты, несомненно, свидетельствуют о высоком уровне развития светской музыки в Армении и Киликийском государстве.

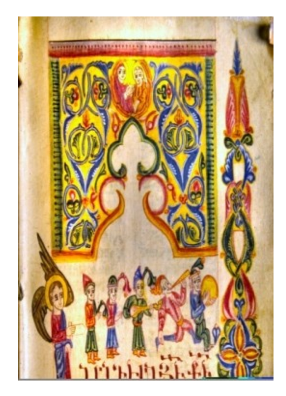
Логическим продолжением пира считались театральные постановки и выступления циркачей. На Илл. 9 изображено состязание борцов.

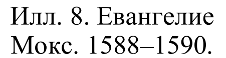
Если вышеперечисленные способы развлечения гостей завершали пиршественную трапезу, то охота, являющаяся одним из распространенных занятий того времени, предшествовала ей. Хотя в нее вовлекались все классы общества, для знати она трансформировалась в своеобразное стили-

[9] Считается, что Гагику Арцруни, построившему церковь Сурб Хач, принадлежала инициатива насаждения виноградников в районе озера Ван.

зованное развлечение. Даже более чем просто увлечение: охота была важной ареной для социального взаимодействия, привилегией и показателем знатности, а также важной частью подготовки к войне. На должность распорядителя охоты и сокольничего назначались представители известных княжеских родов. Правитель Сюника Бабик часто в своем княжестве охотился на оленей [6]. Царь Аршак имел свою любимую для охоты область Когайовит за горой Масис. Царь Тиран, узнав о том, что персидский царь Вараз собирается к нему в гости, приказал своим приближенным развлекать и увеселять его «охотой, пирами и всякими удовольствиями», однако не показывать в стране места, обильные дичью, чтобы не озлобить его, «ибо персы жестокосердый, завистливый и коварный народ» [1].

В киликийских миниатюрах часто встречаются великолепные сцены охоты и боя животных. Сцены эти помещены в хоранах[10] Евангелия: в начале глав и на полях в виде заставок, маргиналов, а также зоографических и орнаментированных инициалов (Илл. 10). Эти маленькие композиции, блещущие мастерством исполнения и естественностью, свидетельствуют не только о таланте художника, но и о любви народа к светскому искусству и о том, что охота была одним из любимейших развлечений того времени. В качестве охотничьего оружия в миниатюрах представлены лук, стрелы, меч, сабля и кинжал. Заслуживает внимания миниатюра художника XVI–XVIIвв. Акопа Джугаеци, изображающая охоту на льва. Здесь нарисована очень своеобразная стрела; хвостовая часть ее заполнена свинцом для придания большей меткости удару.





Илл. 8. Евангелие Мокс. 1588–1590.



Илл. 9. Рукопашная борьба и кулачный бой. Церковь Сурб Хач.



Илл. 10. Акоп Джугаеци XVI–XVIIвв.

Таким образом, рассматривая одну из интересных сторон жизни средневекового человека – пиршественную трапезу, можно сделать вывод, что кажущаяся на первый взгляд основная цель пира – поесть и поговорить – на самом деле не так проста, ибо пир при более глубоком рассмотрении являлся своеобразным критерием социальных связей и средством межчело-

[10] Хоран – орнаментальное оформление таблиц канонов.

вечеческого общения. Изучение пира как социокультурного явления, превратившегося в важный социальный институт со своими традициями и ритуалами, дает возможность глубже понять материальную и духовную культуру средневекового общества.

1. *Փավստոս Բուզանդ*, Պատմություն հայոց, Եր., «Հայաստան», 1968
2. *Корюн.* Житие Маштоца. Ер.: «Айпетрат», 1962.
3. *Ագաթանգեղոս*, Հայոց պատմություն, Եր., ԵՊՀ հրատ., 1983:
4. *Ղազար Փարպեցի,* Հայոց պատմություն. Թուղթ Վահան Մամիկոնյանին. Թարգ. Բ. Ուլուբաբյանի, Եր., ԵՊՀ հրատ., 1982:
5. *Վարդան Հացունի.* Ճաշեր և խնջույք հին Հայաստանի մեջ. Վենետիկ, Ս. Ղազար, 1912:
6. *Մովսես Կաղանկատվացի*, Պատմություն Աղվանից աշխարհի, Եր., Հրատ. «Հայաստան», 1969:
7. *Егише.* О Вардане и войне армянской. Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1971.
8. *Մովսես Խորենացի.* Պատմություն հայոց, Եր., Հ ԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1991.
9. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в трех томах. М., 1963.
10. *Марр Н.Я.* О раскопках и работах в Ани летом. Л.-М., 1906.
11. История Армении Моисея Хоренского / Пер. Н.О. Эмина. М., Этнографический фонд Н.О. Эмина. Вып. I. Издание Лазаревского Института Восточных языков, 1893.
12. *Саркисян Е.С.* Гончарное искусство Армении. Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1978.
13. *Геворгян А.* Ремёсла и быт в армянских миниатюрах. Ер.: «Айастан», 1973.
14. *Раффи.* Самвел. Ер.: «Советакан грох», 1982.
15. *Мхитар Гош.* Армянский судебник. Ер., 1954.
16. *Հրաչեայ Աճառեան,* Հայերէն Արմատական Բառարան. Եր., ԵՊՀ հրատ., 1926:

ԽՆՋՈՒՅՔԸ ՈՐՊԵՍ ՀՅՈՒՐԸՆԿԱԼՈՒԹՅԱՆ ՍՈՑԻԱԼ–ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԲԱՂԱԴՐԻՉ ՄԱՍ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Ամփոփում

Որպես մշակութային ավանդույթ, հյուրընկալությունը ապրել է էվոլյուցիոն զարգացում, ենթարկվելով որոշակի ձևափոխման, այդուհանդերձ, չկորցնելով իր արդիականությունը:

Հոդվածն իրեից ներկայացնում է միջնադարյան հյուրընկալության կարևոր բաղադրիչներից մեկի՝ խնջույքային ճաշկերույթի պատմամշակութաբանական հետազոտություն: Ուսումնասիրելով միմյանց հետ չհամակցված բազում փաստարկներ, փորձ է արվել կյանքի բերել միջնադարյան Հայաստանում իրականացվող խնջույքների ամբողջական պատկերը, որը թույլ է տալիս առավելագույնս ճիշտ պատկերացում կազմել տեղի վերնախավի ներկայացուցիչների կարգավիճակի և սոցիալական շփման առանձնահատկությունների մասին:

Հիմնաբառեր՝ խնջույք, հրավերք, վերնախավի ներկայացուցիչներ, սոցիալական դիրք:

FEAST AS A SOCIAL – CULTURAL COMPONENT OF HOSPITALITY IN MEDIEVAL ARMENIA

Summary

As a unique type of cultural tradition, hospitality has gone through the evolutionary filter, development and modification but however it didn't lose its relevance.

The article represents historical-cultural study of repast which is one of the main components of medieval hospitality. An attempt was made to bring to life the complete image of banquets in medieval Armenia having the actual material consisting of a big amount non-united arguments. This very study allows to understand the features of the status and social communication of the representatives of nobility.

Keywords: feast, invitation, representatives of nobility, social status.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В АРМЕНИИ

31-го мая 2014г. в Российско-Армянском (Славянском) университете состоялась, по инициативе кафедры журналистики, студенческая научно-практическая конференция на тему: «Перспективы развития мультимедийной журналистики в Армении». С докладами выступили магистранты 1-го года обучения. Были подняты актуальные темы – такие, как «Сетевые медиа как бизнес», «Значения социальных сетей в создании единого информационного поля», «Менеджмент интернет-СМИ» и другие. На конференции также выступил журналист, руководитель магистерского направления «Мультимедийная журналистика» Д. Алавердян. Заведующий кафедрой журналистики В.П. Закарян отметил, что такого рода конференции должны стать доброй традицией и проводиться как можно чаще.

ЗАКРЫТИЕ УНИВЕРСИАДЫ: РАУ – «ЛУЧШИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГОДА»!

Торжественная церемония закрытия Универсиады состоялась 7-го июня в Доме Культуры РАУ. Организаторами первой в Армении универсиады являлись Российско-Армянский (Славянский) университет совместно с Министерством обороны РА. Призерам всех конкурсов, организованных в рамках универсиады, были вручены награды. Также был объявлен главный победитель универсиады – «Лучший университет года».

«*Армянский молодой человек обязан быть организованным, сильным, патриотичным. Я очень горжусь молодым поколением. Я уверен, что с такой молодежью мы придем к той стране, о которой мечтали. Очень хотелось бы, чтобы эта универсиада была первой, но не последней. Чтобы она организовывалась каждый год, пока мы не преодолеем уличные манеры*», – отметил ректор РАУ А.Р Дарбинян.

На церемонию закрытия был приглашен также министр обороты РА Сейран Оганян.

«*Мы живем в сложное время. И в этих трудных условиях на первом месте находятся военные, которые готовы отдать жизнь за свою Роди-*

ну. Благодарю всех участников и всех тех, кто не забывает своих героев, свою историю. Но чтобы мы не стояли на месте, чтобы жизнь продвигалась вперед, необходимы такие мероприятия, как эта универсиада. Я хотел бы выразить особую благодарность ректору Российско-Армянского (Славянского) университета Армену Дарбиняну и, конечно, Рипсиме Маргарян за осуществление этой идеи», – подчеркнул Сейран Оганян.

По итогам универсиады, которая длилась с 15 по 30 мая, был выявлен «Лучший университет года» – Российско-Армянский (Славянский) университет. Второе место, уступив РАУ полбалла, занял Ереванский государственный университет. А третьего места удостоился Военный институт им. В. Саркисяна.

В Универсиаде-2014 принимали участие ведущие вузы Армении: ЕГУ, РАУ, Политехнический университет, Архитектурно-строительный университет, Педагогический, Ереванский государственный университет театра и кино, Французский университет, ЕГМУ, ЕГК, Арцахский государственный университет и Военный институт им. В. Саркисяна. Главной целью универсиады было объединение студентов армянских и арцахских вузов вокруг одной проблемы – «Борьбы с уличными манерами».

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

11-го июня 2014г. в Российско-Армянском (Славянском) университете состоялся круглый стол на тему: «Актуальные проблемы обеспечения Евразийской безопасности». Среди приглашенных были: ректор Уральского государственного экономического университета, президент Университетской Лиги ОДКБ М.В. Федоров, координатор Аналитической Ассоциации ОДКБ и исполнительный директор Университетской лиги ОДКБ И.Н. Панарин, заместитель руководителя редакции стран СНГ и Балтии РИА «Новости» Э.Б. Таранова, президент редакции газеты «Известия» В.К. Мамонтов, директор Армянского национального представительства Института Организации Договора о коллективной безопасности Н.С. Торсян, депутат Государственной Думы пятого и шестого созывов, член фракции «Единая Россия» Р.А. Шлегель и другие. В ходе дискуссии обсуждались такие актуальные вопросы, как политические, гуманитарные, а также коммуникационные аспекты обеспечения евразийской безопасности, проблемы и пути обеспечения продовольственной безопасности на евразийском пространстве, интеграция образовательного пространства, подготовка управленческих кадров, участие молодежи в обеспечении евразийской безопасности и т.д.

Как отметил М.В. Федоров, создание Евразийского экономического союза имело историческое значение для человечества. Университетская

лига ОДКБ предполагает направленное развитие данного содружества, направление «мягкой силы». Это абсолютно правильный тренд развития Евразийского содружества.

«*Изучение концепции евразийской безопасности включает в себя ключевые вопросы, касающиеся национальных интересов. Постсоветское пространство обладает колоссальным интеграционным пространством, которое обусловлено историческим опытом совместного развития. И учитывая тот фактор, что Академия государственного управления республики Армения занимается подготовкой государственных служащих. Предлагаю организовать программу для государственных служащих по вопросам Российской безопасности, потому что данная тема сегодня актуальна. Я бы очень хотела, чтобы присутствовала помощь с вашей стороны, и были подготовлены разработки соответствующих модулей*», – подчеркнула юридический консультант Академии управления РА Г.С. Оганесян.

В свою очередь, П.С. Аветисян добавил, что идея евразийства имеет продолжительную историю: с философской точки зрения она претерпела ряд трансформаций, но переход на новый уровень реальности далеко не очевиден. «*Не имею представления о том, как будет развиваться экономическое направление, но научно-образовательное и культурное – ключевые составляющие, имеют первостепенное значение и могут служить важнейшим фактором в экономической и политической стратегии интеграции*, – заверил П.С. Аветисян. – *От соблюдения принципа "равноправных игроков" зависит эффективность процесса интеграции*».

По завершении дискуссии многие участники круглого стола выразили желание скорейшего присоединения Армении к Таможенному Союзу, так как обе страны идут «рука об руку» на протяжении многих лет. Интеграционные процессы важны для обеих стран, но, как отметил директор Института экономики и бизнеса РАУ Э.М. Сандоян, есть еще множество вопросов и задач в самых различных сферах взаимного сотрудничества, которые надо решить.

КОНФЕРЕНЦИЯ ЭКСПЕРТОВ ФОНДА ПОДДЕРЖКИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИМ. ГОРЧАКОВА

2-го июля 2014г. в Российско-Армянском (Славянском) университете состоялась конференция экспертов Фонда поддержки публичной дипломатии имени Горчакова. В основном были затронуты вопросы интеграции Армении в Таможенный Союз, его экономические и политические аспекты. Как заявила эксперт Аза Мигранян, Евразийский Союз полностью направлен на решение экономических проблем и не носит политического характера. Также было отмечено, что пункты в договоре, связанные с

политизацией, формированием единого гражданства, национальных орденов, стратегических и политических решений были исключены. Что касается вопроса об увеличении таможенных пошлин в три раза, эксперт заверила, что изменения не коснутся основных потребительских товаров и что в три раза вырастут пошлины только на некоторые товары, а так как прирост пошлины на 1% дает прирост цены только на десятую процентов, особых причин для беспокойства нет.

Среди экспертов присутствовал и Андрей Арешев – эксперт Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, который коснулся вопроса ксенофобии в российском обществе. Как сказал Арешев, отношение и восприятие армян россиянами кардинально отличается от отношения к другим выходцам из кавказских стран и Центральной Азии как на межэтническом, так и медийном уровне, что, несомненно, будет позитивно сказываться на интеграции в ТС.

Фонд Горчакова был основан в 2010 году с целью способствовать развитию публичной дипломатии, продвигать внешнеполитические интересы России, формировать в зарубежных странах благоприятный для России общественный, политический и деловой климат; вовлекать во внешнеполитический процесс институты гражданского общества.

«ЭКОНОМИКА, ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ: АРМЕНИЯ И РЕГИОН»

16-го июля 2014г. в Российско-Армянском (Славянском) университете прошла встреча дипломатической школы «Молодая дипломатия» с советником посольства Казахстана в РА Алматом Тоекиным и руководителем общественной организации «Интеграция и развитие» Арамом Сафаряном. Темой встречи стала: «Экономика, интеграция и безопасность: Армения и регион».

«Очень важно, что думает молодежь по поводу политических проблем в Армении, – заявил в начале встречи А. Сафарян, – *именно молодежь сейчас является одним из основных движущих политических сил в стране»*. Продолжив, он коснулся вопросов о сроках завершения подготовок к вступлению в ТС: *«На основе имеющихся у нас данных до 10-го сентября закончится процесс подготовки вступления Армении в Евразийский Таможенный Союз»*. По словам Сафаряна, переговоры и процесс согласования сейчас закончены: вскоре Армения будет полностью готова к интеграции в ТС.

В очередной раз был затронут вопрос о политической направленности союза, на который г-н Сафарян дал развернутый ответ: *«В современной "войне цивилизаций" существует геополитический разлом, который проходит, в том числе, и через Армению. В связи с этим нельзя допускать*

дестабилизации политической ситуации с помощью дезинформации, политического противостояния и неправильно трактованных фактов. Евразийский Таможенный Союз – это экономический мегапроект, вопросы о политизации проекта были сняты с обсуждения президентом Казахстана в стадии его зарождения, однако нельзя отрицать, что в будущем эти пункты могут пересматриваться».

На примере Украины эксперты дали представление о том, чем чреваты дестабилизация, дезинформация и политические противостояния внутри страны: *«Украина показала, что сейчас мы находимся на стадии "Холодной Войны-2", сегодня мир становится многополярным, и Россия претендует на место одного из центральных государств, притягивающих к себе соседние страны, но это многим не нравится… Я очень надеюсь, что в нашей стране не повторится ситуация, аналогичная "Майдану" на Украине»*.

Во время встречи экспертов попросили прокомментировать недавние заявления Нурсултана Назарбаева: г-н Сафарян отказался, однако Алмат Тоекин все же дал короткий комментарий, выразив сомнение по поводу потенциального влияния подобных заявлений на интеграционную ситуацию в данный момент. Что касается сохранения суверенитета страны, то, по убеждению г-на Сафаряна, вступлением в ТС Армения делает очень важный шаг в этом направлении: Евразийский экономический союз должен найти новые экономические рычаги, которые помогут сохранить независимую экономику в стране, что повлияет также на сохранение независимости самой страны.

Проект «Молодая дипломатия» стартовал 25-го июля 2014г. и его основной целью является построение интерактивной платформы для двусторонней коммуникации между молодыми специалистами и политическими структурами в рамках проблем, касающихся интеграционной политики и регионального сотрудничества.

РЕЦЕНЗИЯ

Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М.: Юрлитинформ, 2014. 392 с.

Актуальность темы предпринятого Ю.П. Боруленковым исследования обусловлена изменениями, происходящими в экономической, политической и правовой сферах жизни российского общества.

Совершенствование и оптимизация познавательной и практической юридической деятельности с необходимостью влечет поиск более рациональных и эффективных путей, новых методов, подходов и средств. Особенности современного правоприменения требуют переосмысления базовых общетеоретических подходов, фундаментальных проблем и обусловливают целесообразность создания комплексных концепций юридического познания, доказывания и доказательств, используемых в юридической практике, что открывает широкие возможности для решения многих частных и прикладных задач.

Оптимизация структуры прикладного юридического познания становится особенно актуальной в настоящий период, когда оно понимается не как абстрактное познание, а как интеллектуальный правовой инструмент, ориентированный на коррекцию общественных отношений.

С сожалением, однако, приходится констатировать, что на фоне многочисленных публикаций, посвященных различным аспектам юридического познания, работы обобщающего теоретико-методологического плана остаются большой редкостью, хотя, как известно, они способны обеспечить качественный прирост соответствующего научного знания.

По этой причине выход в свет монографии Ю.П. Боруленкова «Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты)» является, безусловно, знаковым событием.

Появление указанной монографии, вместе с тем, событие вполне ожидаемое. Рецензируемая работа является продолжением ранее опубликованных автором исследований «Теоретические основы процессуального познания» (Ю.П. Боруленков. Владимир, 2006), «Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности» (Ю.П. Боруленков. Владимир, 2009) и имеет основной целью системное освещение динамики, механизмов, логической структуры процесса познания в юридической сфере, а также выявление и решение некоторых наиболее значимых научных проблем, то есть того, что может быть названо методологией и теорией в свете авторской информационно-интерпретационной концепции юридического познания, в основе которой лежит отказ от упрощенного представления о его природе как отражения в сознании субъекта объективной реальности.

Автор рецензируемой работы предлагает содержательный объективный анализ соответствующего круга проблем юридического познания. Центральная мысль Ю.П. Боруленкова, развиваемая на страницах монографии, состоит в том, что научные изыскания в области юридического познания переросли уровень одного из актуальных, теоретически и практически значимых направлений юридической науки. Пришло время говорить не просто об актуальной сфере исследования, а о новом качестве научного знания – «теории юридического познания». И монография Ю.П. Боруленкова, синтезирующая и развивающая соответствующие наработки, является ярким тому подтверждением.

Весьма важен гносеологический аспект в изучении проблематики юридического познания, в рамках которого возможно осуществить интерпретацию понятия «юридическое познание» в качестве общетеоретической категории на основе историографического подхода к анализу основных этапов его развития, с одной стороны, а также гносеологической интерпретации в системе научного знания – с другой.

Ю.П. Боруленков является автором значительного количества работ, посвященных этой тематике (монографии, статьи в различных изданиях). Данная монография есть своего рода обобщение и развитие его идей по рассматриваемому вопросу, изложенных в предыдущих его публикациях. Несмотря на традиционный круг освещаемых вопросов, достаточно оригинальной является структура рецензируемого издания. Оно состоит из предисловия, трех глав и заключения.

Первая глава «Методология юридического познания» освещает проблемные вопросы методологии.

В этой главе Ю.П. Боруленков характеризует сложившиеся подходы к методологии юридического познания, разделяя мнение о понятии методологии как системы принципов и способов организации и построения деятельности, учитывающей тенденции дифференциации и интеграции научного знания. Методология юридического познания – это система элементов, составляющих теоретическую основу и инструментарий исследования в области юриспруденции, а также система способов практического воздействия на общественные отношения в сфере действия права. По существу речь идет о методологическом подходе в юридическом познании (если брать шире – о технологии юридического познания), который позволяет объединить в единое многоуровневое образование технику (средства), тактику (принципы, приемы, способы, методы, правила и т.п.), стратегию (планирование и прогнозирование, направления исследований) и методику (процедуры и т.д.) юридического познания.

Автор отмечает, что трудности изучения юридического познания объясняются сложным сочетанием целого комплекса различных сторон и факторов. В нем в единстве функционируют и взаимодействуют логическое и психологическое, сознательное и бессознательное, рациональное и иррациональное, продуктивное и репродуктивное, индивидуальное и социальное, при этом существенное значение имеет так называемый чело-

вечеcкий фактор. Поэтому авторский целостный и многомерный подход к методологии юридического познания представляет собой выявление и изучение специфики философского, лингвистического, психологического и социологического аспектов в их единстве.

Необходимость дальнейшей разработки проблем юридического познания, по убеждению автора, требует переосмысления его природы, статуса, понятийного аппарата и возможностей модификации, а осуществление этих процессов происходит в современном философском и научном контекстах, с применением новых идей, представлений и понятий, с предложением иных интерпретаций и толкований познавательной деятельности и знания. Для понимания природы гносеологии, имеющей вековые традиции, Ю.П. Боруленков использует современные представления о бытии идеальных сущностей и виртуальной реальности.

В работе отмечается, что современная теория юридического познания нуждается в такой категории субъекта, когда он понимается в своей целостности, содержащей не только когнитивные, логико-гносеологические, но и экзистенциально-антрополого-нравственные, культурно-исторические и социальные качества, влияющие на процесс познания. Эмпирический человек, полностью вытесненный «частичным» гносеологическим субъектом в традиционной теории познания, должен быть возвращен в современное учение о социально-гуманитарном юридическом познании.

Соотношение объективного и субъективного в деятельности лица, осуществляющего юридическое познание, зависит от применяемого им метода познания. Методологическая рефлексия выступает важнейшим условием совершенствования познавательного процесса, поскольку способствует осмыслению собственных оснований для познания, осознанию его принципов, методов, средств, целей и задач. Выделение автором методологии юридического познания как специфической области рационального познания и фиксированной системы апробированных правил и норм творческого процесса связано с осмыслением важной роли метода в юридическом исследовании.

Проблематика юридического познания по своему содержанию и теоретическому статусу является комплексной и междисциплинарной. Указанные черты в полной мере присущи и рецензируемой монографии. Комплексное освещение разнообразных методологических подходов и, в частности, философского, лингвистического, психологического, применение соответствующих положений теории права и ряда других дисциплин позволило автору обосновать не только логически цельную, но и достаточно реалистичную концепцию юридического познания.

Во второй главе «Теория юридического познания, его сущность и особенности» изложены теоретические положения юридического познания, в частности авторская информационно-интерпретационная концепция (СС. 121–165); аргументированная авторская позиция относительно сущности истины в юридическом познании (СС. 165–177) и др.

Уже сами названия некоторых параграфов вызывают интерес: «Факторы, негативно влияющие на юридическое познание», «Информационная неопределенность и риск принятия правового решения», «Решение публичного субъекта юридического познания как интегрированный правовой результат».

В монографии содержится немало интересных и достаточно обоснованных научных положений. Так, следует поддержать предлагаемое автором разграничение юридического познания в научном и прикладном планах, поскольку первое ориентировано на отыскание законов (закономерностей) развития изучаемого явления, в то время как второе – на практическое применение того, что открыто при помощи фундаментальных исследований, на непосредственное решение практической задачи.

Особое внимание в рамках настоящей рецензии хотелось бы обратить на перспективность идеи необходимости формирования нового образа юридического познания, учитывающего «человеческий фактор» и ориентированного на гуманные цели и ценности, формирующиеся человечеством в процессе его историко-культурного развития, что становится возможным посредством категории «концепт». По существу, концепт «юридическое познание» позволит преодолеть его идеализацию и внеисторичность.

При разработке проблем юридического познания невозможно обойтись без обращения к философским категориям познания и его видам, а также к категории истины как цели познания. Имеется потребность выхода за пределы теоретических конструкций юридической науки в область понятийного аппарата теории отражения и теории информации, логики, психологии. Вопрос о месте категории истины и ее характере в юридической деятельности имеет принципиальное значение, поскольку именно она опосредует и определяет отношение познающего субъекта к объекту и предмету познания, к тем обстоятельствам, на основании которых будет решено юридическое дело.

Автор, анализируя категорию «истина» в юридическом познании, полагает, что её следует рассмотреть как: а) результат; б) цель; в) принцип. Отдельного внимания требуют вопросы содержания истины и ее соотношение с понятием «справедливость», а также с состязательной формой судопроизводства.

Дискуссия о содержательной стороне истины исключительно важна, поскольку её результат может оказать влияние не только на размышления по поводу предмета и методов исследования той или иной юридической науки, предмета и метода правового регулирования общественных отношений, но, главное, на конкретные решения по конкретным судебным делам.

Познание и доказывание юридических фактов – одна из традиционных проблем юридической науки. Сложившееся представление о юридических фактах как фактах реальной действительности, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий, по утверждению автора, не дает полного представления об их подлинном назначении и роли в правовом регулировании.

Юридический факт автором определяется как образ конкретного обстоятельства реальной действительности, принятый компетентным органом за истинный, с установлением наличия или отсутствия которого юридические предписания (нормы и принципы права, индивидуально-конкретные акты и т.п.) связывают определенные юридические последствия, в том числе возникновение, изменение и прекращение правовых отношений между персонально определенными субъектами права.

В работе предлагается трехуровневая гносеологическая схема формирования юридических фактов. Содержание доказательств конструирует доказательственные факты, на основании совокупности которых возникает образ события прошлого – собственно юридический факт. Результатом доказывания является юридический факт – это знание компетентного органа – проекция сложной юридической деятельности, несущей на себе печать и личности субъектов доказывания, и особенности социально-культурного контекста.

Третья глава «Практика юридического познания: доказательство и доказывание» посвящена теоретическим аспектам юридической практики в её стержневом вопросе – вопросе познания посредством доказывания.

В рецензируемой работе предпринята попытка выделения отправных понятий и положений процессуального познания, доказывания и доказательства, приведения их в стройную систему, а также изучение различных вопросов поднятой темы на основе этой системы теоретических взглядов.

По убеждению автора требует своего принципиального разрешения в доказательственном праве вопрос о том, совпадают ли в процессуальном познании понятия познания и доказывания. Прямое соотнесение логического понимания доказательства, с одной стороны, и сути процесса судопроизводства – с другой, приводит автора к выводу о необходимости различать понятия процессуального познания и доказывания в юридическом смысле.

По мнению Ю.П. Боруленкова, в содержательном плане понятия процессуальное познание и доказывание не только не совпадают, но могут даже и не пересекаться. При одинаковых объемах сведений, полученных в ходе процессуального познания, стороны по-разному оценивают их, поскольку юридический процесс – это всегда спор. Более того, нередко субъекты процессуального познания, находящиеся на одной процессуальной стороне, движимые личными интересами, предлагают различную интерпретацию тех или иных установленных обстоятельств. Для ряда субъектов доказывания (например, защитника или представителя потерпевшего) интерпретация установленных обстоятельств в процессе доказывания зависит от интереса иных субъектов (ими представляемых или защищаемых), при этом их собственная оценка обстоятельств дела может не совпадать с мнением подсудимого или потерпевшего.

Понятие доказательства является одним из центральных в теории доказательств и трактуется достаточно разнопланово. В рецензируемой работе доказательство рассматривается как средство процессуального поз-

нания и средство убеждения сторонами публичных субъектов процессуального познания. При этом автор рассматривает доказательства в двух плоскостях: как доказательства-сведения и доказательства-факты – соответствующих двум уровням человеческого познания мира: чувственно-практическому и рациональному (логическому).

Следует отметить, что любое доказательство становится таковым лишь при его окончательной оценке судом или иным компетентным органом. До этого доказательство должно иметь статус «предварительного», поскольку никогда не исключено, что на каком-то последующем этапе оно не будет по каким-либо признакам забраковано и исключено из совокупности доказательств.

В этой связи возникает необходимость в применении различных терминов для обозначения доказательственной информации на разных стадиях юридического процесса (досудебной, использования в судебном процессе и на стадии принятия решения судом).

Поскольку закрепленное в законе понятие доказательства становится таковым только на стадии окончательной оценки судом, применительно к ранним этапам судопроизводства автор монографии предлагает использовать термин «информационный процессуальный аргумент». Информационный – поскольку содержанием этого понятия является информация, не ставшая еще сведениями для публичного субъекта процессуального познания, но адресованная ему. Процессуальный – поскольку информация облечена в предусмотренную законом процессуальную форму. Аргумент – поскольку основной функцией процессуальной информации является обоснование субъектами доказывания (сторонами) своей позиции адресату – публичному субъекту процессуального познания.

Теория доказательств является одной из составляющих теории юридического познания. В свою очередь рассмотренный автором вопрос об уликах, или косвенных доказательствах, представляется одним из очень интересных и важных как в теории доказательственного права, так и в практике его применения. Данное обстоятельство определяется тем, что оперирование ими нередко оказывается единственным способом установления фактических обстоятельств по делу.

Одним из наиболее дискуссионных в теории доказательств продолжает оставаться вопрос о понятии «вещественное доказательство» и его источниках. По мнению Ю.П. Боруленкова, вещественным доказательством является не сам предмет как таковой, а предмет с его определенными качествами и связями с доказательственными фактами.

Юридическое познание следует рассматривать как сложную систему, состоящую из множества элементов и имеющую определенную структуру, что позволяет говорить о технологическом процессе воспроизводства знаний, нацеленном на определенный результат. В процессуальном познании такими средствами являются юридически значимые действия должностных лиц и компетентных органов. Автор рассматривает процессуальную и гно-

сеологическую сущность следственных и иных процессуальных действий, дает их авторскую классификацию.

Правильное понимание доказательства, его источника, содержания и формы имеет существенное значение для усвоения всех остальных вопросов теории доказательств, и в частности такой их характеристики, как допустимость. Допустимость доказательств не одно столетие изучается правоведами.

Проблема допустимости (недопустимости) доказательств должна исследоваться в комплексе с вопросом о понятии, сущности и правовой природе доказательств. Только в этом случае исследователь вправе и может рассчитывать на позитивный результат. Правило допустимости практически одинаково сформулировано в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве и рассматривается так же, как и в уголовном процессе, как формализованное правило, характеризующее его процессуальную форму, безотносительно к достоинствам и качеству содержащейся в средствах доказывания информации.

В работе Ю.П. Боруленков констатирует жесткую зависимость содержания понятия «недопустимое доказательство» со степенью заформализованности как уголовно-процессуальной формы в целом, так и предварительного расследования, в частности. В этом контексте автор содержание понятия «недопустимое доказательство» определяет как количественными, так и качественными критериями. Например, говоря о количественных показателях содержания понятия «допустимость доказательства», автор имеет в виду его прямую непосредственную связь с собственно понятием «доказательство» и степенью формализации процессуального законодательства. Чем больше заформализовано законодательство, тем шире перечень возможных оснований для признания доказательства недопустимым.

В целом в работе проанализированы имеющиеся проблемы и существующие концепции юридического познания. В ряде случаев автор пытается обосновать собственную позицию, в других – присоединяется к уже высказанным точкам зрения.

Не все заявленные вопросы освещены с достаточной полнотой. Так, ограниченно используются материалы следственной и судебной практики, хотя как раз это и предполагается как иллюстрация теоретических взглядов автора.

Язык изложения текста в монографии непретенциозен. Он доступен и понятен даже для специально не подготовленного читателя, обладающего лишь самыми поверхностными познаниями в области юриспруденции.

Монография выполнена с использованием обширного доктринального материала, который вполне приемлемо отражает достигнутый современный уровень исследования как юридического познания в правовой науке, так и вопросов гносеологии и эпистемологии в науке в целом.

Привлекает внимание библиография, которая может позволить читателю обратиться к первоисточникам по исследуемой теме.

Также вызывает удовлетворение корректное и доброжелательное отношение автора к теоретическим взглядам, не совпадающим с его личной научной позицией.

Научная и теоретическая значимость рецензируемой работы определяется ее несомненной актуальностью и заключается в том, что собранный и обобщенный материал и выводы автора могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях института публичных мероприятий, а также в процессе преподавания ряда дисциплин: конституционного права, муниципального права, теории государства и права, специальных дисциплин и др.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что сделанные выводы могут быть использованы для дальнейшего совершенствования законодательства, что будет способствовать повышению эффективности и качества правоприменительной деятельности, формированию в нашей стране правового государства.

Результаты работы будут полезны следователям, прокурорам, судьям и адвокатам в их практической деятельности, преподавателям – при чтении лекций и проведении семинарских занятий, студентам и слушателям юридических вузов – при подготовке научных докладов (сообщений), написании курсовых и дипломных работ.

Содержанию и стилистике монографии присуща высокая степень качества, аналитики и обобщения. Комплексный характер исследования обоснован взятыми в единстве нормативным, доктринальным и правоприменительным подходами.

Философско-мировоззренческий плюрализм, политическая и идеологическая беспристрастность автора позволяют заинтересованному читателю оставаться самим собой, выстраивая собственное видение правовых проблем в сфере юридического познания.

М.А. Калашян

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова М.Г. –	к.и.н., доцент факультета Политологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия)
Айрапетян А.Г. –	аспирант кафедры Мировой политики и международных отношений РАУ
Асатрян А. –	соискатель Национального аграрного университета
Вершинина И.М. –	к.э.н., старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Россия)
Геворкян Н.В. –	к.п.н., старший преподаватель кафедры Мировой политики и международных отношений РАУ
Гянджумян В.Э. –	аспирант кафедры Мировой политики и международных отношений РАУ
Даллакян Л.Г. –	старший преподаватель, аспирант кафедры Уголовного и уголовно-процессуального права РАУ
Джилавян А.С. –	аспирант кафедры международных отношений Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара (Украина)
Мадоян С.Т. –	соискатель кафедры Европейского и международного права ЕГУ
Мелконян Н.М. –	к.э.н., преподаватель ЕГУ
Оганесян Н.А. –	аспирант кафедры Гражданского права и гражданско-процессуального права Института права и политики РАУ
Попова А.В. –	к.юр.н., к.филос.н., профессор РАМХ и ТС
Погосян Г.А. –	член-корреспондент НАН РА, доктор соц. н., профессор, директор Института философии, социологии и права НАН РА
Сардарянц А.С. –	кафедра Международных отношений Нижегородского государственного университета (НГУ) им. Лобачевского
Саркисян Г.В. –	старший преподаватель кафедры Мировой литературы и культуры, соискатель кафедры Культурологии ЕГУ

Саркисян О.Л. – к.философ.н., доцент, зав. кафедрой Политологии РАУ

Тхабисимов Х.А. – к.ю.н., доцент кафедры государственных и правовых дисциплин Северо-Кавказского института РАНХиГС при Президенте РФ

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила для авторов журнала «Вестник» РАУ

Журнал печатает оригинальные статьи по различным направлениям гуманитарных и общественных наук.

• К рассмотрению принимаются статьи на русском, армянском или английском языках.

• Статьи должны быть представлены в распечатанном виде и электронной форме.

• К материалам статьи прилагается Договор с Редакцией РАУ, подписанный одним (ответственным) автором (оформляется в одном экземпляре).

• Статья должна иметь направление от учреждения, в котором выполнена работа. Рукопись подписывается автором (соавторами) с указанием фамилии, имени, отчества, домашнего адреса, места работы, номеров телефонов и e-mail. Необходимо указать, с кем вести переговоры и переписку. Отклоненные статьи не возвращаются.

Перед текстом статьи указываются:

– название статьи;

– инициалы и фамилии авторов (для иностранных авторов на языке оригинала или на английском языке);

– название учреждения (без сокращений и аббревиатур), которое направляет статью, его адрес (город, страна);

– e-mail авторов и контактный телефон.

Далее помещается аннотация на русском и армянском языках объемом не более 0.5 машинописной страницы, которая не должна дублировать вводный или заключительный разделы. Аннотация не должна содержать литературных ссылок и аббревиатур. В конце аннотации указываются ключевые слова (keywords). Требуется также аннотация на английском языке.

Список литературы должен быть набран и оформлен следующим образом:

– для книг – инициалы и фамилии *всех* авторов, название книги, издательство, место издания, год издания в круглых скобках, том;

– для периодических изданий – инициалы и фамилии всех авторов, название журнала, том – номера первой и последней страниц статьи, год издания в круглых скобках.

Нумерация ссылок должна соответствовать порядку их упоминания в тексте.

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского (Славянского) университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52 (внутр. 42-02)
e-mail: marvolskaya@gmail.com

Заказ № 10
Подписано к печати 05.09.2014г.
Формат 70х100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная №1.
Объем 10,7 усл. п.л. Тираж 100 экз.